Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»

ГІСТАРЫЧНЫЯ ШЛЯХІ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА І СУСЕДЗЯЎ:

УЗАЕМАДЗЕЯННЕ І ЎЗАЕМАЎПЛЫВЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны

2016

УДК 94:327(476)

Прадстаўлены зборнік уключае навуковыя артыкулы, матэрыялы якіх адлюстроўваюць гістарычныя шляхі фарміравання беларускай дзяржаўнасці ў цесным ўзаемадзеянні з суседнімі народамі. Артыкулы, змешчаныя ў зборніку, паказваюць ролю і месца беларускай зямлі ў міжнародных палітычных працэсах, што адбываліся ў Цэнтральна-Ўсходняй Еўропе, выяўляюць уплыў разнастайных фактараў на сацыяльна-культурныя і дзяржаўна-палітычныя працэсы на Беларусі і ў суседніх краінах. У складанні зборніка прынялі ўдзел вядомыя прадстаўнікі акадэмічнай і ўніверсітэцкай навукі Беларусі, Літвы, Расійскай Федэрацыі і Украіны. Выданне адрасавана спецыялістам-гісторыкам, настаўнікам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй.

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Макушнікаў;
кандыдат гістарычных навук, дацэнт Г. А. Аляксейчанка

Змест

ПРАДМОВА

Геапалітычнае становішча Беларусі ва многім прадвызначыла яе няпросты, але разам з тым унікальны лёс. Знаходзячыся на мяжы двух вялікіх цывілізацыйных прастор – Захаду і Ўсходу, каталіцка-пратэстанц-кай Еўропы і праваслаўнай Расійскай дзяржавы, Беларусь стала рэгіёнам, у якім з аднаго боку існавалі рэсурсы для захавання многіх рэліктаў традыцыйнага светаўспрымання, а з другога боку беларускі народ аказаўся адкрытым для ўзбагачэння свайго светапогляду перадавымі набыткамі імкліва развіваўшайся Еўропы. Знаходжанне беларускай зямлі ў складзе Вялікага княства Літоўскага, а затым Рэчы Паспалітай адкрыла Еўропу для жыхароў Беларусі, а знаходжанне з складзе Расійскай імперыі адрадзіла і ўзмацніла традыцыйныя матывы. Здольнасць да сінтэза двух культур стала адным з важнейшых фактараў, які выдзяліў насельніцтва Беларусі з усходнеславянскага света. Разам з тым, шлях станаўлення беларускага народа, як і яго ўласнай дзяржавы аказаўся вельмі няпростым. За апошняе тысячагоддзе нашы продкі прайшлі праз шматлікія выпрабаванні, але ўсё ж дамагліся права, якое трапна сфармуляваў класік беларускай літаратуры Я. Купала, права “людзьмі звацца”. Гэты шлях беларускі народ прайшоў разам са сваімі суседзямі – украінцамі, рускімі, палякамі, літоўцамі, яўрэямі і іншымі. Многія гістарычныя працэсы, якія адбываліся ва Ўсходняй Еўропе, беларусы і суседзі перажывалі разам, у некаторых выпадках яны аказваліся на розных баках. Рэдакцыйная калегія зборніка спадзяецца, што ўключаныя ў яго артыкулы паспрыяюць паглыбленаму даследаванню актуальных праблем гісторыі рэгіёна і ўмацуюць навуковыя асновы развіцця ўзаемадзеяння паміж народамі суседзямі з улікам як іх агульнасці, так і асаблівасцей гістарычнага шляху кожнага з народаў.

Чаропка С. А.,
член рэдакцыйнай калегіі,
канд. гіст. навук, дацэнт

УДК 9(477)

Ю. О. Лєбєдєва

Науково-дослідний
інститут українознавства

ГЕОПОЛІТИЧНИЙ НАРИС РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКИХ ЗЕМЕЛЬ НАПРИКІНЦІ XIII–XIV ст.

У статті зроблено спробу розгляду особливостей литовської експансії на українські землі наприкінці XIII–XIV ст. Доведено, що на той час Велике князівство Литовське було одним з найбільших державних утворень у Центрально-Східній Європі. Обґрунтовано, що Литовська держава в результаті завоювання великої частини Білорусії та України, виснажених удільною системою і ординським нападами, представляла собою союз окремих земель. Аргументовано, що в період литовського поневолення українська державність існувала у формі територіальної влади.

Загальновідомо, що вплив геополітичних факторів характеризується чималою часовою протяглістю, а географічне місцезнаходження українського етносу було постійним упродовж багатьох століть. Ось чому розуміння історичного прогресу України в її взаємозв'язках з сусідніми країнами Європи давало привід проаналізувати не тільки події далекого минулого, а й окремі важливі питання сучасного утворення Української держави як складової частини європейської цивілізації.

Дана стаття присвячена дослідженню місця і ролі українських земель в політичних відносинах Великого князівства Литовського (далі ВКЛ) у зв'язку з тими політичними змінами, що відбувалися на той час у Центрально-Східній та Південно-Східній Європі й Україні. Належним є формулювання певної специфіки політичних спрямувань країн даного регіону, а також того, в якій мірі українські землі відігравали роль суб'єкта або об'єкта у політичних зносинах східноєвропейських держав і наскільки це позначалося на внутрішній та зовнішній політиці литовсько-польських князів.

На той час ВКЛ було одним з найбільших державних утворень у Центрально-Східній Європі. Велика роль, яку відіграла Литовсько-Руська держава в минулому Білорусі, України та Росії, спричинила неабияку увагу до своєї історії з боку східнослов'янських дослідників.

За визначенням групи відомих істориків: «Велике князівство Литовське було економічно й політично, культурно й етнічно неоднорідним державним утворенням. Включені до його складу східнослов'янські землі з більш високим рівнем розвитку економіки,

соціальних відносин і культури займали переважну частину його території. Приблизно таке ж співвідношення існувало і стосовно населення. Особливості структури Литовської держави знайшли відображення в титулатурі великих князів литовських. Так, ще в першій половині XIV ст. князь Гедимін називав себе «королем литвинів і руських», або ж «литвинів і багатьох руських». Його нащадки також підкреслювали свої верховні права на землі Русі, іменуючи себе «князями литовськими і руськими» або «вотчинами руськими» [1, с. 216].

Недивлячись на те, що проблема української державності в період володарювання Литовсько-Руської держави розпочала приваблювати українських вчених ще наприкінці XVI ст., у дослідженні даного питання і досі існує багато білих плям. Корені цього явища, на нашу думку, ховаються, насамперед, у недостатній кількості опрацьованого дослідниками джерельного матеріалу та у відсутності комплексних методологічних підходів до його опрацювання. Історія Литовсько-Руської держави і українських земель в її межах, а згодом і під владою Речі Посполитої, мала в українській історичній науці сталу наукову традицію. В цій царині варто пригадати фундаментальні наукові праці М.Довнар-Запольського «Из истории литовско-польской борьбы за Волынь» (1896) і «Государственное хозяйство в кн. Литовском при Яггелонах» (1900), М. Владимирського-Буданова «Очерки из истории литовско-русского права» (1882), IV том «Історії України-Руси» М. Грушевського та ін.

В той же проміжок часу Київський університет став центром литуаністичних студій у Російській імперії. Ключовим твердженням цього був вихід у світ «Нарису історії Великого князівства Литовського до середини XV ст.» В. Антоновича; а також критичні замітки на цю працю М. Дашкевича та місцеві монографії інших вітчизняних вчених.

Названі праці створили міцну основу для подальшого розквіту східнослов'янської литуаністики (1880–1900-і рр.). Дану естафету з часом перехопив науковий осередок дослідників у Львові (М. Грушевський, Б. Барвінський). Історіографія не лише політичної історії ВКЛ у цілому, а й окремих її періодів чи проблем тривалий час майже не досліджувалася. Лише починаючи з 1880-х рр. (зокрема, праць М. Дашкевича, А. Барбашева), з'являються короткі огляди, що стосувалися литуаністики в цілому.

Переломним етапом у вивченні державницьких устремлінь Великого князівства Литовського стали праці вчених-літуаністів М. Любавського, В. Антоновича, М. Грушевського, М. Дашкевича [2; 3; 4]. Приміром М. Любавський і М. Довнар-Запольський досконало дослідили

державний устрій та еволюцію внутрішньої політики Великого князівства Литовського. Крім того, М. Любавський розглянув питання залежності Великого князівства Литовського від Польщі, аргументувавши, що у досліджуваний період воно залишалося цілком незалежною державою. Саме М. Любавський став автором наукового терміну «Литовсько-Руське князівство», чим вдало сформулював важливу роль руського (українського) фактору в житті даного державного організму.

Поява історичних праць М. Грушевського розпочала нову еру в дослідженні східноєвропейської історії. Видатний український вчений, спираючись на успіхи попередників, на основі введеного у науковий обіг нової низки джерел, презентував Україну не тільки як об’єкт, а й як суб’єкт політичних взаємовідносин у Східній Європі XV–XVI ст. М. Грушевський аргументовано доводив, що Україна навіть у боротьбі з кримськими татарами була залишена сам-на-сам. Результатом цього було виникнення недержавної бойової сили, що дістала назву «козацтво». Відносно держави, то український історик вважав її діяльність у цьому аспекті не просто безвладною, а й шкідливою. На його думку, управителі країни цілковито занедбали військову міць України: не будували нових і не ремонтували старих замків, не утримували військо на кордоні, проводили м’яку і поступливу політику у відносинах з ворогами українських територій. Щоправда, М. Грушевський все ж таки зазначив, що в перші роки правління Сигізмунда I уряд намагався дещо поліпшити ситуацію.

Зазвичай, вчені різноманітних національних історіографічних шкіл використовували в своїх дослідженнях лише загальнодоступні та популярні в наукових колах джерела. Для прикладу, польські науковці послуговувалися переважно польськими і частково литовськими документами, російські ж вчені, навпаки, в основному описували документи з власних архівосховищ і т. п. Але, найголовніше, зазначені історики, відображуючи політичні і воєнні контакти Литовсько-руської держави, ігнорували внесок України в цей процес.

Політичній історії цієї доби М. Грушевський приділив весь IV том своєї «Історії України-Руси». Але й це була крапля у розвитку досліджень літуаністичних студій 20-х та початку 30-х рр. XX ст. Епохальний слід в цих розробках залишила панівна тоді в радянській історіографії тенденція до нехтування політичною історією. В тогочасній російській історичній літературі литуаністичні сюжети практично відсутні. Не набагато більшими були й здобутки вітчизняних істориків; в кращому випадку вони коротко торкалися історії українських земель у литовську добу, але не ВКЛ у цілому. Без відповіді лишилися заклики

М. Грушевського до колеґ продовжити традиції часів, коли українські дослідники і взагалі київські вчені – як Іванішев, Антонович, Леонтович, Владимирський-Буданов, Дашкевич та інші – вели перед у розробленні історії Великого князівства Литовського [5, с. 43].

Якщо 1920-і рр. були небагаті на литуаністичні дослідження, то протягом 30–40-х рр. останні фактично відсутні; це був майже «пропащий час» для даного напряму історичних студій. Стосовно українських вчених і їх значних успіхів у вивченні цієї проблематики, запровадження ними у науковий обіг нових фактів, все ж таки слід зауважити, що проблема ще далека від розв'язання. Дещо покращився стан літуаністичних розробок у кінці 80-х – на початку 90-х років XX ст. Сьогоднішній розвиток історичної науки дає можливість об'єктивно й неупереджено, на основі комплексу документальних та наративних джерел, дослідити проблему піднесення української державності за часів Великого князівства Литовського.

Позитивно зрушилась проблема за останні півтора десятиліття. В українській історичній науці гідні окремої згадки історіографічні нариси Ф. Шабульдо та О. Русиної, котрі мають відношення до встановлення литовського володарювання над південноруськими землями [6; 7]. У монографії О. Музичка, приуроченій Ф. Леонтовичу та розгляду його литуаністичних студій, цій проблемі відведено окремий розділ [8]. Історіографію деяких питань політичної історії останньої третини XV ст. розглядає й В. Ульяновський [9]. Дослідник В. Василенко в своєму дисертаційному дослідженні прослідкував процес вивчення в східнослов'янських історіографіях XIX – першої третини XX ст. політичної історії ВКЛ. Автор здійснив ґрунтовний аналіз історії вивчення в білоруській, російській та українській історіографіях усього комплексу проблем політичної історії ВКЛ.

Повертаючись до зазначеної проблематики, то період появи на міжнародній арені найбільш «культурно відсталих» етнічних груп Європи, а саме литовських племен, які ще до кінця XIV ст. завзято сповідували язичництво, історик державницького спрямування, що жив і творив на початку XX ст. М. Кордуба називав значною подією для Східної Європи. Політична карта Європи зазнала змін відразу після утворення двох рицарських орденів, в той час коли саме існування литовців могло бути врятоване лише завдяки створенню власної держави. Для збільшення своєї військової могутності та розширення власних кордонів литовці загарбали частину руських земель. З цією теорією погоджувався і М. Грушевський. На його думку, Орден лише прискорив розвиток «певних зав'язків» державності, а їхню появу пояснював внутрішньою еволюцією або впливом Русі і Польщі. Як

«внутрішню ферментацію» він охарактеризував збільшення кількості литовських набігів з кінця XII ст. [10]

М. Грушевський відмічав, що загарбання україно-руських земель Литвою у XIV в. мало характер не інтервенції, а прилучення і об'єднання земель Руської держави. Якраз завдяки відсутності власних національних зразків державного і громадського життя, внутрішній культурній відсталості Велике князівство Литовське потрапило передусім під вплив християнських традицій Русі, що позначився в суспільній, економічній, релігійній та культурній сферах життя. Поряд з цією «руською» вдачею держави процвітав консерватизм литовської державної політики із гаслом «Ми старини не рушаєм, а новини не уводим» [11]. Проте, як засвідчив час, цей знаний вираз був правдивим лише в певній мірі.

Стосовно ж твердження, що литовські управителі «старовини не зачіпали, а новини не вводили», то дослідники, котрі називають литовську державу водночас українською, доводять це тим, що українці володіли рівними правами з литовцями. Для прикладу: українські й білоруські князі та бояри брали участь у великокняжій раді; декотрі з них посідали найвищі посади в державній адміністрації та війську, користувалися рівними з литовцями привілеями. Церковнослов'янська мова з включенням української та православна віра були визнані на державному рівні. Серйозний вплив на литовську мала українська культура, яка на той час перебувала на значно вищому щаблі розвитку [12].

Помітну зацікавленість спричинило питання про те, чи правомірне визначення ВКЛ як держави. Ще Н. Устрялов визначав його як «союз князівств», подібний до існуючого у великоруських землях [13]. Дане твердження розвинув М. Максимейко, характеризуючи складові частини ВКЛ окремими державами [14].

Не бракувало й протилежних поглядів. М. Любавський доводив, що вже в XIV ст. ВКЛ являло «постійний державний, а не міжнародний союз» [15]. За О. Єфименко, воно було «безумовною державою», а Київська Русь – «зібранням держав» [16]. Висловлювалися й «компромісні» погляди: К. Гуслистий писав про «конґломерат напівдержав» із спільною зовнішньою політикою [17].

Литовська держава в результаті завоювання великої частини Білорусії та України, виснажених удільною системою і ординським нападами, представляла собою союз окремих земель, які у XIV–XVI ст. зберігали певні місцеві особливості, генетично пов'язані з ранніми етапами історичного розвитку. Її утворення було визначним організаційним успіхом, особливо вважаючи те, нове державне об'єднання

постало менш ніж за 150 років [18]. Велике князівство Литовське за будовою було схоже до федерації або «держави держав», іншими словами на таку форму державного устрою, коли незалежна держава «виявляла зверхність над залежними від неї не державами в тім, що вони, маючи дуже широку незалежність у внутрішніх справах, на зовні підлягали певним обмеженням: вони повинні бути давати до розпорядження сувереннній державі своє військо або й платити дань» [19]. Всі українські князівства, що знаходились під порядкуванням Литовської держави, входили у її склад на правах рівноправного суб'єкта.

Це був найпоширеніший термін формулювання устрою ВКЛ – визначення його як «федерації». Припускається, що лідерство тут варто надати М. Любавському. М. Грушевський підтвердив, що для використання даного визначення є підстави, хоча про справжню федерацію не може йтися [20].

Описані обставини влучно прокоментував Я. Калакура: «Занепад і розпад Галицько-Волинської держави аж ніяк не означали втрати самобутності суспільних відносин та засад громадянства, які склалися в Київській Русі. Інкорпорація українських та білоруських земель до складу Литви на правах удільних князівств призвела до трансформації її у спільну державу литовців, українців і білорусів із привнесенням у Велике князівство Литовське державницьких і культурних традицій Київської Русі та Галицько-Волинської держави. Українці й білоруси, які складали 90 відсотків населення Литовської держави і стільки ж території, принесли з собою нагромаджений досвід ієрархічної системи державного управління, основні риси організації суспільства, його «дружинного» ладу і вже існуючі ознаки громадянства, сформовані на традиціях «Руської Правди». [21]

На думку українського історика-літуаніста В. Бодрухіна: «Досвід історії інших країн свідчить, що процеси феодалізації суспільства завжди прискорювалися з прийняттям феодальною верхівкою країни християнства. Однак литовські князі з цим важливим кроком у державному житті не поспішали. Литовська держава протягом довгого часу розвивалася за умов язичництва…Вона була з самого початку поліетнічною, а тому в ній одразу ж вироблялися певні форми співіснування різних етносів, що вело до релігійної толерантності. Таким чином, Литва була охрещена фактично останньою в Європі» [22].

В період литовського поневолення українська державність існувала у формі територіальної влади. Як наслідок, всі чималі князівства з ознаками найменшої державності, управлялися литовськими намісниками. Хоча зі зміною князя характер влади абсолютно не зазнавав

перемін. Литовські князі швидко уловлювали проблеми очолюваного регіону і такими ж темпами потрапляли під вплив локального боярства. У зв’язку з особливостями територіального князювання місцеві управителі володіли чисельними привілеями та можливостями. Князі приділяли особливу увагу до захисту своїх земель, підтримували їх розвиток у всіх сферах державного та громадського життя. Зазначені устремління обов’язково спричиняли конфронтації з центральною владою.

За твердженням, С. Макарчука: «У Великому Князівстві Литовському виразником суверенітету була панівна феодальна верхівка суспільства, очолювана великим князем. Українські ж селяни, так само як білоруські чи литовські, а також інші трудові маси населення становили лише соціальний грунт, звідки піднімалася держава Гедиміновичів, яка була водночас і державою Острозьких, Сангушків, Чарторийських, Дубровицьких, Вишневецьких, Ружинських та інших феодальних родів і знаті. Вважати, що в XIV–XV ст. селянство могло стати носієм національної державності, – це нехтувати принципами історизму. Поліетнічний характер Литовсько-Руської держави означав найперше поліетнічний склад тієї верстви, яка творила апарат управління і користувалася благами власної держави» [23].

Таким чином, епоха литовського панування попри всі негаразди була сприятливою для Києва, України, українців і національних військових формувань. Вона дала їм змогу оговтатися від монгольського нашестя, відродитися і посилитися політично, економічно, мілітарно. Хоча Литва і ліквідувала в кінці XIV ст. Київське князівство, а потім передала всі українські землі Польщі, Київ продовжував залишатися головним сакральним національним центром. А тяжкий польський гніт і жахливі татарські напади стали для України потужнім викликом, на яеий вона відповіла – створенням козацтва, нової могутньої військово-політичної сили, яка в середині XIV ст. здобула «през шаблю» власну державність – Гетьманщину [24]. Отже, первинні устої у розвиток українського суспільства та зародження елементів самоврядування були закладені за часів Київської доби. Київська Русь, Галицько-Волинська і Литовсько-Руська держави – ключові періоди в історії української державності, становленні українського етносу.

Джерела і література

1 Горєлов, М. Цивілізаційна історія України / М. Горєлов, О. Моця, О. Рафальський. – К., 2005. – 629 с.

2 Довнар-Запольский, М. Польско-литовская уния на сеймах до 1569 года. Исторический очерк / М. Довнар-Запольский. – М., 1897. – 28 с.

3 Дашкевич, Н. Болоховская земля и ее значение в русской истории / Н. Дашкевич. – К., 1878. – С. 69–129.

4 Любавский, М. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков) / М. Любавский. – 2-е изд. – М., 1918. – 458 с.

5 Василенко В. Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої третини XX ст. : дис... д-ра наук: 07.00.06 / В. Василенко. – К., 2007. – 545 с.

6 Русина, О. Україна під татарами і Литвою. (Україна крізь віки. Т. 6) / О. Русина. – К.: Видавничий дім «Альтернативи», 1998. – 320 с.

7 Шабульдо, Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского / Ф. Шабульдо. – К.: Наукова думка, 1987. – 183 с.

8 Музичко, О. Історик Федір Іванович Леонтович (1833–1910) : Життя та наукова діяльність / О. Музичко. – Одеса: Астропринт, 2005. – 208 с.

9 Ульяновський В. Митрополит київський Спиридон: Образ крізь епоху, епоха крізь образ / В. Ульяновський. – К.: Либідь, 2004. – 376 с.

10 Грушевський, М. [Рец.:] Prochaska A. O prawdziwości listów Giedymina / М. Грушевський. – Kraków. 1895.

11 Грушевський, М. Історія України – Руси : в 11 т., 12 кн. – Т. IV: XIV–XVI віки – відносини політичні / Грушевський М. – К.: Наук. думка, 1993. – 544 с.

12 Малик, Я. Історія української державності / Я. Малик, Б. Вол, В. Чуприна. – Львів: Світ, 1995. – 248 с.

13 Устрялов, Н. Русская история. – Ч. I. 862–1462 / Н. Устрялов. – СПб., 1837. – 355 с.

14 Максимейко, Н. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. Максимейко. – Х.: Тип. Адольфа Дарре, 1902. – 205 с.

15 Любавский, М. Новые труды по истории литовско-русского сейма / М. Любавский // Журнал Министерства народного просвещения. – Ч. CCCXLV. – 1903. – № 3. – С. 148–149.

16 Ефименко, А. История украинского народа / А. Ефименко. – Вып. I. – СПб.: Типография Акционерного Общества Брокгауз – Ефрон, 1906. – 392 с.

17 Гуслистий, К. Нариси з історії України / К. Гуслистий. – Вип. II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). – К.: Вид-во АН УРСР, 1939. – 194 с.

18 Приходько, Л. Олександр Сергійович Грушевський – історик, організатор архівної та бібліотечної справи, педагог : дис... канд. іст. наук: 07.00.06 / Л. Приходько. – К., 2005. – 189 с.

19 Дорошенко, Д. Нарис історії України : в 2 т. (до половини XVII ст.) / Д. Дорошенко. – К.: Глобус, 1992. – Т. 1. – 145 с.

20 Грушевський, М. Історія України-Руси : в 11 т., 12 кн. – Т. V. Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII віків / М. Грушевський. – К.: Наукова думка, 1994. – 704 с.

21 Калакура, Я. Витоки української державності. Антська держава / Я. Калакура // Українська земля і люди. Український етнос у світовому часопросторі : колективна монографія за ред. П. Кононенка. – К., 2011. – Т. 1. С. 338–380.

22 Бодрухін, В. Князівська влада і проблеми державотворення в Україні (XII–XIV ст.) : дис… д-ра іст. наук: 07.00.01 / В. Бодрухін. – Донецьк, 2005. – 658 с.

23 Макарчук, С. Етнографія України. Навчальний посібник / С. Макарчук. – Львів: «Світ», 2004. – 518 с.

24 Фігурний, Ю. Київ – головний державотворчий центр України, осердя формування і становлення національного війська (від княжих часів до сьогодення) / Ю. Фігурний // Українознавство. – К., 2003. – № 2 – 3. – С. 258–261.

***Yuliya Lebedeva.* Geopolitical outline development of Ukrainian lands in the late XIII–XIV in the XVIII century.** *The article attempts to consider features of the Lithuanian expansion to Ukrainian lands at the end XIII–XIV century. It is proved that at the time the Grand principality of Lithuania was one of the largest state formations in Central and Eastern Europe. Proved that the Lithuanian state as a result of the conquest of large parts of Belarus and Ukraine, exhausted feudal system and the Horde attacks, was a union of separate land. Argued that during the Lithuanian enslavement Ukrainian statehood existed in the form of territorial authorities.*

УДК 94:355(476+474.5) «15/16»

А. П. Шиляев

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

ВЛАСТЬ ГЕТМАНОВ В ВОЙСКЕ ВКЛ КОНЦА 16 – НАЧАЛА 17 В.

В представленной статье рассматриваются полномочия гетманов в войске ВКЛ после военных преобразований короля Стефана Батория и до прихода к власти Владислава IV. Основное внимание уделено обязанностям гетманов при непосредственном руководстве войском, а также различным судебным и хозяйственным полномочиям и слугам гетманов, которые помогали им в исполнении разнообразных обязанностей. Рассматривается порядок назначение на должности великого гетмана и польного гетмана и их взаимодействие между собой.

К началу 17 века военная организация ВКЛ представляла собой весьма сложную структуру, сочетавшую в себе старые и новые

принципы. Произведенные военные преобразования во второй половине 16 века, особенно при короле Стефане Батории (1576–1588) существенно упорядочили эту структуру, однако в целом сохранялось значительное количество пережитков. Эта тенденция касалась и системы управления вооруженными силами ВКЛ.

Высшее военное руководство войском ВКЛ осуществляли гетманы. Полномочия у них были весьма широкие, хотя и не всегда четко определены, что характерно для этого периода.

Само слово гетман имеет, скорее всего, немецкое происхождение и означает командир или начальник. Встречается оно уже в 15 веке. Так, в ходе гуситских войн, табориты называли своих командующих, наиболее ярким примером может послужить Ян Жижка, который стал гетманом в 1420 году. Ввиду тесных связей с немецкими и чешскими землями, термин этот появляется в Польше и в ВКЛ.

Первым известным нам гетманом ВКЛ считается Иван Федорович Ходкевич (1420–1485). В письме о подготовке посольства киевского митрополита Мисаила к папе римскому Сиксту IV по вопросу заключения церковной унии упоминаются участники этого посольства и среди них «…в войсках гетман наивысший» [1, с. 199].

В течение 16 века происходила постепенная регламентация полномочий и обязанностей гетманов. Основной обязанностью гетмана великого было руководство войсками, что было закреплено в различных документах, так в артикулах гетмана Криштофа Радзивилла 1635 года указывалось на положение гетманов в военной иерархии сразу после короля – «Hetmanowi jako pierwszej swej od J. K. M. i Rzptej zwierzchności ma każdy posłuszeństwo oddawać» [2, s. 235].

Обычно гетманы непосредственно принимали участие в боевых действиях, осуществляли общее руководство войсками и отдавали прямые приказания, даже если в армии находился король. В артикулах Стефана Батория указывалось, чтобы «ни ротмистры, ни товарищи в делах военных не предпринимали ничего самостоятельно, а дожидались указаний гетмана» [2, s. 156].

Гетманы руководили войсками в прямых боестолкновениях, производили построение подразделений, отдавали приказы об их перемещении и нахождении на поле боя, следили за сохранением боевых порядков, отдавали приказы о преследовании отступившего неприятеля [2, s. 244].

Так, благодаря военному таланту и умелому руководству великого гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича войскам Речи Посполитой удалось одержать одну из самых значительных побед в сражении против шведов под Кирхгольмом в 1605 году.

Однако полномочия гетманов не исчерпывались только руководством войсками. На протяжении 16 века начинают появляться первые воинские уставы или артикулы, которые издавали сами гетманы, т. е. можно сказать, что они разрабатывали военное законодательство. В связи с тем, что военное дело ВКЛ находилось под сильным польским влиянием, то одни из первых гетманских артикулов были представлены в виде военных поучений Флориана Зебжидовского для гетмана Николая Радзивилла 1559 года. Кроме них были разработаны артикулы Григория (1562 и 1566 года) и Яна Ходкевича (1564 год), общие гетманские артикулы, принятые на сейме 1609 года и артикулы гетмана Криштофа Радзивилла 1635 года.

В этих артикулах кроме военных декларируются весьма широкие судебные полномочия гетманов. Суду гетмана подлежали виновные в оставлении позиций и сдаче их неприятелю. Также и на поле боя, если кто поступал самовольно, без приказа гетмана, то его дело рассматривалось на усмотрение гетмана – «tedy wedle ich występku hetman karanie miarkować będzie» [2, s. 244].

Если в ходе боя целые подразделения не исполняли приказов гетмана, не находились в положенном месте или самовольно его покидали, то гетманскому суду подлежали все виновные, не исключая командиров [2, s. 244].

Гетманы занимались делами и тех, кто, не имея на то разрешение, самовольно покидал расположение своих подразделений, а также тех, кто переманивал к себе, в свои отряды, солдат и слуг из других почтов, хоругвей и рот [2, s. 178].

При предоставлении ложных сведений о численности почтов или рот, а также при использовании солдат, находящихся в войске, в личных целях к гетманскому суду могли привлекаться офицеры, полковники и ротмистры. Кроме того командиры подразделений подлежали суду гетмана при нераспространении или утаивании его приказов [2, s. 235, 238].

В распоряжении гетманского суда находились и дела о нарушении порядка в лагере. Гетман разрешал споры, которые возникали между солдатами и командирами. Также гетманы определяли наказание для лиц, замеченных в пьянстве в лагере или на службе и учинивших беспорядки и разруху. Разбирали они и дела связанные с причинением вреда чужому имуществу, особенно при пополнении запасов продовольствия или связанные с использованием армейской собственности для своих нужд [2, s. 251].

Запрещены были и поединки в войсках, оба виновных, а также все, кто знал о поединке и не предотвратил его, подлежали суду гетмана –

«Wyzywający i wyzwany na pojedynek, jeśliby nań poszli, oba wedle wole hetmańskiej strogo będą karani. Aktoby dwoch pojedynkujących albo na pojedynek idących nie rozwiodł, mogąc to uczynić, a przynall1niej towarzystwa na rozdjęcie nie zawołał, taki jakoby sam eksces popełnił, sądzony będzie» [2, s. 243].

В целом, любое нарушение военной дисциплины находилось в ведении гетмана, даже если в войсках присутствовал король, так в артикулах Стефана Батория было указано – «a to, coby należało od delictum contra disciplinam militarem, mają hetmanowi referować» [2, s. 155].

Все судебные разбирательства в войске могли происходить только с ведома и разрешения гетмана, также, как и приведение в исполнение приговоров, том числе и смертных [2, s. 249]. При том, что гетманы следили за исполнением тех самых военных артикулов, можно сказать, что гетман обладал высшей судебной властью в войске [2, s. 138].

Кроме этого гетман осуществлял значительную организационную работу в войске. При сборе посполитого рушения гетман проводил переписи и построения ополчения. Также гетман определял маршрут и порядок следования войск. Через сигналы барабанщиков гетман производил сбор полковников и ротмистров для объявления им приказов и прочей информации, при этом все важнейшие сведения должны были в первую очередь сообщаться гетману [2, s. 247].

Гетману обязаны были докладывать обо всех изменениях в численности войск, при отъезде с разрешения или без него из подразделений, при появлении новых людей в отрядах, а также о потерях убитыми и пленными [2, s. 247].

Только гетманы могли вести переговоры с послами или другими представителями, направленными от неприятелских войск, ведение переговоров без ведома гетмана расценивалось как предательство. Кроме того гетману обязаны были доставлять всех пленных захваченных в бою или в результате вылазок, дальнейшую судьбу пленных также определял гетман [2, s. 235].

В ведении гетмана находились и вопросы обеспечения армии продовольствием, он давал разрешение на сбор провианта и фуража или покупку его у местного население. Всевозможным купцам, которые обычно следовали за войском, гетман давал разрешение на торговлю и определял место их расположения.

Как мы видим, гетманы обладали весьма широкими полномочиями в самых различных сферах и исполняли множество функций. Естественно, что у гетмана для выполнения столь разнообразных обязанностей имелись помощники, в документах они наиболее часто фигурируют

как урядники и слуги гетмана, при этом остальные солдаты и офицеры обязаны были им подчиняться [2, s. 246–247].

В целом можно сказать, что количество вспомогательных должностей, а так же их непосредственные функции не были еще строго определены, что, как мы знаем, было типичным для этого периода.

Наиболее часто встречается должность писаря польного. Основным его занятием была перепись войск и соединений, как посполитого рушения, так и наемников и добровольцев. Занимался он и учетом времени нахождения каждого человека в тех или иных подразделений при действующем войске. Должность польного писаря могла замещаться при некоторых обстоятельствах. Так в ходе боевых действий в Инфлянтах в 1621–1622 годах, из-за отъезда писаря его обязанности исполнял другой урядник гетмана Криштофа Радзивилла, позже его заменил слуга писаря и только под конец кампании прибыл сам польный писарь Ярош Пасецкий. При этом писарь польный мог заниматься решением некоторых других поручений, так тот самый Яков Пасецкий был отправлен в посольство к королю Сигизмунду III [32, s. 225].

Среди прочих должностей можно встретить обозного, который исполнял различные хозяйственные функции, занимался устройством лагеря, определял места стоянок определенных отрядов, вплоть до положения их повозок [2, s. 237].

Для эффективной реализации значительных судебных полномочий гетман назначал военных судей, которые кроме непосредственно судебной деятельности занимались и распределением трофеев, а также поиском пропавших вещей и возвратом их хозяевам [2, s. 246].

Еще одним урядником гетмана был стражник, который устанавливал порядок несения караульной службы в лагере, а также руководил охраной самого гетмана [2, s. 235].

Кроме верховной военной власти гетманы обладали и широкими политическими полномочиями. Как уже было отмечено, военные уставы определяли гетмана как первого после короля. Полномочия гетманов проходили обсуждение на сеймах. Так, по решению сейма 1589 года, в случае войны гетманы получали власть, Коронный над Польшей, Литовский над ВКЛ. В период безкоролевья гетману передавалась высшая политическая власть, при этом войска приносили гетману присягу. В Инфлянтах в таком случае верховная власть осуществлялась двумя гетманами коронным и литовским [4, s. 279].

Необходимо отметить, что в армии ВКЛ, как и в коронной армии существовало несколько гетманских должностей. Так, даже первый встречающийся гетман ВКЛ И. Ф. Ходкевич упоминается как гетман наивысший, что подразумевает под собой существование и других

гетманских должностей. С 1521 года нам известна должность гетмана польного.

Постепенно должность польного гетмана стала второй по значимости после гетмана великого, и он становиться фактически заместителем гетмана великого, что фиксируется в постановлениях сеймов о гетманской власти 1589, 1593 и 1601 годов [4, s. 279, 388].

Говоря о полномочиях польного гетмана можно лишь повториться, что, как и вышеприведенных случаях, четко они определены не были и зависели во многом от личности самого гетмана польного и гетмана великого и их взаимоотношений.

Весьма показательным примером сложности высшей военной иерархии и недостаточной определенности полномочий польного гетмана служит описание взятия Велижа в 1580 году Р. Гейденштейном – «обычаем предков установлено так, что высшая военная власть должна принадлежать (великому) гетману, а вся гражданская юрисдикция при особе королевской должна находиться в руках великого маршалка коронного, в случае же отсутствия гетмана маршалк принимает на себя его обязанности в лагере; должность же канцлера заключается в том, что он председательствует в раде, в судах, вводит послов и представляет королю о просьбах и заслугах отдельных лиц; к канцлеру же, в случае отсутствия маршалка, переходит и вся власть последнего. Что же касается до должности польного гетмана, то последняя не такого рода, чтобы можно было ее сравнивать с указанными выше должностями, ибо, будучи введена сначала частным образом самими великими гетманами, она и теперь замещается на основании рекомендации этих гетманов» [5, с. 112].

К тому же нередки были случаи, когда одна из этих должностей оставалась вакантной, так после назначения Криштофа Радзивилла Перуна в 1589 году гетманом великим, должность польного гетмана оставалась не занятой вплоть до 1601 года, когда на нее был назначен Ян Кароль Ходкевич.

Весьма интересна и процедура назначения гетманов. Назначал их на должность непосредственно король, при этом и великие и польные гетманы занимали весьма важные гражданские должности в ВКЛ.

Можно проследить непосредственную взаимосвязь должности гетмана великого и виленского воеводы. Николай Радзивилл (Рыжий) совмещал эти должности. Его сын Криштоф Радзивлл Перун в 1584 году становится виленским воеводой, а в 1589 году великим гетманом. Может показаться, что должность воеводы виленского была закреплена за Радзивиллами, однако получали ее и великие гетманы не связанные с ними. Так в 1616 году виленским воеводой стал гетман великий

Ян Кароль Ходкевич, в 1623 году воеводой в Вильно был назначен Лев Сапега, который через два года стал великим гетманом литовским. Криштоф Радзивилл (младший) в 1633 году, после смерти Льва Сапеги становится виленским воеводой, а в 1635 году Владислав IV назначает его на должность великого гетмана.

Должность великого гетмана можно считать пожизненной. Из описанных выше гетманов только Николай Радзивилл (Рыжий) в 1566 году был замещен Григорием Ходкевичем на этом посту, однако в 1576 году Радзивилл повторно становится великим гетманом литовским.

После смерти гетмана великого на его должность получал обычно гетман польный, хотя могли быть и исключения. Как уже упоминалось выше, в 1625 году на должность великого гетмана литовского был назначен Лев Сапега, а не польный гетман Криштоф Радзивилл, при этом сам Сапега указывал, что несмотря на традиции только король принимает решения о назначении на высшие посты, так Ян Замойский стал коронным великим гетманом не будучи польным, а Жолклевский получил должность коронного канцлера не занимая должности подканцлера [6, s. 276].

В середине 16 века можно встретить еще одну гетманскую должность – гетман надворный, который командовал княжеской, а после образования Речи Посполитой, королевской гвардией – надворным войском. Однако со второй половины 16 века должность гетмана надворного оставалась не занятой.

Таким образом, можно отметить, что в конце 16 – начале 17 века система управления войсками постепенно усложняется. Гетманская власть начинает регламентироваться распоряжениями короля и постановлениями сейма, при этом гетманы сохранили весьма значительную военную и политическую власть в ВКЛ. Появляются военные артикулы, увеличивается количество вспомогательных должностей, однако полномочия и обязанности гетманов окончательно определены не были и во многом определялись конкретными обстоятельствами.

Список использованых источников и литературы

1 Архив Юго-Западной России: Часть 1. Том VII. – Киев, 1887. – 816 с.

2 Polskie ustawy i artykuły wojskowe: od XV do XVIII wieku. Polska akademia umiejętności archiwum komisji historii wojskowej, nr. 3 – Krakow, 1937.

3 Ksiecia, K. Radziwilla hetmana polnego WKL. Sprawy wojenne i polityczne 1621–1632/ K. Ksiecia. – Paris: Druk. L. Martinet, 1859.

4 Volumina Legum / Wyd. J. Ohryzko. – T. 2. – Petersburg, 1859.

5 Рейнгольд, Гейденштейн. Записки о московской войне / Гейденштейн Рейнгольд. – СПб., 1889. – 312 с.

6 Archiwum domu Radziwillow, (Listy ks. M.K. Radziwilla Sierotki – Jana Zamoyskiego – Lwa Sapiehy) / Wydawnictwa komisyi hist. akad. umiejetnosci w Krak. t. 27. – Krakow, 1885.

***Anton Shyliayeu.* Hetman's power in the GDL's army in the end of 16th – beginning of the 17th century.** *In the present article deals with the powers of Hetman ON in the GDL's army after the military reforms of King Stefan Batory, and before coming to power Władysław IV. Emphasis is placed on the direct obligations of Hetman army management, as well as various judicial and economic powers and servants Hetman, who helped them in the performance of various duties. We consider the procedure for appointing the great hetman and dipole hetman and their interaction.*

УДК 94:327(438):94:327(476)

С. В. Хайнак

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

ЮЖНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ СИГИЗМУНДА III ВАЗЫ

В статье исследуется внешнеполитическая деятельность Речи Посполитой в южном направлении, последней четверти XVI – первой трети XVII века, направленная на усиление своего политико-экономического влияния в Дунайском регионе. Имея характер активной защиты своих интересов, от притязаний Османской империи, внешняя политика Речи Посполитой выполняла задачу по созданию буферной зоны, из вовлечённых в сферу своих интересов Дунайских княжеств, на южных рубежах республики.

К началу правления Сигизмунда III Вазы в политических отношениях Речи Посполитой с Османской империей прослеживалась продолжавшаяся уже довольно длительное время тенденция определённого рода нейтрального сосуществования между Речью Посполитой и Портой. С момента заключения «вечного мира» с Османской империей 1533 года, обе стороны стремились избегать перерастания, каких либо возникающих конфликтов в полномасштабную войну, стремясь по возможности, ограничиваться локальными, приграничными столкновениями [1, с. 165]. Гораздо чаще напряжённость и вооружённые конфликты имели место в отношениях с Крымским ханством, хотя и крымские татары в зависимости от политической

ситуации и совпадения интересов, могли превращаться из противника в союзников.

Такому положению в определённой степени способствовали экономические связи государств. Даже в периоды нестабильности политических отношений не прекращалась прибыльная торговля Речи Посполитой с причерноморскими территориями. Для Речи Посполитой транзитная торговля являлась основным источником пряностей и других восточных продуктов. Благодаря этой торговле процветали Львов, Замостье, Каменец-Подольский и Люблин [2, с. 344].

Задачи Речи Посполитой в Дунайском регионе были направленны на преобладание её политико-экономического влияния, с целью привлечения Дунайских княжеств в орбиту своих интересов и создания из них буферной зоны между республикой и Портой. Такая политика проводилась в противовес соперничавших с Речью Посполитой империей Габсбургов и Османской империей.

Великий коронный канцлер Ян Замойский являлся активным проводником политики экспансии Речи Посполитой в Дунайские княжества, рассматривая её как вынужденную, долгосрочную стратегию для республики. Активное политическое участие в Дунайском регионе проявляли магнатские роды Речи Посполитой: Потоцкие, Корецкие и Вишневецкие, связанные родственными браками с господарём Молдавского княжества Иеремией Могилой.

В 1593 году, с началом «Долгой войны» Османской империи и Священной лиги, Габсбургами делались попытки привлечения к Священной лиги Трансильвании, Молдавии и Валахии. Это в конечном итоге, при активном участии папских легатов, было исполнено [3, с. 281].

Действуя в интересах Габсбургов, князь Трансильвании Сигизмунд Батори, вынудил господарей Молдавии и Валахии признать вассальную зависимости от Трансильвании, на что они вынужденно согласились. Разрыв Дунайскими княжествами вассальной зависимости от Турции, был неприемлем для Османской империи и привёл к решению порты о превращении Молдавии и Валахии в пашалык [4, с. 170].

Такое развитие событий не отвечало интересам Речи Посполитой, не желавшей столь опасного для себя усиления влияния в княжествах, как Османской империи, так и империи Габсбургов. Ян Замойский ставил своей целью устранить влияние антиосманской лиги в Молдавии и включить её в сферу влияния Польши, стремясь, тем не менее, избежать открытой конфронтации с Габсбургами. Для выполнения этой задачи канцлер добился решения сейма об организации военного рейда в Молдавское княжество, с целью возведения на её престол

своего ставленника, проживавшего в Польше представителя крупного молдавского боярства Иеремию Могилу.

В августе 1595 года, войско под командованием Яна Замойского, перейдя Днестр, захватило крепость Хотин. Не уверенный в своих силах господарь Молдавии Стефан Разван бежал в Венгрию. При содействии ориентированных на Речь Посполитую бояр, Иеремия Могила был возведён на молдавский престол [3, с. 313]. Это было довольно рискованное предприятие, в связи с тем, что после признания вассальной зависимости княжествами Молдавии и Валахии от Османской империи, только султаны утверждали в этих княжествах господарей.

Ян Замойский, стремясь сгладить политические разногласия, связался с великим визирем Синан-пашой и проведя переговоры убедил Порту в мирных намерениях. В переговорах Ян Замойский, настаивал на том, что возведение Могилы на престол Молдавии будет являться взаимовыгодным компромиссом, как акт дружбы и помощи Турции в её противостоянии с Габсбургами.

Тем не менее, командующий османскими силами Синан-паша, именуя себя пашой Молдавии, приказал крымским татарам выдвигаться к Яссам. Крымский хан Гази II Гирей, в 1595 году вступил в Молдавию с 20 тыс. воинов.

Войско Яна Замойского, стоявшее лагерем возле Цецоры, смогло успешно противостоять трёхдневной осаде. Вследствие этого, Синан-паша и Гази II Гирей пошли на переговоры с Яном Замойским. В результате переговоров Иеремий Могила получил султанский фермен на правление. 17 августа 1595 года в Яссах господарем Иеремией Могилой был заключён договор с Речью Посполитой о вассальной верности Молдавского княжества. Новый договор предусматривал более полную реализацию интересов Речи Посполитой в Молдавии [5, с. 180].

Стремясь закрепить такое положение, Ян Замойский в договоре с османами в 1598 году добивается утверждения Портой права пожизненного правления Иеремией Могилой княжеством и право его потомкам наследовать молдавский престол [4, с. 172].

В 1597 году Семиградский князь Сигизмунд Баторий, отказался от власти и передал свои права императору Рудольфу II, что способствовало установлению австрийского управления в княжестве, которое было передано эрцгерцогу Максимилиану. Это нарушило планы политических групп Речи Посполитой, стремящихся утвердить своего кандидата на престол Семиградья, находящегося в Польше брата отрёкшегося Сигизмунда, Андрея Батория [6, s. 360].

Не желая возможных осложнений с Габсбургами, Сигизмунд III Ваза запретил Андрею Баторию со своими сторонниками вмешиваться во внутренние дела Трансильвании. Однако в эти внешнеполитические отношения внёс свои коррективы Ян Замойский. При его содействии Андрей Баторий, в сопровождении своих польских сторонников, нарушив королевский запрет, направился в восставшую против правления Габсбургов Трансильванию, где и был провозглашён в начале 1599 года семиградским князем. Речь Посполитая стремившаяся в своей политике к сохранению мира с Османской империей, всё же была не в состоянии сдерживать самостоятельные действия своих магнатов [1, с. 223].

Политическая ситуация сложившаяся к 1599 году, обратилась против ориентированного в своей политике на Австрию, валашского господаря Михая Храброго. Зависимые от Речи Посполитой господарь Семиградья – Андрей Баторий и Молдавии – Иеримей Могила, проводившие внешнеполитическую линию в русле интересов Речи Посполитой и её частных представителей, имели стремление отстранить Михая Храброго от власти, тем самым ослабив влияние Габсбургов в регионе [7, с. 150].

Стремясь изменить ситуацию, господарь Валахии, при поддержке Габсбургов, в октябре 1599 года напав на Трансильванию, разбил войска Андрея Батория и захватил столицу княжества Алба Юлию. Стремясь развить успех, Михай Храбрый строил замыслы по объединению Семиградья, Молдавии и Валахии в единое государство. Сигизмунд III Ваза направил господарю послание с предупреждением того, что агрессия против Молдавского княжества будет расценена им как объявление войны республике. В своём обращении к пограничной с Молдавией шляхте, в декабре 1599 года Сигизмунд отметил: «…Эта страна всегда была под верховенством и защитой короны и сейчас вновь была принята под наше покровительство» [5, с. 182].

Тем не менее, это не остановило господаря Михая. В мае 1600 года он проводит успешное наступление на Молдавию, подчинив себе княжество и захватив её столицу Яссы. В конечном итоге, к лету 1600 года Михай Храбрый объединив под своей властью Трансильванию, Валахию и Молдавию провозгласил себя «господарем Румынской страны, Ардяла и Молдовы» [4, с. 173].

Обеспечив временную безопасность своих восточных границ, путём заключения мирного договора с Российским государством, республика высвободила силы для решения возникшей угрозы на своих южных рубежах [8, с. 221]. Войска Речи Посполитой под предводительством великого гетмана коронного Яна Замойского освободив

Молдавию, восстановили Иеремию Могилу на престоле. Затем последовало вторжение в Валахию, где были разбиты войска Михая Храброго, который по записи Осторожского летописца: «…през горы, яко пёс, утёкъ» [9, с. 210].

Это наступление было поддержано Портой. Замойский при поддержке крымских татар оккупировал Валахию и способствовал возведению на княжеский престол Семёна Могилы, который признал себя вассалом не только Порты, но и Речи Посполитой.

Таким образом, в начале XVII века внешнеполитическое влияние Речи Посполитой распространилось и на Валахию, в которой стал править её ставленник. Османская империя временно примирилась с усилением влияния республики в Дунайском регионе. Этому послужили совпавшие интересы о выводе княжеств из сферы влияния Габсбургов и устранение угрозы консолидации княжеств, со стороны Михая Храброго.

Тем не менее, уже в 1601 году, Порта смещает господаря Валахии – Семёна Могилу. Дальнейшее ослабление позиций республики, в её влиянии на Дунайские княжества, происходит с занятием престола Трансильвании Габором Баторием, проводившем политику османской ориентации.

Так, недолго просуществовавший политический доминант Речи Посполитой над Дунайскими княжествами, стал ограничиваться только Молдавией. Политика установления родственных связей с семьями магнатов республики, обеспечивали твёрдые позиции рода Могил. Господарь Иеремия Могила, а впоследствии и его брат Семён выплачивали дань республике, выдавали средства на оплату коронного войска. Магнаты Вишневецкие и Потоцкие, практически игнорируя суверенную власть господаря, самовольно участвовали во внутриполитической жизни княжества [5, с. 223].

В 1611 году, ставя в вину господарю Молдавии систематические задержки выплат хараджа, Порта смещает польского ставленника, Константина Могилу, который после вооружённого сопротивления был разбит и отступил в Хотин [4, с. 175]. Новым правителем Молдавии, султан, уже не считаясь с мнением Речи Посполитой, назначает Штефана Томшу.

Дальнейшие внешнеполитические осложнения Речи Посполитой с Османской империей, происходит в связи с участившимися рейдами казаков на земли находящиеся под османским владычеством. Объективно своими действиями запорожцы провоцировали конфликты между Речью Посполитой и Турцией, что отвечало интересам Габсбургов.

В 1617 году османское войско под командованием Искандер-паши взяло в осаду крепость Рашков на Днестре. Нападение было мотивированно тем, что крепость служила базой для казачьих отрядов, совершающих набеги на турецкие владения. Для пресечения подобных акций, гетман Жолкевский во главе польских войск выдвигается к крепости, тем самым вынуждая пашу снять осаду. Возникший инцидент не перерос в полномасштабную конфронтацию, так как соперничающие стороны ещё не были готовы к войне. В сентябре 1617 года был заключён мирный договор в Буше.

Изменившаяся политическая ситуация в Европе привела к дальнейшему обострению отношений Речи Посполитой и Порты. В 1618 году началось противостояние двух группировок европейских государств, получившее название Тридцатилетней войны. Центром одной из группировок являлась Австрия, которой Сигизмунд III Ваза оказал помощь в 1619 году. Отпущенные Сигизмундом на службу к Габсбургам отряды Лисовского опустошили Словакию и, нанеся удар по Трансильвании, принудили семиградского князя Бетлена Габора отказаться от осады Вены.

Выступление Лисовчиков против Бетлена, послужило поводом новых политических осложнений Речи Посполитой с Османской империей. Польский посол Отвиновский, после поездки в Стамбул докладывал о возможном начале войны. Это предположение оказалось верным, правитель Османской империи султан Осман II использовал инцидент с Бетленом, как повод в пользу разрыва вечного мира и к началу войны, которую и объявил Речи Посполитой в 1620 году [10, с. 224].

В начавшейся войне, в связи с возникшими осложнениями с казачеством, правительство Речи Посполитой могло рассчитывать только на свои войска, которые на приграничных территориях оказались малочисленными и были разбиты в октябре 1620 года. Значительная часть войска и сам командующий Станислав Жолкевский погибли, многие попали в плен, среди них польный гетман коронный Станислав Конецпольский [11, s. 331]. Победа турок в этом сражении вселила надежду Осману на возможность завоевания Речи Посполитой [12, с. 274].

Летом 1621 года, стремясь закрепить успех, армия султана Осман II и хана Джанибек-Гирея переправилась через Дунай и встала лагерем в окрестностях Белгорода-Днестровского. Такое положение вызвало серьёзную обеспокоенность в Речи Посполитой. Начались безрезультатные поиски союзников в надвигающейся войне. Ещё осенью 1620 года на Кавказ были отправлены дипломатические агенты Абгарович и Серебкович. Первый из них доставил неподтверждённые

заверения от «черкесских ханов» о военной помощи, в форме диверсий на землях Крымского ханства. Второй из агентов прибывший с территории Грузии, вернулся в Варшаву с донесением, о невозможности получения реальной помощи с этой стороны [13, с. 249].

Не надеясь на мирное урегулирование конфликта, Варшавский сейм 1620 года постановил сбор податей на скорейшее формирование войска [14, s. 195]. Сформированное 32 тыс. войско, под предводительством великого гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича в сентябре 1621 года выступило навстречу неприятелю и закрепилось в крепости Хотин. Туда же прибыло 40 тысячное войско казаков. Несмотря на численное превосходство, объединённым силам Османской империи, насчитывающим свыше 100 тыс. воинов не удалось форсировать левый берег Днестра. Большие потери в Османских войсках вынудили султана к заключению мира с Речью Посполитой [12, с. 274].

Заключённый договор не внёс никаких изменений в существующее положение. В частности, по условиям заключённого договора, запорожским казакам воспрещалось судоходство на Днепре. Хотинский замок передавался молдавскому воеводе [15, с. 123].

Переговоры по хотинскому договору проводил коронный кравчий Яков Собеский, а ратификацию его условий, выезжавший в Стамбул польский дипломат, князь Христофор Збараский [16, с. 267]. Подписанный договор не стал препятствием для продолжения внешнеполитической деятельности Речи Посполитой, направленной на противодействие экспансии Османской империи и её союзников. Так в 1626 году во время вспыхнувшей в Крымском ханстве борьбе между ханом Мехмед III Гиреем и турецкими властями, стремящимися посадить на крымский престол Джанибека Гирея, Речь Посполитая стремясь ослабить противников, неофициально поддерживала свергнутого Мехмеда III Гирея [13, с. 250].

Таким образом, южный вектор политики Речи Посполитой в период правления Сигизмунда III Вазы был направлен на усиления своего политико-экономического влияния в Среднем Подунавье и Причерноморье. Такое направление внешней политики было связано с насущной необходимостью создания буферной зоны от агрессивно настроенной Османской империи и по большему счёту, носила характер вынужденной, активной обороны.

Список использованных источников и литературы

1 Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский [и др.]. – М.: Высшая школа, 2004. – 544 с.

2 Rybarski, R. Handel i polityka handlowa Polski w XYI stulieczu / R. Rybarski. – T. l. – Warszawa, Publisher: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. – 363 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kpbc.umk.pl/dlibra/docmetadata. – Дата доступа: 17.03.2016.

3 Болован, И. История Румынии / И. Болован ; пер. с рум. – М.: Изд-во Весь мир, 2005. – 680 с.

4 Семенова, Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории) / Л. Е. Семёнова. – М.: Индрик, 2006. – 432 с.

5 Драгнев, Д. М. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX в.) / Д. М. Драгнев. – Кишинев: Штиинца, 1987. – 464 с.

6 Davies, Norman. Boze igrzysko. Historia Polski. Tom 1. Od poszatkow do roku 1795 / Norman Davies. – Krakow: Znak, 1992. – 815 s.

7 Флоря, Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. / Б. Н. Флоря. – М.: Наука, 1973. – 224 с.

8 Лист перемирныи от послов его королевское милости…// Lietuvos Metrika. Kniga 593(1585–1604). – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. – S. 221–226.

9 Осторожский летописец / Русское летописание ; под ред. М. Н. Тихомирова. – М.: Наука, 1979. – С. 208–220.

10 Paktorum Conventorum / Volumina Legum // Tom II. – Petersburg: Wydawnictwo, Jozafat Ohryzko, 1859. – S. 247 – 249.

11 Podhorodecki, L. Stanislav Koniecpolski ok.1592–1646 / L. Podhorodecki. – Warszawa: Wydawenstwo Ministerstwa Obrony Narodowaj, 1978. – 455 s.

12 Віцебскі летапіс / Беларускія летапісы і хронікі. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 257–281.

13 Барановский, Б. Кавказ и Польша в XVII в. / Б. Барановский // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. ; под ред. Б. А. Рыбака. – М.: Наука, 1979. – С. 248–263.

14 Uniwersal poborowy / Volumina Legum // Tom III. – Petersburg: Wydawnictwo, Jozafat Ohryzko, 1859. – S. 187–198.

15 История Хотинского похода Якова Собеского / Мемуары относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II. – Кіевъ: Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, 1896. – С. 40–126.

16 Грабенский, В. История польского народа / В. Грабенский. – Минск: МФЦП, 2006. – 800 с.

***Uladzislau Khaynak*. South vector of the foreign policy in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the reign of Sigismund III Vasa.** *The article discusses foreign political activity of the Commonwealth to the south direction at the last quarter XVI – the first third of the XVII century was aimed at strengthening its political and economic influence in the Danube region. The foreign policy of the Commonwealth has the task of creating a buffer zone on the*

southern borders of the country from the Danubian principalities involved in the sphere of its interests. Active protection of the interests of the Commonwealth from the claims of the Ottoman Empire was the main character.

УДК 94:327(476+474.5+438):94:323.269.6(476+474.5+438)«1648-1651»

С. А. Чаропка

Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Францыска Скарыны

ВОЙСКА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА НАПЯРЭДАДНІ КАЗАЦКА-СЯЛЯНСКАЙ ВАЙНЫ 1648–1651 ГГ.

У прадстаўленым артыкуле даследуюцца некаторыя аспекты звязаныя з пачаткам казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. у Вялікім княстве Літоўскім. У прыватнасці паказана структура і арганізацыя літоўскага войска, сістэма яго функцыяніравання, што дапамагае зразумець прычыны лёгкага пранікнення казацкіх загонаў ў Палессе і Падняпроўе і хуткае распаўсюджанне тут паўстання.

Казацка-сялянская вайна з’яўляецца важная з’яваю ў гісторыі беларускага народа. Яна стала пачаткам зацяжнога ваеннага ліхалецця і істотна паўплывала на паступовае аслабленне не толькі вялікага княства, як асобнага суб’екта Польска-Літоўскай дзяржавы, але і ўсёй Рэчы Паспалітай. Казацка-сялянская вайна ўжо не раз станавілася прадметам вывучэння як айчыннымі, так і замежнымі гісторыкамі, аднак асобныя яе аспекты яшчэ патрабуюць даследавання. Да аднаго з такіх аспектаў належыць пытанне аб становішчы войска вялікага княства Літоўскага напярэдадні казацка-сялянскай вайны. Ужо існуюць сур’ёзныя работы, у якіх даследуецца войска Вялікага княства Літоўскага ў XVII ст. Сярод іх аўтараў трэба адзначыць Г. Сагановіча і Г. Віснера, а таксама Ю. Бохана, А. Шыляева, А. Рахубе [1–7]. Яны сур’ёзна асновы функцыяніравання літоўскага войска напярэдадні казацка-сялянскай вайны.

Пасля разгрому кароннага войска каля Жоўтых Вод і Корсуня, казацкія загоны наблізіліся да межаў Вялікага княства Літоўскага. Арганізаванага супраціўлення ў чэрвені 1648 г. у Вялікім княстве Літоўскім казакі не сустрэлі, што звязана не толькі са значнай іх падтрымкай мясцовым насельніцтвам, але і з асаблівасцю сістэмы абароны ў Рэчы Паспалітай у цэлым і Вялікім княстве Літоўскім

у прыватнасці. Сама сістэма функцыяніравання літоўскага войска, як і войска кароннага, была ўжо даволі архаічнай. Калі ў Заходняй Еўропе ўжо ў сярэдзіне XVI ст. асновай арміі было наёмнае войска, менавіта яно вырашала зыход бітваў, то ў Вялікім княстве Літоўскім, як і Польшчы, працягвала існаваць старая феадальная сістэма функцыяніравання арміі [1, с. 19]. Справа ў тым, што ў мірны час літоўскага войска фактычна не існавала.

Узброеныя сілы Вялікага княства Літоўскага ўмоўна складалася з пяці асноўных элементаў. *Першым элементам* з’яўлялася ўласна дзяржаўнае войска Вялікага княства, якое, у сваю чаргу, таксама складалася з некалькіх частак, якія будуць разгледжаны ніжэй.

Другім элементам з’яўлялася павятовае войска, якое збіралася мясцовымі соймікамі ў выпадку патрэбы. Павятовае войска магло налічваць адну і больш харугваў, якія складаліся з мясцовай шляхты або наёмных жаўнераў. На чале такой харугвы стаяў ротмістар, які меў у падпарадкаванні паручніка, харунжага і пэўную колькасць таварышоў з почтамі, у залежнасці ад вызначанай соймікам сумы. Часцей за ўсё ротмістрамі выбіралі кагосьці са знатных землеўласнікаў павета. Наймалі звычайна кавалерыю – казакаў або гусараў, значна радзей – рэйтараў і практычна ніколі – пяхоту або драгунаў. Базавым тэрмінам набору павятовай харугвы былі тры месяцы, якія адлічваліся з моманту попісу. Тым не менш, прафесійныя ваяры неахвотна ішлі на службу ў павятовыя харугвы, што тлумачылася кароткім тэрмінам службы, а таксама цяжкасцю атрымання за службу ўзнагароды ад гетмана або караля ў выглядзе матэрыяльных даброт.

Трэцім элементам з’яўляліся ўздапаможныя атрады леннікаў Рэчы Паспалітай – Прусіі і Курляндыі, якія звычайна выкарыстоўваліся падчас баявых дзеянняў у Прыбалтыцы. Колькасць гэтых войскаў была нязначнай і галоўнай іх функцыяй з’яўлялася ахова прыбалтыйскіх крэпасцей.

У якасці *чацвёртага элемента* можна вылучыць прыватныя войскі асобных магнатаў. Яны адыгрывалі пэўную ролю ў сістэме абароны Вялікага княства Літоўскага, аднак яны пакуль што не былі шматлікімі, таму што іх утрыманне каштавала вялікіх грошаў. Напрыкад у 1640 г. вялікі гетман літоўскі К. Радзівіл меў у сваім распараджэнні 100 татараў і 60 драгунаў, яго сын польны гетман літоўскі Я. Радзівіл у 1648 г. меў 200 драгунаў і 100 гайдукоў [8, с. 79]. Асноўным элементам прыватных войскаў з’яўляліся надворныя харугвы, якія маглі быць як пешымі, так і коннымі. Склад харугвы быў тыповым – на чале стаяў ротмістр, які меў у падпарадкаванні паручніка, харунжага, дзясятнікаў, але колькасць жаўнераў была адносна невялікай.

Так, у пяхотнай харугве К. Радзівіла ў 1631 г. налічвалася ўсяго 59 чалавек [2 с. 116]. Спробы асобных магнатаў стымуляваць да вайсковай службы сялян асаблівага посьпеху не мелі. Хаця ў Слуцкім княстве Радзівілаў у шэрагу вёсак пражывалі панцырныя і путныя баяры, рэальнай баявой сілы ў XVII ст. яны ўжо не ўяўлялі. Іх месца занялі выбранцы, колькасць якіх таксама была нязначнай. Прыватныя войскі маглі адыгрываць пэўную ролю ў палітычным жыцці краіны, але абараніць яе яны аб’ектыўна не маглі.

Апошнім, *пятым элементам* узброеных сіл можна лічыць атрады дабраахвотнікаў, якія маглі дзейнічаць самастойна. Такія атрады валанцёраў арганізоўваліся на кароткі час і сур’ёзнага значэння ў сістэме абароны краіны, натуральна, не адыгрывалі.

Трэба адзначыць, што з пералічаных элементаў узброеных сіл службовай асобе – вялікаму гетману літоўскаму, які адказваў за бяспеку дзяржавы, падпарадкоўваўся толькі першы элемент – дзяржаўная армія Вялікага княства. Выстаўленне на вайну іншых элементаў залежала ад рашэння канкрэтных уласнікаў гэтых войскаў – павятовага сойміка, пэўнага магната і г. д. [2, с. 63].

Дзяржаўнае войска Вялікага княства Літоўскага, якое з’яўлялася асновай ўзброеных сіл, уключала ў сябе два асноўных кампаненты – паспалітае рушанне і кварцянае войска.

Аснову літоўскага войска тэарэтычна складала паспалітае рушанне – шляхецкае апалчэнне, якое склікалася ў выпадку пільнай неабходнасці. Паводле артыкула 1 раздзела 2 Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г. усе земляўласнікі дзяржавы, а гэта перш за ўсё шляхта, абавязаны былі прымаць удзел у абароне краіны [9]. Права збору паспалітага рушання належала вальнаму сойму, таму аператыўна сабрацца шляхецкае апалчэнне проста не магло. Сама сістэма мабілізацыі шляхты таксама патрабавала часу. Пасля станоўчага рашэння сойму вялікі гетман выдаваў адпаведны ўніверсал, які дастаўляўся ў рэгіёны. На павятовым узроўні зборам войска займаліся харунжыя, якія прыводзілі свае харугвы пад уладу мясцовага ваяводы. Пасля гэтага харугвы ад кожнага ваяводства, разам з асобнымі почтамі тых або іншых магнатаў збіраліся ў вызначаным месцы, дзе праводзіўся попіс войска, пасля якога яно лічылася сабраным і перадавалася пад уладу гетмана.

Для падтрымкі баяздольнасці паспалітага рушання час ад часу павінны былі праводзіцца агляды, на якія павінны былі з’яжджацца ўсе шляхціцы. На павятовым ўзроўні за збор шляхты на агляд маршалак, харунжы або войскі, на ваяводскім – ваявода, кашталян або харунжы. Аднак нягледзячы на шматлікія рашэнні сойма, агляды

праводзіліся вельмі рэдка [2, с. 90]. На працягу першай паловы XVII ст. у шляхецкім грамадстве Вялікага княства Літоўскага, як дарэчы і ў Заходняй Еўропе, назіраецца тэндэнцыя да зніжэння цікавасці да вайсковай службы. Занятая гаспадаркай шляхта імкнулася пазбавіцца неабходнасці часта пакідаць свой дом для ўдзелу ў непатрэбных для іх войнах. У выпадку, калі была магчымасць адкупіцца ад пачэснай справы абароны Радзімы, частка шляхты гэтай магчымасцю карысталася, што адкрывала шлях да фарміравання сапраўды прафесійных ваяроў з тых шляхціцаў, якія бачылі сродкі для свайго існавання ў вайсковай службе. Аднак заканадаўчая база была недасканалай, таму што ў выпадку збора паспалітага або павятовага рушання такі прафесіянал мусіў пакінуць сваю службу і з'явіцца на службе земскай. У сувязі з гэтым прафесійныя жаўнеры дамагаліся, каб іх не прыцягвалі да земскай службы [7, s. 383].

Мабілізацыйныя здольнасці літоўскага паспалітага рушання ў сярэдзіне XVII ст. складалі 23 тыс. чалавек, але нават у такіх крызісных умовах, у якіх апынулася Вялікае княства Літоўскае ў 1648–1667 гг. яны вычарпаны не былі [2, с. 96]. Выдатнымі баявымі якасцямі паспалітае рушанне таксама не адрознівалася ў сувязі з некалькімі прычынамі. Першай сур'езнай праблемай паспалітага рушання была слабасць людскога матэрыялу. Многія шляхціцы, якія былі заняты сваёй гаспадаркай, доўгі час не мелі дачынення да вайсковай службы і былі непадрыхтаванымі да сучасных умоў нясення службы, мелі нізкі ўзровень фізічнай і ваеннай падрыхтоўкі, адрозніваліся нізкай дысцыплінай і баявым духам.

Другой праблемай з'яўляўся дрэнны ўзровень узбраення і рыштунку паспалітага рушання. Колькасць і якасць зброі ваяра залежала ад матэрыяльнага ўзроўню кожнага канкрэтнага шляхціца або магната, у почаце якога ён знаходзіўся, хаця існавалі і пэўныя правілы. У прыватнасці артыкул 1 раздзела 2 Статута 1566 г. прадугледжваў, што кожны шляхціц павінен быў з'явіцца "з усім на добрым кані, каб конь каштаваў не менш за 8 коп грошай літоўскіх, а на ім каляровая сукня, панцыр, прылбіца, меч, павеза, дрэва з прапарцам каляровым" [10]. Тым не менш, у рэальнасці шляхта з'яўлялася на попіс з тым, што мела. Такім чынам, у адной павятовай харугве маглі знаходзіцца і казакі, і гусары, і пяцігорцы, што значна аслабляла баяздольнасць шляхецкага апалчэння. Лепш выглядала татарская кавалерыя, але яе было адносна няшмат.

Сапраўды баяздольнай часткай узброеных сіл Рэчы Паспалітай у першай палове XVII ст. усё ж з'яўлялася наёмная армія. Спробы стварэння рэгулярнай наёмнай арміі адносяцца да часу праўлення

Жыгімонта Аўгуста ў сярэдзіне XVI ст. Гэтая войска, якое атрымала назву "кварцянае", фінансавалася з гаспадарскіх зямель і падпарадкоўвалася непасрэдна каралю. Кварцянае войска складалася з рот на чале з ротмістрамі, якія падзяляліся на дзясяткі (на чале з дзясятнікамі ў пяхоце) і почты (на чале з таварышамі ў кавалерыі). У мірны час наёмныя жаўнеры прыцягваліся да нясення гарнізоннай службы, выконвалі інжынерна-сапёрныя, паліцэйскія функцыі. Як адзначае Ю. М. Бохан, "высокія баявыя якасці "служэбных" ужо напрыканцы XVI ст. вылучаюць іх на першае месца ў сістэме арганізацыі ўзброеных сілаў Вялікага княства" [4, с. 90]. Аднак кошт утрымання наёмнай арміі быў даволі высокім, а калі ўлічваць, што кварцянае войска ўтрымлівалася толькі з гаспадарскіх зямель, зразумелым становіцца малалікасць наёмнага войска як у Кароне, так і ў Літве.

У канцы XVI – першай палове XVII ст. былі праведзены вайсковыя рэформы, якія дакладна вызначылі роды войскаў і іх узбраенне. Літоўскае войска складалася з кавалерыі, пяхоты і артылерыі. Аснова войска - кавалерыя была падзелена цяжкую, сярэднюю і лёгкую. Да цяжкай кавалерыі, якая мела засцерагальнае ўзбраенне ў выглядзе паўдаспеха або кірасы, адносіліся гусары, ўзброеныя кап'ём, рэйтары, узброеныя пісталетамі або аркебузай. Асноўным арганізацыйным элементам кавалерыі з'яўлялася харугва, якая набіралася ротмістрам на падставе прыпаветнага ліста. Кола ротмістраў, у прынцыпе, было абмежаваным, таму што гэтую функцыю давяралі асобам, якія ўжо адзначыліся на полі боя і праявілі пэўныя арганізацыйныя здольнасці. Ротмістры, у сваю чаргу, ведалі тых ваяроў, якіх яны хацелі б прыцягнуць да службы ў сваёй харугве, таму на яе фарміраванне было б дастаткова некалькі тыдняў. Асноўнай тактычнай адзінкай харугвы з'яўляўся почат, які складаўся з таварыша і початавых – шараговых шляхціцаў. Колькасць ваяроў у почаце залежала аб фінансавых магчымасцей таварыша. Почат ротмістра мог налічваць тузін коней, паручніка або харунжага – 5–6, таварышоў – ад 1 да 4. Ад велічыні почату залежала месца канкрэтнага шляхціца ў харугве, ды і ў шляхецкай супольнасці ў цэлым. У гусарскіх харугвах ротмістрамі звычайна былі магнаты, таму фактычным кіраўніком харугвы з'яўляўся паручнік.

Гусарыя з'яўлялася асноўнай ударнай сілай літоўскага войска. Яе галоўнай наступальнай зброяй з'яўлялася дзіда, даўжыня якой дасягала 5 метраў. Удар дзідай на поўным скаку быў даволі моцным, ён прабіваў чалавека ў даспехах, але сама дзіда пры гэтым звычайна ламалася, таму далейшы бой гусар працягваў шабляй або палашом. Імклівая атака гусар разрывала шыхты варожага войска. Аднак

у забалочанай, лясістай, горнай мясцовасці, снежным полі яны былі практычна бездапаможнымі, таму што не маглі набраць неабходны разгон.

Больш функцыянальнымі ў гэтым плане былі рэйтары, якія шлі ў атаку на конях з агнястрэльнай зброяй, а далей працягвалі бой шаблямі і палашамі. Рэйтарскя харугвы або палкі падзяляліся на кампаніі, якія складаліся з 3 капральстваў па некалькі початаў у кожнай. На чале палка стаяў обершэр, кампаніяй кіраваў капітан. Рэйтарскія харугвы, у якіх служылі немцы з Інфлянтаў, Курляндыі і Прусіі, былі больш дысцыплінаванымі, чым гусары, але набраць кампанію рэйтараў было справай нялёгкай, асабліва ва ўмовах Трыццацігадовай вайны, калі адпаведна падрыхтаваныя жаўнеры “мелі апрацу” у Заходняй Еўропе. У 1617 г. каралеўскі ротмістр Я. Шверын атрымаў прыпаведны ліст на набор 100 рэйтараў, а з’явіўся з сотняй гусараў. У Рэчы Паспалітай айбольш цаніліся рэйтарскія падраздзяленні, якія складаліся з немцаў, найменш – польскія і літоўскія, што было звязана з лепшай баявой падрыхтоўкай, дысцыплінай і ўзбраеннем немцаў. Як адзначалі сучаснікі “сам па сабе рэйтар без убрання нямецкага нічога не варты” [11, с. 4].

Сярэдняя кавалерыя была прадстаўлена пяцігорцамі, якія былі абаронены круглымі шчытамі, кальчужнымі панцырамі і місюркамі. У больш позні час сталі выкарыстоўваць кірасы. У якасці наступальнага ўзбраення пяцігорцы выкарыстоўвалі кароткія дзіды (рагаціны), шаблі, пісталеты або ручніцы. У баю пяцігорцы часцей за ўсё выкарыстоўваліся як падтрымка гусараў для пераследу разбітага ворага або абыходу яго з флангаў. Для пяцігорцаў, як і для гусар быў характэрны таварыска-початавы прынцып арганізацыі харугвы.

Лёгкая кавалерыя была прадстаўлена казакамі. Прычым пад казакамі разумееца як шляхецкая кавалерыя ўзброенай па-казацку, так і гарадавыя казакі, якія неслі гарнізонную службу ў памежных гарадах. Татарская кавалерыя, будучыя ўланы, таксама адносіліся да казакаў, адрозніваючыся толькі сваім этнічным і рэлігійным складам, а таксама знешнім выглядам. Лёгкая кавалерыя мела падобнае да пяцігорцаў наступальнае ўзбраенне, але практычна не мела ўзбраення засцерагальнага.

Нягледзячы на тое, што ў еўрапейскай ваеннай справе першае месца ўжо даўно адводзілася пяхоце, усведамленне гэтага ў Рэч Паспалітую яшчэ не прыйшло. У Вялікім княства Літоўскім пяхота ў колькасным плане істотна саступала кавалерыі і складалася з двюх частак: пяхоты польскай і нямецкай

Нямецкая пяхота фарміравалася з замежнікаў, пераважна немцаў, таму афіцыйнай мовай там была нямецкая. Арганізацыйнымі адзінкамі

з’яўляліся рэгіменты (палкі), фрайкампаніі (асобныя роты) і камапніі (роты). На чале палка, які налічваў да 1 тыс. жаўнераў, стаяў оберштэр (палкоўнік), яго намеснікам з’яўляўся оберштлёйтнант. Фрайкампаніі і кампаніі, якія налічвалі ад 90 да 120 чалавек, знаходзіліся пад камандаваннем капітана. Кампаніі на 2/3 складаліся з мушкецёраў, якія былі ўзброены апрача мушкета яшчэ шабляй, 1/3 складалі пікінёры, узброеныя 3–5 метровай пікай або алебардай і таксама шабляй. Нямецкая пяхота адрознівалася выдатнымі баявымі якасцямі, але была вельмі дарагой. Кошт яе пераўзыходзіў нават гусарыю.

Гэтак званая польская пяхота набіралася з рускага, літоўскага і замежнага мяшчанства і дробнай шляхты, прычым афіцэрамі маглі быць нават нешляхціцы. Асноўным тактычным падраздзяленнем польскай пяхоты з’яўлялася рота, падзеленая на дзесяткі. Падчас бою рота шыхтавалася у некалькі шарэнг. У першай стаялі жаўнеры ўзброеныя павезамі, у другой – дзясятнікі, далей пікінеры. У наступных шарэнгах стаялі сталкі з ручніцамі, а замыкалі іх пікінеры. Для залпу ўся рота, акрамя апошняй шарэнгі стралкоў прысядала на адно калена, затым падымалася наступная шарэнга, пакуль яна страляла, апошняя шарэнга рыхтавалася да новага залпу [1, с. 37].

Спроба Стафана Баторыя ўвесці ў Рэчы Паспалітай рэкруцкую сістэму і прыцягнуць да службы ў войску сялянства аказалася не вельмі ўдалай. Хаця Стафан Баторый спадзяваўся збіраць каля 15 тыс. выбранцаў, на практыцы з усёй Рэчы Паспалітай рэдка ўдавалася сабраць больш за 2 тыс., а канкрэтна з Вялікага княства Літоўскага – некалькі соцень [1, с. 26; 6, с. 8; 12, с. 185]. Хаця ў Польшчы стварэнне выбранецкай пяхоты пачалося ў 1578 г., у Вялікім княстве Літоўскім соймавая канстытуцыя аб наборы па 1 выбранцу з кожных 20 валок гаспадарскіх зямель выйшла толькі ў 1595 г. [2, с. 83]. Асноўнай арганізацыйнай адзінкай выбранцаў з’яўлялася харугва колькасцю ад 100 да 200 чалавек, але на практыцы гэтая лічба заўсёды была меншай. На чале якой стаяў ротмістр і падначаленыя яму паручнік, харунжы і дзясятнікі. Ротмістр меў над выбранцамі поўную ўладу, у адсутнасць гетмана ён меў права смяротнага пакарання выбранца за пэўны праступак.

Узбраенне выбранцаў складалася з рушніцы (пазней мушкета), шаблі і сякіры. Выбранцы мелі права весці сваю гаспадарку, былі вызвалены ад павіннасцей, але ў выпадку вайны, яны па першаму загаду павінны былі з’явіцца ў азначаным месцы з узбраеннем і ў блакітнай форме адпведнага крою. Першую палову года выбранцы ваявалі на свій кошт, а затым атрымліваць плату па 2 злотых штомесяц.

У мірны перыяд прадугледжваліся рэгулярныя зборы для павышэння баявых навыкаў, але на практыцы ўзровень баявой падрыхтоўкі выбранцаў быў усё ж вельмі нізкім. Польны гетман Крыштаф Радзівіл у 1621 г. адзначаў, што "выбранцы, людзі не навучаныя" у вайсковым сэнсе [2, с. 84]. Гэта было звязана з імкненнем саміх выбранцаў, захаваўшы свае правы, пазбегнуць небяспечнай вайсковай службы, нежаданнем "бясплатна" ваяваць, нізкім узроўнем вайсковай падрыхтоўкі. У сувязі з гэтым выбранецкую пяхоту выкарыстоўвалі пераважна для гарнізоннай службы і фартыфікацыйных работ.

Дарэчы, у сувязі з тым, што ўтрыманне пастаянных гарнізонаў у замках таксама патрабавала грошай, а іх у скарбе не было, у мірны час у замках і гарадах не было і гарнізонаў, а абавязкі па абароне гарадскіх умацаванняў ускладаліся на мяшчан. Становішча саміх замкаў да сярэдзіны XVII ст. было далёка не лепшым. "Вялікая колькасць замкаў была пазбаўлена сучасных умацаванняў, былі драўлянымі або драўняна-зямельнымі", адзначае Г. Віснер [3, с. 14]. Многія ўмацаванні патрабавалі рамонту, але сродкаў на гэта як заўсёды не хапала.

У першай палове XVII ст. у войсках Рэчы Паспалітай з'явіўся своеасаблівы сімбіёз пяхоты і кавалерыі – драгуны. Яны маглі ваяваць і на конях, але ўсё ж часцей ваявалі ў пешым шыхце, выкарыстоўваючы коней як сродак для хуткага прамяшчэння ў прасторы. Драгуны, як і ўсе пехацінцы практычна не мелі абарончага ўзбраення, а ў якасці наступальнага выкарыстоўвалі аркебузы, пісталеты, палашы або рапіры. Галоўным недахопам драгунаў з'яўлялася тое, што да траціны падраздзялення актыўна ў пешым баю не ўдзельнічала, даглядаючы коней. "З сотні толькі семдзесят б'юцца, а коней трымаюць", адзначае ў 1648 г. берасцейскі ваявода на сойме, хвалячы пры гэтым больш пяхоту [13, s. 234]. Тым не менш, улічваючы агульны трэнд да павелічэння ролі пяхоты ў ваеннай справе колькасць драгунаў у каронннай і літоўскай арміях паступова ўзрастала.

Артылерыя ў Вялікім княстве Літоўскім падзялася на дзяржаўную і прыватную, а паводле функцыянальнага прызначэння – палявую і фартыфікацыйную. У выніку вайсковых рэформ Уладзіслава IV артылерыя была выведзена ў асобны корпус на чале с асобнай службовай асобай – генералам артылерыі. Для забеспячэння арміі гарматамі ў Вільні была створана людвісарня. Аднак, нягледзячы на станоўчыя зрухі, недахоп сродкаў трымаў літоўскую артылерыю ў гаротным стане. Хранічнай праблемай было своечасовае забеспячэнне порахам, ядрамі, цяглавай жывёлай.

Лепш выглядалі справы ў прыватнай артылерыі. Прыватныя гарады, такія як Слуцк, Быхаў былі добра ўмацаваны гарматамі, нанятыя

за магнацкія грошы пушкары былі больш дасведчанымі ў сваёй справе, што ў наступным праявілася падчас баявых дзеянняў.

Казацка-сялянская вайна выявіла ўсе недахопы сістэмы абароны Рэчы Паспалітай і спрыяла правядзенню шэрагу рэформ у гэтай сферы. У прыватнасці прышло разуменне неабходнасці перанясення апоры ў сістэме абароны з паспалітага рушання на рэгулярнае войска. У 1652 г. на змену кварцянаму воску прыйшло войска кампутовае, якое, хаця і залежала ад сойма, але аплочвалася не толькі з гаспадарскіх зямель, а таксама існавала ў мірны час. У 1649 г. быў ўведзены спецыяльны падатак – падымнае, які даў магчымасць утрымліваць кампутовае войска ў вялікім княстве. Колькасць жаўнераў у кампутовым войску была большай, але ўсё роўна недастатковай ва ўмовах гепалітычных зменаў, якія адбываліся ва Ўсходняй Еўропе ў другой палове XVII ст. Так, у перыяд вайны Расійскай дзяржавы з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. войска Вялікага княства Літоўскага складала 10–12 тыс. чал., што было аб’ектыўна мала каб супрацьстаяць агрэсіі з боку Расійскай дзяржавы і Швецыі [6, s. 43–44]. Такім чынам, рэальная адсутнасць войска ў Вялікім княстве Літоўскім і шматлікія супярэчнасцямі ў пануючым стане абвостраныя смерцю караля, падрыхтавалі глебу да з’яўленні казакаў у паўднёва-ўсходняй частцы вялікага княства і літоўскага і пачатку грандыёзнага сялянска-мяшчанскага паўстання.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1 Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя / Г. Сагановіч. – Мінск: “Энцыклапедыкс”, 2001. – 412 с.

2 Wisner, H. Wojsko litewskie 1 połowy XVII wieku. Cz I / H. Wisner // Studia i materialy do historii wojskowości. – Warszawa, 1973. – T. XIX. – Cz. I. – S. 61–138.

3 Wisner, H. Wojsko litewskie 1 połowy XVII wieku. Cz II / H. Wisner // Studia i materialy do historii wojskowości. – Warszawa, 1973. – T. XX. – Cz. I. – S. 5–26.

4 Бохан, Ю. М. Наёмнае войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI ст. / Ю. М. Бохан. – Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004. – 92 с.

5 Шиляев, А. П. Организация армии ВКЛ в конце 16 – начале 17 в. / А. П. Шиляев // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зборнік навук. артыкулаў; вып. 2; рэдкал.: Р. Р. Лазько [і інш.]. – Гомель: УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2013. – С. 5–9.

6 Rachuba, A. Wysiłek mobilizacyjny Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1654–1667 / A. Rachuba // Studia i materialy do historii wojskowości. – Białystok, 2007. – T. XLIII. – S. 43–60.

7 Rachuba, A. Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku / A. Rachuba // Przegląd Wschodni. – 1994. – T. 3. – Zeszyt 3(11). – S. 379–410.

8 Бярнацкі, В. Паўстаньне Хмяльніцкага: Ваенныя дзеньні ў Літве ў 1648–1649 гг. / В. Бярнацкі // ARCHE = Пачатак. – 2008. – № 3. – С. 45–222.

9 Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=11631. – Дата доступу: 05.08.2016.

10 Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года [Электронны рэсурс]. – Мінск, 2003. – Рэжым доступу: http://litopys.org.ua/statut2/st1566_03.htm. – Дата доступу: 05.08.2016.

11 Raczkiewicz, D. Udział rajtarii litewskiej w wojnie Inflanckiej ze Szwecją w latach 1621–1622 / D. Raczkiewicz // Studia historiczne. – 2015. – Z. 1. – S. 3–24.

12 Żygulski, Z. Bron w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy I Bliskiego Wschodu / Z. Żygulski. – Warszawa: PWN, 1975. – 332 s.

13 Jakuba Michałowskiego, wojskiego lubelskiego, a późniéj kasztelana bieckiego, Księga pamiętnicza. – Kraków: w drukarni C. K. Uniwersytetu, 1864. – 838 s.

***Stanislau Czaropka.* The army of the Grand Duchy of Lithuania on the eve of the Cossack and peasant war 1648–1651.** *This article explores some aspects related to the beginning of the Cossack and peasant war 1648–1651 in the Grand Duchy of Lithuania. In particular shows the structure and organization of the Lithuanian army, its functioning system that helps you understand the reasons for the easy penetration of Cossack units in Palessie and the Dnieper basin and the rapid spread of the uprising here.*

УДК 929.52/929.521

Ю. В. Панков
Гомельский дворцово-парковый ансамбль

К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ РОДОСЛОВНОЙ РОДА СЛУЖЕК ГЕРБА ОСТОЯ

Статья посвящена истории изучения генеалогии рода Служек герба Остоя. Род Служек добился вершины могущества во второй половине XVII в., став одной из богатейших и влиятельных фамилий Речи Посполитой. В статье проведено историко-генеалогическое исследование и составлена наиболее полная родословная этого известного в Речи Посполитой шляхетского рода, в которую вошли не только представители мужской, но и женской линии Служек.

В последние годы в мировой исторической науке становится популярной тема генеалогических исследований. Все чаще ученые

обращаются к истории знаменитых шляхетских и магнатских фамилий Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой (РП). Большое развитие получило изучение истории таких фамилий, как Радзивиллы, Сапеги, Огинские, Вишневецкие. Вместе с тем, многие известные в те времена знатные роды ныне уже забыты или изучены неосновательно. Среди них следует отметить Служек. В современной белорусской историографии этому роду были посвящены статьи историков Владислава Веревкина-Шелюты и Станислава Черепко [1; 2]. Автор статьи также ранее обращался к данной тематике [3; 4].

Вопрос о составлении родословных разрабатывался в историографии уже в XVIII в. Составители генеалогических древ периода Нового времени при изучении генеалогии стремились выйти к «мифологическому» предку – основоположнику рода. Ярким примером может служить род Радзивиллов, где, по одной из версий, родоначальником был мифический жрец Лиздейка, который, по легенде, истолковал знаменитый сон князя Гедимина на Свинтороге у реки Вилии [5; 6, с. 6].

Род Служек герба Остоя (описание герба: в красном поле два золотых полумесяца, обращённых рогами один влево, другой вправо; между ними меч, ручка которого имеет вид креста) известен с XV в. Исследователи склонны считать, что родоначальником стал Иван (Ян), которого увезли из Киева в Польшу в качестве пленника во время похода князя Свидригайло на город [1; 7, с. 136]. Служки смогли оказать влияние на общественно-политическую жизнь в ВКЛ, а затем и РП, оставив после себя след в истории, но надолгие годы оказались в забвении.

До 1609 г. этот род занимал невысокие должности в РП, но затем наблюдается интенсивный карьерный рост в политике, начиная с Криштофа Служки, который стал наместником короля в венденском воеводстве [8, с. 70]. Эволюцию карьерного роста можно связать с рядом причин: во-первых, выслуга на прежних должностях; во-вторых, влиятельные связи (Радзивиллы); в-третьих, принятие католичества; в-четвертых, поддержка короля.

Представители рода Служек играли видную роль в самых разных сферах государственной и общественной жизни РП. Служки смогли проявить себя способные политики (Александр, Доминик, Юзеф-Богуслав), талантливые полководцы (Зыгмунт), щедрые меценаты (Александр, Юзеф-Богуслав), хитрые и властные жены (Элжбета). Этот род смог породниться со многими известными фамилиями, тем самым постепенно усиливая свое влияние в обществе. Служки вступали в династические союзы с Лукомскими, Лозками, Потоцкими, Гонсевскими, Казановскими, Радзиевскими, Денгофами.

Влияние Служек распространялось даже на королевский двор РП: муж Элжбеты Служки, Адам Казановский, был не только коронным маршалком, но и близким другом короля Владислава IV [9]. Эта дружба сыграла большую роль в укреплении положения Элжбеты в обществе: после смерти своего мужа она смогла подтвердить все права на владения имуществом Казановского.

Большую роль в увеличении влияния рода Служек сыграла протекция видных полководцев и государственных деятелей РП: служба Криштофу (Христофору) Радзивиллу позволила Александру Служке рассчитывать на его покровительство. Участие Зыгмунта, Юзефа-Богуслава, Доминика Служек в различных военных кампаниях, а также выступления их на стороне короля во время существования конфедераций, закрепили за ними статус лояльной и надёжной опоры королевской власти.

Род Служек оставил заметный след не только в истории, но и топонимии РП. В честь Служек названы улицы в Вильнюсе (Литва) и Тересполе (Польша). Собственно, город Тересполь был назван в честь жены Юзефа-Богуслава – Терезы Гонсевской.

Служек по значимости в истории ВКЛ и РП можно поставить в один ряд с такими известными родами, как Огинские, Пацы, Гонсевские, Тышкевичи и многими другими знатными фамилиями. Постепенное возрастание влияния рода можно разделить на несколько этапов:

1 XV в. – вт. пол. XV в. – от получения Иваном нобилитации до получения должности цыринского наместника Григорием в ВКЛ (польский этап);

2 вт. пол. XV в. – 1609 г. – от должности наместника цыринского, полученного Григорием, до получения должности венденского воеводы Криштофом (этап территориальных должностей в ВКЛ);

3 1609 г. – 1673 г. – от получения должности венденского воеводы до первой значимой должности Юзефа-Богуслава (этап должностей, приближенных к королевскому двору);

4 1673 г. – 1713 г. – от должности Юзефа-Богуслава Служки ловчим ВКЛ до смерти полоцкого воеводы Доминика («золотой» этап, когда Служки служили при максимальной близости к королю и имели весомую степень влияния в истории ВКЛ).

К первым упоминаниям генеалогии Служек следует отнести написанный в 1647 г. преподавателем теологии Виленской академии Адамом Бочковским панегирик на смерть Александра Служки, но посвященный его детям Богуславу и Зыгмунту. В нём автор отдельно выделил раздел «Splendor familiae», в котором хвалебным образом прославлял наиболее прославившихся предков Александра [10, с. 7–11].

Генеалогию рода серьёзно исследовал в XVIII в. Каспар Несецкий. Польский генеалог подробно описал представителей рода, начиная с XVII в., однако, пропуская некоторых представителей Служек, живших в конце XV – начале XVI вв. (Ивана, Омельяна, Павла). «Легенды» не обошли стороной и описание рода Служек. Несецкий написал, что герб «Остоя» был получен после заключения Городельской унии 1413 г., хотя на самом деле этот герб был дан гораздо позже [7, с. 136]. 16 ноября 1436 г. в Кракове Иван Служка получил нобилитацию с гербом «Волга» (описание герба: в красном поле серебряная вооруженная рука держит серебряную стрелу) от короля Польши Владислава III [11, с. 165–166], а «Остоя», вероятно, была пожалована уже его сыну Омельяну либо внуку Григорию. Кроме того, генеалог ошибся в ряде должностей: Криштоф Служка занимал должность венденского воеводы, а не инфлянтского, как это написано у Несецкого (Инфлянтское воеводство образовалось в 1620 г., а Криштоф умер в 1619 г.); не нашлось подтверждений о занятии должностей лоевского и мозырского старосты Александром Служкой [7, с. 136].

Польский историк вт. пол. XIX в. Адам Бонецкий вовсе кратко описал только ранних представителей рода: Григория Омельяновича, Ивана и Павла Григорьевичей, опустив всех остальных [12, с. 322]. Вт. пол. XX в. ознаменовалась выходом статьи Чеславы Садковской о генеалогии Служек в научном сборнике «Archeion». Статья заслуживает большого внимания, т. к. в ней, помимо генеалогии, описываются ранее неизвестные факты о Служках, выявленные в архивах Польши. Основным источником статьи стали манускрипты из Государственного архива древних актов в Варшаве, переданные после 1945 г. аристократической семьёй Потоцких, которые ранее хранились более 200 лет в Вилянувском дворце. «Архив Служек» хранился у Потоцких с 1723 г. [13]. В начале 21 в. польский исследователь Марек Ежи Минаковский создал две генеалогических электронных базы данных: Sejm-Wielki.pl и Wielcy.pl. Интерес представляет последняя, т. к. в ней содержатся сведения о Служках. Для составления «генеалогического древа рода Служек» Минаковский использовал сведения Адама Бонецкого, Теодора Жихлинского, Владимира Дворжечека, а также материалы «Польского биографического словаря».

В белорусской историографии генеалогию рода исследовал историк Владислав Веревкин-Шелюта. Им была написана статья для Энциклопедии истории Беларуси, а позднее – Энциклопедии Великого Княжества Литовского [1]. Ранняя генеалогия изучена обстоятельно, но в ней практически опускается женская линия рода, также отсутствует сын Николая Служки – Николай Николаевич и все сыновья Криштофа.

Это связано с тем, что историк, скорее, поставил целью показать только наиболее значимых представителей рода [1, с. 355–356].

В представленной статье генеалогия рода Служек разбиралась автором по системе поколенной росписи д'Абовиля, включая смешанное исследование. Данная система заключается в том, что при нисходящем исследовании самый старший предок из известных получает номер 1. Следующее поколение – его дети – получают номер, составленный из двух цифр – номера отца и собственного номера, т. е., 1.1 и 1.2. Дети человека, записанного под номером 1.2, будут записаны под номерами 1.2.1 и 1.2.2 соответственно. Смешанное исследование указывает всех предков и по мужской, и по женской линиям. В отличие от предыдущих известных генеалогических росписей Служек, эта родословная является дополненной ранее неизвестными и малоизвестными представителями рода по женской линии, также в ней указаны по мере обнаружения в источниках их жены/мужья. При её составлении использовались, как прошлые историко-генеалогические исследования историков (К. Несецкого, А. Бонецкого, Ч. Садковской, М. Е. Минаковского, В. Верёвкина-Шелюты, Н. Яковенко), так и исторические источники [14].

Поколение 1

1. Служка Иван (? – ~1472 г.): бурггpаф Ольштына (1429 г.).

Пол: мужской.

Поколение 2

1.1 Служка Омельян Иванович.

Пол: мужской.

1.2 Служка … [1].

Пол: женский.

1.3 Служка … [1].

Пол: женский.

Поколение 3

1.1.1 Служка Григорий Омельянович (? – ~1529 г.): наместник цыринский.

Пол: мужской.

1.1.2 Служка Иван Омельянович.

Пол: мужской.

Поколение 4

1.1.1.1 Служка Иван Григорьевич (? – 1559(60) г.): городничий киевский, державца любецкий и лоевский.

Пол: мужской.

Жена: Лозка Богдана.

1.1.1.2 Служка Павел Григорьевич (? – 1571 г.): войт каменецкий.

Пол: мужской.

1.1.1.3 Служка Анна (возможно дочь Григория, Ивана или Павла Служек; упоминается, как вдова в 1565 г.) [15, стлб. 242].

Пол: женский.

Муж: Орыкович Мальхор.

1.1.1.4 Служка Анна (возможно дочь Григория, Ивана или Павла Служек; упоминается, как вдова в 1565 г.) [15, стлб. 242].

Пол: женский.

Муж: Шалушина Андрей.

1.1.1.5 Служка Анастасия Григорьевна (1554–1581 гг.) [16, с. 345].

Пол: женский.

Муж: Андрей Андреевич Лукомский.

1.1.2.1 Тяпинский Николай Иванович.

Пол: мужской.

1.1.2.2 Тяпинский Матей Иванович.

Пол: мужской.

Поколение 5

1.1.1.1.1 Служка Николай Иванович (1540–1581 гг.): староста кричевский и люцинский.

Пол: мужской.

Жена: Кмитич Гальшка (Элжбета) Яновна.

1.1.1.1.2 Служка Софья Ивановна (? –1605 г.) [16, с. 345].

Пол: женский.

Муж: Лукомский Богдан Андреевич (?–1591 г.).

1.1.1.1.3 Служка Регина Ивановна [7, с. 136].

Пол: женский.

Муж: Палецкий Мартин.

Поколение 6

1.1.1.1.1.1 Служка Николай Николаевич (? –1598 г.).

Пол: мужской.

Жена: Тхужевская Анна.

1.1.1.1.1.2 Служка Криштоф Николаевич (? –1619 г.): подсудок минский, воевода венденский.

Пол: мужской.

Жена: Волович Софья (1-й муж Андрей Завиша).

1.1.1.1.1.3 Служка Гальшка (Элжбета) Николаевна [7, с. 136].

Пол: женский.

Муж: Кавечинский.

1.1.1.1.1.4 Служка Александр Николаевич (1580–1647 гг.): каштелян минский (1618–1628 гг.), каштелян жемайтский (1628–1633 гг.),

воевода минский (1633–1638 гг.), воевода новогрудский (1638–1642 гг.), воевода трокский (1642–1647 гг.); староста речицкий (до сер. 1630-х гг.), гомельский (1635–1647 гг.), пропойский (1644–1647 гг.).

Пол: мужской.

Жена 1: Зенович София-Констанция (? – 1642 гг.).

Жена 2: Кишка Катаржина.

Поколение 7

1.1.1.1.1.2.1 Служка Ремегиан Криштофович (~1610– ? гг.).

Пол: мужской.

1.1.1.1.1.2.2 Служка Николай Криштофович.

Пол: мужской.

1.1.1.1.1.2.3 Служка Рафаль Криштофович.

Пол: мужской.

1.1.1.1.1.2.4 Служка Ян Криштофович.

Пол: мужской.

1.1.1.1.1.4.1 Служка Богдан-Владислав Александрович (1615 г. – 1630 г.).

Пол: мужской.

1.1.1.1.1.4.2 Служка Евстафий Александрович (1615 г. – 1639 г.): речицкий староста (сер. 1630-х гг. – 1639 г.).

Пол: мужской.

1.1.1.1.1.4.3 Служка Элжбета Александровна (1619 г. – 1671 г.).

Пол: женский.

Муж 1: Казановский Адам (1599 г. – 1649 г.).

Муж 2: Радзиевский Иероним (1612–1667 гг.) (до брака с Элжбетой Служкой Иероним был женат на Тарновской Евфросинии Эулалии. В этом браке у них родились 2 сына: Станислав и Михаил-Стефан).

1.1.1.1.1.4.4 Служка Богуслав Александрович (1620–1658 гг.): староста речицкий (1639–1658 гг.), стольник ВКЛ, подскарбий надворный ВКЛ.

Пол: мужской.

Жена: Потоцкая Анна.

1.1.1.1.1.4.5 Служка Зыгмунт-Адам Александрович (1628–1674 гг.): надворный хорунжий ВКЛ (1649–1656 гг.); великий хорунжий ВКЛ (1656–1674 гг.); староста гомельский (1647–? гг.), пропойский, речицкий (1658–1667 гг.).

Пол: мужской.

Поколение 8

1.1.1.1.1.4.4.1 Служка Констанция Богуславовна (?–1723 гг.).

Пол: женский.

Муж 1: Денгоф Владислав (1630–1693 гг.).

Муж 2: Денгоф Эрнест.

1.1.1.1.1.4.4.2 Служка Юзеф-Богуслав Богуславович (1652–08.10.1701 гг.): староста речицкий (1667–1701 гг.), пунский, пенянский, лянцкаронский, латычевский, озерицкий, ловчий ВКЛ (1673–1676 гг.), великий хорунжий ВКЛ (1676–1683 гг.), надворный маршалак (1683–1685 гг.), каштелян трокский и виленский, польный гетман ВКЛ (1685–1701 гг.).

Пол: мужской.

Жена: Гонсевская Тереза.

1.1.1.1.1.4.4.3 Служка Доминик-Михаил Богуславович (1655–1713 гг.): староста речицкий (1701–1713 гг.), суражский, борисовский, воевода полоцкий.

Пол: мужской.

Жена: Друцка-Подберезская Констанция.

На основании анализа выявленных источников, а также из данных генеалогических и исторических исследований мы пришли к выводу, что представленная генеалогическая роспись шляхетского рода Служек является более полной, в отличие от предыдущих. Роспись была дополнена женской линией в 4-м и 5-м поколении. Собраны в одну базу данных представители рода, выявленные другими исследователями (К. Несецким, А. Бонецким, В. Веревкиным-Шелютой, Н. Яковенко). Кроме того, в родовод были включены обнаруженные в источниках сведения о женах/мужьях Служек. Вместе с тем, исходя из критического подхода к анализу, следует отметить следующие недостатки приведенной генеалогической росписи: неизвестны имена двух сестер Омельяна Служки; отсутствие информации о наличии потомства у детей Криштофа; проблематичность восстановления женской линии рода; дефицит данных в поиске жен/мужей Служек.

Список использованных источников и литературы

1 Вяроўкін-Шэлюта, Ул. Слушкі / Ул. Вяроўкін-Шэлюта // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 6. Кн. 1. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2001. – С. 355–356; Вяроўкін-Шэлюта, Ул. Слушкі / Ул. Вяроўкін-Шэлюта // Вялікае Княства Літоўскае : у 3 т. Т. 2. – Мінск : БелЭн, 2007. – С. 597.

2 Чаропка, С. Рэчыцкі пасол на сеймах Рэчы Паспалітай Зыгмунт Адам Слушка: жыццё для Айчыны… / С. Чаропка // VII міжнародныя доўнараўскія чытанні. – Рэчыца, 2010. – С. 302–308.

3 Панков, Ю. В. Родовой герб как проявление индивидуализма в шляхетской семье (на примере рода Служек) / Ю. В. Панков // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы

VIII Междунар. науч. конф., Гомель, 23–24 мая 2013 г. ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2013. – С. 235–237.

4 Панков, Ю. В. Меценатская деятельность рода Служек в Речи Посполитой в XVII веке / Ю. В. Панков // Rerum scriptor = Гісторык: зб. навук. арт. / рэдкал.: В. А. Міхедзька (адказны рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2014. – С. 16–20.

5 Хроніка Литовська й Жмойтська [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov03.htm. – Дата доступа: 15.03.2016.

6 Icones familiae ducalis Radivilianae ex originalibus ... picturis desumptae: inscriptionibus historico-genealogicis ... illustratae, ab anno ... 1346 ad annum 1758 deductae – Nesvisii : in typogaphia privilegiata Ducali Radiviliana Collegii Societatis Jesu, 1875. – 348 s.

7 Niesiecki, K. Korona polska przy złotey wolnosci starożytnemi rycerstwa polskiego y Wielkiego Xięstwa Litewskiego kleynotami, naywyższemi honorami, heroicznym męstwem, y odwaga, wytworna, nauka, a naypierwey cnotą, pobożnością y świątobliwością ozdobiona. Potomnym zaś wiekom na zalzczýt y nieśmiertelno sławę pamiętnych w tey oyczyznie synow podana / K. Niesiecki. – Lwów : w drukarni Collegium Lwowskiego Soc Jesu, 1738. – T. 4. – 822 s.

8 Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795 / J. Wolff. – Kraków : w drukarni Wł. L. Anczyca i Spółki, 1885. – 354 s.

9 Pyzel, K. Romans, przez który wybuchł potop [Электронный ресурс] / K. Pyzel. – Режим доступа: http://www.wilanow-palac.pl/romans_przez_ktory_wybuchl_potop_prolog.html. – Дата доступа: 2.03.2016.

10 Boczkowski, A. F. Splendor Sluszcianorum siderum inter funebres etiam tenebras illustrissimi domini d. Alexandri Sluszka palatini Trocensis … illustrissimus, funebri elogio repraesentatus et illustrissimis, dominis d. Boguslao Sluszka M. D. L. curiae thesaurario capitaneo Rzeczycensi d. Sigismundo Sluszka Homelensi et Propoiscensi capitaneo filiis dedicatus [Электронный ресурс] / A. F. Boczkowski. – Vilno : Academia Vilnensi, 1647. – Режим доступа: http://www.epaveldas.lt/object/recordDescription/LNB/C1B0000913110. – Дата доступа: 2.03.2016.

11 Piekosiński, F. O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu / F. Piekosiński. – Kraków : Wydawn. Akademii Umiejętności, 1888. – 292 s.

12 Boniecki, A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku / A. Boniecki. – Warszawa, 1883. – 511 s.

13 Sadkowska, Cz. Genealogia rodu Słuszków i ich archiwum (szkic genealogiczno archiwalny) / Cz. Sadkowska. // Archeion. – Warszawa : Wydawnictwo Archiwów Państwowych, 1969. – T. 52. – S. 57–81.

14 Система д’Абовиля [Электронный ресурс] // Историко-генеалогический словарь-справочник. – Режим доступа: http://www.defree.ru/publications/p01/p65.htm#1328. – Дата доступа: 15.03.2016.

15 Реестръ попису войска литовскаго 1565 г. // Литовская Метрика, отделъ первый, часть третья: Книги публичныхъ делъ. Переписи войска Литовскаго // Русская историческая библіотека. – Петроградъ, 1915. – Т. 33 – Стлб. 237–430.

16 Яковенко, Н. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна / Н. Яковенко. – К. : Критика, 2008. – 472 с.

***Yury Pankou.* On the question of drawing up the ahnentafel of the Sluszka's family coat of arms Ostoja.** *The history of studying the genealogy of the Sluszka's family coat of arms Ostoja was consecrated in the article. The author made the most comprehensive the ahnentafel of the famous in The Polish–Lithuanian Commonwealth noble family on the basis of written sources. It included representatives of both the masculine branch and representatives of the feminine branch. Sluszka's family made the top of the power in the second half of the 17th century. They became one of the richest and most influential families in The Polish–Lithuanian Commonwealth.*

УДК 2-9 (476)(XVI–XVII)

А. Ю. Барташэвіч

Гродзенскі дзяржаўны
універсітэт імя Янкі Купалы

САКРАЛІЗАЦЫЯ КАТАЛІЦТВА Ў ГРАМАДСКАЙ СВЯДОМАСЦІ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVII СТ.

У артыкуле разглядаюцца гістарычныя і грамадскія ўмовы, што прывялі да сакралізацыі каталіцтва сярод эліты ВКЛ. "Патоп" і раскол грамадства па канфесійнай прыкмеце, эпоха "сарматызма" і культурна-моўны ўплыў Польшчы прывялі да новай мадэлі рэлігійнай палітыкі, звязанай з абмежаваннем правоў некаталікоў, пашырэння шляхецкага мецэнацтва каталіцкіх ордэнаў, роста грамадскай актыўнасці каталіцкай царквы, фарміравання ўяўленняў пра каталіцтва, як непарыўнай часткі шляхецкай культуры ВКЛ.

Пад сакралізацыяй каталіцтва (ў шырокім сэнсе) варта разумець "асвячэнне", прызнанне свяшчэнным, надзяленне свяшчэнным сэнсам каталіцкай канфесіі, яе абрадаў і аб'ектаў. У прывязцы да тэндэнцый гістарычнага развіцця грамадства Вялікага княства Літоўскага ў гэты перыяд (у вузкім сэнсе) – прызнанне выключнай значнасці, "звышякасцей" канфесіі, яе важнага ўплыву (звышнатуральнага характару) на грамадскія працэсы, неабходнасці свяшчэннай "легітымізацыі" каталіцтвам любых грамадска значных з'яў.

Пасля "патопу", калі канфесійнае супрацьстаянне набыло выразна палітычны характар, а некатолікі фактычна выступілі супраць каралеўскай улады Рэчы Паспалітай, каталіцкая вера і прыналежнасць да

яе сталі прыкметай палітычнай лаяльнасці каралю і вялікаму князю, патрыятызму, адданасці дзяржаве. Праваслаўная Маскоўская дзяржава, якую падтрымала праваслаўнае ўкраінскае казацтва і частка беларускіх праваслаўных мяшчан і шляхты, вяла вайну з шматканфесійнай Рэччу Паспалітай. Пратэстанцкая Швецыя ўступіла ў вайну супраць Рэчы Паспалітай у 1655 г., знайшла сваіх прыхільнікаў сярод пратэстантаў Вялікага княства Літоўскага (у тым ліку, сярод прадстаўнікоў знакамітых магнацкіх і шляхецкіх родаў – Радзівілаў, Мірскіх, Камароўскіх, Гружэўскіх, Дунін-Раецкіх і інш.) [8, с. 133]. Характэрна, што ўжо падчас вайны шляхцічы (асабліва каталіцкага веравызнання), што прысягнулі на вернасць маскоўскаму цару і прынялі праваслаўе, разглядалася каралём і астатняй каталіцкай шляхтай не толькі як адступнікі, што выступілі супраць караля і дзяржавы, але і як “здраднікі веры святой каталіцкай”. У скарзе на ашмянскага шляхціча Андрэя Рагінскага адзначалася, што апошні, нягледзячы на шляхецкі стан “прадаўся Маскве”, калі яна захапіла Вільню. У скарзе ён быў ахарактэрызаваны як “адшчапенец касцёла святога і рымскай кафедры”, бо, прысягнуўшы цару, ён перахрысціўся ў праваслаўе [5, с. 378]. Ваенныя поспехі Рэчы Паспалітай (як падчас “патопу” і казацка-сялянскай вайны, так і падчас паходаў супраць Атаманскай порты і крымскіх татараў) спрыялі кансалідацыі ваенна-служылага саслоўя – рознаэтнічнай шляхты дзяржавы вакол каталіцкай веры.

У другой палове XVII ст. сярод эліты Рэчы Паспалітай пашыраецца меркаванне, што першапачатковыя ваенныя няўдачы, якія паставілі дзяржаву на мяжу згубы, былі “Божым пакараннем” за талерантнасць і “спрыянне” праваслаўным і дысідэнтам у Рэчы Паспалітай – нібыта ворагам “сапраўднай” веры – каталіцтва [8, с. 274]. Ужо ў 1658 г. пастанова сойма абавязвала «літоўскіх» і польскіх арыян прыняць каталітва або пакінуць краіну, яны былі пазбаўлены ўсіх дзяржаўных пасад [2, с. 272]. Закон 1668 г. адзначаў, што рэлігійныя свабоды не пашыраюцца на «арыянскую секту» [8, с. 270]. Пастановы сойма 1668 г. забаранялі збірацца ў Вільні Сінодам Адзінства Літоўскага, пераход з каталіцтва ў пратэстантызм.

Кароль і вялікі князь Ян Казімір спецыяльным загадам 1667 г. паставіў выбары ў магілёўскі магістрат у залежнасць ад патрыцыяў-католікаў, і каб магілёўскі каталіцкі “плябан” быў “першымураднікам” у магілёўскім магістраце. За невыкананне гэтага загада быў нават вызначаны штраф у 5 тыс. злотых, палова з якога мусіла ісці на карысць магілёўскага фарнага касцёла [1, с. 282]. У 1668 г. кароль і вялікі князь Ян Казімір дасылае ўпамінальны ліст віленскаму магістрату, дзе нагадвае змест дзяржаўнай палітыкі ў канфесійным

пытанні: “жадаем больш выкаранення схізмы, а не змяншэння рэлігіі грэцкай, якая ў адзінстве святым з касцёлам рымскім знаходзіцца… памнажэння яе і распаўсюджвання Божай хвалы надалей” [3, с. 131].

Сойм 1669 г. прыняў новы закон “Rex catholicus esto”, згодна з якім, каралём і вялікім князем Рэчы Паспалітай мог стаць толькі католік: “пан рэлігіі іншай не будзе абраны, толькі той, які быў і павінен заставацца рэлігіі рымскай, таксама рымскай каталіцкай рэлігіі павінна быць і каралева” [14, с. 11]. Пасля 1673 г. некаталікі ўжо не маглі атрымаць шляхецкую годнасць [8, с. 272]. У 1676 г. на сейме быў прыняты закон накіраваны, па-сутнасці, супраць праваслаўных брацтваў, паколькі забараняў паездкі духоўных і свецкіх асобаў за мяжу (без асабістага дазволу караля), абмяжоўваў кантакты з канстанцінопальскім патрыярхам, перадаваў справы і маёмасць брацтваў мясцовай уладзе [12, с. 212]. У каралеўскім прывілеі віленскаму цэху пераплётчыкаў (1676 г.) агаворваўся, у тым ліку, парадак выбрання старшынь цэху, каб яны былі «у веры святой, каталіцкай рымскай, людзей добрых, а не якіх дысідэнтаў» [4, с. 83]. Інструкцыя шляхты брэсцкага ваяводства на сойм (1676 г.) змяшчала патрабаванне пацвярджэння законаў супраць арыянаў, у той жа час дакумент згадваў пра фундушы берасцейскім аўгусцінцам і брыгіткам, патрабаваў вызваліць берасцейскіх бернардзінцаў ад вайсковых пастояў і павіннасцей [2, с. 162]. Падпарадкаванне Кіеўскай мітраполіі Маскоўскаму патрыярхату ў 1685–1686 гг. толькі пагоршыла прававое становішча “грэцкай веры” ў Рэчы Паспалітай, паскольк праваслаўе ўсё болей разглядалася дзяржаўнымі саноўнікамі і шляхтай як «сфера ўплыву» суседняй, традыцыйна варожай дзяржавы. На Варшаўскім сойме 1699 г. быў зацверджаны шэраг пастаноў супраць дысідэнтаў – праваслаўных і пратэстантаў не дапускалі да гарадскіх адміністрацыйных пасад.

Да ўзвышэння каталіцкай веры спрычынілася эпоха контррэфармацыі і барока, якая знайшла ўвасабленне ў ідэалогіі “сарматызма”. Барока вярнула з нябыту шматлікія каштоўнасці сярэднявечча – страх і сумненні грахоўнага чалавека перад Божым судом, рыцарства і цнатлівасць, узняла культ “рымскага” хрысціянства на новую ступень – і ў гэтым сэнсе спрыяла распаўсюджванню каталіцтва на беларускіх землях. Гэта эпоха знайшла адлюстраванне ў разбудове пышных каталіцкіх архітэктурных комплексаў у беларускіх гарадах, мецэнацтве магнатаў і шляхты.

Пасля “патопу” ўладная эліта запрашала і матэрыяльна стымулявала новыя асяродкі, пашырала старыя фундацыі каталіцкіх ордэнаў на землях Вялікага княства Літоўскага [6, с. 54]. Сойм 1662 г. дазваляў фундаваць damініканцаў у Хорашчах (Гродзенскі павет) [13, с. 421].

Гэты ж сойм пацвердзіў фундацыю Яна Караля Копця манахам-бенедыктынцам каля мястэчка Янава (Пінскі павет), аднак, неўзабаве кляштар бенедыктынцаў быў закладзены ў Гарадзішчы [13, с. 421]. Сойм таксама пацвердзіў фундаванне канцлерам Вялікага княства Літоўскага Кшыштафам Пацам ордэна камедулаў у сваіх “добрах дзедзічных”; па гэтаму дакументу камедулы атрымалі права ствараць свае асяродкі на землях Вялікага княства Літоўскага [13, с. 421]. У 1667 г. права на будаўніцтва ў Камянцы кляштара атрымалі баніфраты [13, с. 451]. Соймам 1667 г. была пацверджана фундацыя камедулаў у Веграх (Гродзенскі павет) [13, с. 473]. У 1667 г. права на заснаванне касцёла і кляштара атрымалі дамініканцы ў Пінску, бернардынцы ў Глуску [13, с. 474]. Гэтым жа годам датавана з’яўленне манахінь-францысканак у Слоніме, дамініканцаў у Ашмянах [13, с. 474]. Манахіні-брыгіткі ў Брэсце атрымалі фундацыю на новы пляц у горадзе [13, с. 475]. У 1672 г. у Нясвіжы з’явілася місія дамініканцаў (заснавальнікам выступіў смаленскі падстолі Васіль Баканоўскі), у 1673 г. у горад прыбылі бенедыктынцы (фундацыя князя Міхаіла і яго сына Караля Станіслава Радзівіла) – у горадзе паўстаў касцёл Святога Крыжа [16, с. 445].

У 1677 г. сойм зацвердзіў фундацыю баніфратак (касцёл і кляштар) у Навагрудку, паколькі “іх прысутнасць для памнажэння Божай хвалы нам патрэбная” [14, с. 263]. Віцебскі ваявода Ян Храпавіцкі запрасіў у Віцебск місію францысканцаў і перадаў ім “камянічку з плацам”, дзе яны ў хуткім часе пачалі адпраўляць набажэнства “з памнажэннем веры святой каталіцкай паміж разрозненымі ад уніі святой” [14, с. 263]. Сойм 1678 г. ухваліў заснаванне езуіцкай місіі пры фарным касцёле ў Магілёве – “для абарачэння душ, схізмай апантаных” [14, с. 310]. На сойме 1683 г. было пацверджана заснаванне езуіцкага калегіума ў Мінску, “зважаючы на неабходнасць памнажэння хвалы Божай сярод розных дысідэнтаў” [14, с. 339]. У 1687 г. у Магілёве паўстаў бернардзінскі касцёл з кляштарам [15, с. 330]. У 1690 г. мсціслаўскія езуіты ўжо мелі вялікі калегіум, значную юрыдыку ў горадзе [15, с. 340]. У 1690 г. кашталян віленскі, гетман польны Вялікага княства Літоўскага Я. Багуслаў Служка заклаў місію бернардынцаў у сваім мястэчку Валожыне [14, с. 403]. Езуіцкія місіі ў Пагосце і Мсціслаўлі таксама ўзвялі новыя будынкі касцёлаў (1685 і 1692 гг. адпаведна) [17, с. 1061]. У 1692 г. з’явіўся касцёл у Фашоўцы [17, с. 1061]. У 1693 г. на месцы езуіцкай капліцы ў Оршы паўстаў драўляны касцёл [17, с. 1061].

Гэты перыяд звязаны з дамінацыяй у свядомасці прывілеяваных слаёў грамадства польскіх шляхецкіх каштоўнасцей (якія ўсё шырэй

распаўсюджваліся і на беларуска-літоўскіх нобіляў). Каталіцкая вера, па-сутнасці, становіцца "культурным маркерам" (разам з польскай мовай), што сведчыла аб прыналежнасці да шляхты. Першапачаткова каталіцтва распаўсюджвалася сярод уплывовых і заможных саноўнікаў, вярхушкі найбольш знакамітых шляхецкіх родаў – магнатэрыі. У сваю чаргу, сярэдняя і дробная шляхта ішла за магнатэрыяй у справе канфесійных пытанняў, арыентавалася на яе [11, с. 198].

Дзякуючы спрыянню з боку караля, магнатэрыі, шляхты і актыўнай пазіцыі саміх каталіцкіх ордэнаў – узрасла роля каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Вялікага княства Літоўскага.

У кантэксце вышэйсказанага цікавымі з'яўляюцца абставіны інтрадукцыі (унясення) іконы Маці Божай у гродзенскі езуіцкі касцёл 3 жніўня 1664 г. Гродна перажыў драматычныя ваенныя падзеі на працягу 1655–1661 гг. – быў двойчы акупаваны царскім войскам, разбураны храмы розных канфесій [9, с. 98]. Галоўнай мэтай мерапрыемства, як указваюць крыніцы, было "ўмацаванне сэрцаў" жыхароў горада і ваколіц – выклікаць пачуццё адзінства, надзею на аднаўленне мірнага жыцця [9, с. 97]. Згодна сведчанням, у працэсіі інтрадукцыі прынялі ўдзел каля 5 тыс. чалавек – цэхавыя рамеснікі з харугвамі, гарадскі патрыцыят ("радныя"), мясцовая і запрошаная шляхта, манахі каталіцкіх ордэнаў, студэнты езуіцкай школы, просты люд [9, с. 104]. Сцэнар працэсіі быў распрацаваны па старажытнарымскаму ўзору, і можа быць інтэрпрэтаваны як трыумфальнае шэсце на чале з іконай, якая абараніла жыхароў горада і даравала перамогу над іншаверцамі і чужынцамі [9, с. 106].

Каталіцкія ордэны выступалі арганізатарамі і прымалі ўдзел у наступных свецкіх святах: каранацыя караля (яе гадавіны), пачаткі соймаў, трыбуналаў, соймікаў, уступленне ураднікаў на пасады, імяніны і дзень народзінаў караля, попісы войскаў, пачатак навучальнага года і інш. [10, с.102] У 1688 г. віленскія езуіты арганізвалі урачыстую сустрэчу каралю і вялікаму князю Яну Сабескаму, які прыбыў у Вільню разам са сваім сынам і світай. Кароль уехаў у горад праз асобую браму, спецыяльна для гэтай мэты пабудаванай, наведаў касцёлы і кляштары, навіцыят. Езуіты віталі караля панегірыкам у касцёле, навучэнцы калегіума прыўрочылі да гэтай сустрэчы публічны дыспут [16, с. 87]. Езуіты ў Мінску прынялі актыўны ўдзел у трыумфальным шэсці з нагоды наведвання горада канцлерам Вялікага княства Літоўскага Марцыянам Агінскім у 1689 г. [7, с. 60]. У лістападзе 1697 г. у Віцебску праходзілі ўрачыстыя мерапрыемствы з нагоды каранацыі караля і вялікага князя Аўгуста III. У трыумфальным шэсці разам з іншымі гараджанамі актыўны ўдзел прымала

каталіцкае і ўніяцкае духавенства. Святочнае шэсце завяршылася ўрачыстым багаслужэннем у касцёле езуітаў і ўніяцкай царкве Васкрасення Хрыстова [7, с. 61]. У Гродна, у касцёле езуітаў і ў касцёле Успення Маці Божай (Фара Вітаўта) праводзіліся ўрачыстыя набажэнствы з нагоды засядання ў горадзе соймаў Рэчы Паспалітай, сесій Галоўнага трыбунала Вялікага княства Літоўскага.

Каталіцкія манахі (асабліва місіянерскіх ордэнаў) падтрымлівалі кантакты зураднікамі, дэлегавалі сваіх прадстаўнікоў на сойм у якасці назіральнікаў, былі арганізатарамі і ініцыятарамі малітваў і набажэнстваў за поспех палітычных спраў [10, с. 71–72]. Кляштарныя памяшканні служылі месцам пасяджэння розных органаў свецкай улады: сесій павятовых соймікаў, каптуровых судоў, скарбовых камісій [10, с. 87].

Такім чынам, каталіцкая царква імкнулася да свайго роду “духоўнай манаполіі”, кіруючай ролі ў асвячэнні важнейшых дзяржаўных і грамадскіх падзей.

Дакументы эпохі адлюстроўваюць адносіны нобіляў да асноўных хрысціянскіх канфесій: у каралеўскіх дэкрэтах, соймавых пастановах каталіцтва ўсё часцей называецца “святой каталіцкай верай”; праваслаўе і праваслаўныя фігуруюць як “дызунія”, “дызуніты”, часта ўжываюцца абазначэнні “схізма, схізматыкі” [14, с. 280]. Пратэстанты ў афіцыйных актах выступаюць як “дысідэнты”, “евангелісты”, прадстаўнікі радыкальных плыняў пратэстантызму (арыяне і іншыя) – “ерэтыкі” [4, с. 83]. Паказальнай з’яўляецца пратэстацыя базыльянскага пракуратара Алешэўскага (ад імя ўніяцкага мітрапаліта Л. Залескага) супраць віленскага магістрата. У дакуменце мітрапаліт называў Рэч Паспалітую “каталіцкай дзяржавай”, дзе ўсё робіцца для “рымскай” рэлігіі і дзе яна з’яўляецца галоўнай. На думку пракуратара, астатнія цэрквы і “секты” павінны “памяншацца ў правах”. Трэба заўважыць, пад “людзьмі каталіцкімі” Алешэўскі разумеў як асобаў каталіцкага веравызнання, так і ўніятаў [3, с. 143].

Такім чынам, сакралізацыя каталіцтва ў свядомасці нобіляў Вялікага княства Літоўскага ў рэшце рэшт прыводзіла да росту папулярнасці каталіцтва, атрымання больш высокай сацыяльнай атракцыйнасці для грамадства, паколькі: каталіцкая вера стала часткай шляхецкага этаса, культуры; панавалі ўяўленні пра шляхецкую культуру, як узорную для астатняга грамадства; абмежаванне рэлігійных, маёмасных і грамадскіх правоў некатолікаў; ангажаванасць каталіцкай царквы ў грамадска-палітычнае жыццё; мецэнацтва і фундацыйная актыўнасць шляхты прыводзіла да пашырэння ўдзелу каталіцкай царквы ў сацыяльнай і адукацыйнай сферы: адкрыццё школ, каллегіумаў, друкарняў, шпіталяў. З іншага боку, у гэты перыяд адбываецца завяршэнне працэсу

“паланізацыі” каталіцтва на землях Вялікага княства Літоўскага, што разам з пашырэннем гэтай канфесіі прыводзіла да культурна-моўнай паланізацыі грамадства.

Спіс выкарыстанных крыніц і літаратуры

1 Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси. – Вильно: Тип. Губернского Правления, 1867. – Том 2. – 406 с.

2 Акты Виленской археографической комиссии. Том 4. Акты Брестского гродского суда. – Вильно: типография Губернского Правления, 1870. – 687 с.

3 Акты Виленской археографической комиссии. Том 8. Акты Виленского гродского суда. – Вильно: типография А. Г. Сыркина, 1875. – 765 с.

4 Акты Виленской археографической комиссии. Том 10. Акты Виленского магистрата и магдебургии. – Вильно: типография А. Г. Сыркина, 1879. – 686 с.

5 Акты Виленской археографической комиссии. – Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1893. – Том 20: Акты касающиеся города Вильны. – 673 с.

6 Барташэвіч, А. Ю. Гісторыя каталіцкіх ордэнаў на беларускіх землях у другой палове XVII ст.: місіянерства і культурна-асветніцкая дзейнасць / А. Ю. Барташэвіч // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2013. – № 9. – С. 54–58

7 Котлярчук, А. С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность / А. С. Котлярчук. – Спб.: РАН, 2001. – 238 с.

8 Катлярчук, А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае Княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. / А. Катлярчук. – Мінск: ARCHE, 2008, 2009. – 306 с.

9 Левшук, В. Е. Процессия студентов гродненского иезуитского коллегиума в 1664 г. как ритуал обозначения центра сакрального пространства города. / В. Е. Левшук // Гістарычная ўрбаністыка: асновы метадалогіі і крыніцазнаўчая база: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: І. В. Соркіна (гал. рэд) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2011. – С. 95–110.

10 Паўлоўская, Г. Г. Гродзенскія кляштарныя хронікі як крыніца па гісторыі Гродна другой паловы XVII–XVIII ст. : дыс. …канд. гіст. навук : 07.00.09 / Г. Г. Паўлоўская. – Мінск, 2011. – 152 с.

11 Liedke, M. Od prawosławia do katolicyzmu. Ruscy możny i szlachta Wielkiego Ksiestwa Litewskiego wobec wyznan reformacyjnych / M. Liedke. – Białystok, 2004. – 317 s.

12 Mironovich, A. Kosciol prawoslawny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej / A. Mironowich. – Bialystok: Wyd-wo univ. w Bialymstoku, 2001. – 352 s.

13 Volumina Legum. Tom IV. Prava, konstytucye i przivileie krolestwa Polskiego, Wielkiego Xiestwa Litewskiego y wszystkich prowincyi nalezacych

na walnych sejmiech koronnyh. Ab anne 1641 ad annum 1668. – Petersburg: nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1859. – 519 s.

14 Volumina Legum. T. V. Prava, konstytucye i przivileie krolestwa Polskiego, Wielkiego Xiestwa Litewskiego y wszystkich prowincyi nalezacych na walnych sejmiech koronnyh. Ab anne 1669 ad annum 1697. – Petersburg: nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860. – 480 s.

15 Wołyniak. Z przesłości karmelitow na Litwie i Rusi./ Wołyniak. – Kraków, 1918. – 806 s.

16 Zaleski, S. Jesuici w Polsce : w 5 T. / S. Zaleski. – Krakow: drukiem i nakladem drukarni W.L. Anczyca i SP, 1905. – Tom IV. Cz. I : Dzieje 153 kolegiow i domow jesuitow w Polsce. – 478 s.

17 Zaleski, S. Jesuici w Polsce. – Tom IV. Kolegia i domy zalozone w drugiej dobie rzadow Zygmunta III, i za rzadow Wladyslawa IV. 1608–1648 Czesc III // S. Zaleski. – Krakow, 1905. – 552 s.

***Andrei Bartashevich.* The sacralization of Catholicism in social conscieness of Grand Duchy of Lithuania's nobility in the second part of 17th century.** *In the article the author covers historical and social reasons that lead to sacralization of Catholicism among the GDL's elite. The «fall» and «split» of a society connected with the confession division, the epoch of «sarmatism» and cultural-linguistic influence of Poland became the main factors of becoming a new model of religious politics that restricted the rights of non-Catholic population, turned to the expand of Catholic institution's noble patronship, growth of public activity of Roman-Catholic church, and the formation of beliefs about its existence as an inseparable cultural part in GDL's nobility life.*

УДК 930(476):282

Е. Е. Барсук

Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ИСТОРИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛИТВЕ И БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVI–XVIII ВВ. В РАБОТАХ О. ТУРЧИНОВИЧА И Г. КИПРИАНОВИЧА

Характеристика взглядов белорусских историков XIX в. О. Турчиновича и Г. Киприановича об конфессиональной политике в Речи Посполитой в XVII–XVIII вв., причинах, этапах и последствиях распространения католичества и униатства, средствах межконфессиональной борьбы на белорусских и украинских землях.

Работа О. Турчиновича «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен», изданная в 1857 г. представляет собой одну из первых попыток обобщенного и систематизированного изложения материала от расселения славян в Беларуси и появления норманнов, от истории Полоцкого княжества и Великого княжества Литовского и до Речи Посполитой. Событиям XVI–XVIII вв. из десяти книг посвящено две, из них конфессиональным отношениям – несколько параграфов. Свою позицию он объясняет в предисловии к изданию: «Белоруссия имеет собственную историю, и делится на два периода: древнюю и новую, начинающуюся с XV в., которая тесно связана с политической историей Литвы, Польши и России» [1, с. VII]. С этого времени «по своему географическом положению Белоруссия сделалась поприщем, на котором решались оружием, вопросы, составлявшие политическую жизнь этих держав, и последствия этой кровопролитной борьбы составляют судьбу и новую историю Белорусского края». По мнению Турчиновича, история с конца XVII в. лишена самобытности и представляет собой «бессвязный перечень событий или повторяет историю России и Польши» [1, с. VIII].

Преследование православных, по словам автора, началось с заключения Брестской унии не столько католиками, сколько духовными униатами, сама же уния была «делом немногих лиц, руководимых личными видами, в начале находила приверженцев, которые подобно Рогозе, Тарлецкому и Потею искали личных выгод, православный народ роптал на такую неслыханную новость» [1, с. 201]. Противостояние православных и униатов породило «ненависть обоих партий»: униаты, «действуя в духе иезуитов, стремились увеличить число своих последователей, нередко преступали пределы справедливости» [1, с. 202]. Далее довольно много, около трех страниц посвящено Иосафату Кунцевичу, единственному из религиозных деятелей, кому уделено так много внимания, отличавшемуся «истинно фанатической приверженностью к унии», он забылся до того, что «осмелился увещевать короля закрыть православные церкви, а жителей этого вероисповедания как злых и неисправимых еретиков топить, резать, вешать, жечь на костре». Жители, доведенные до отчаяния «безбожными гонениями Иосафата начали обнаруживать нетерпение, затем сопротивление», чему способствовало тайное посвящение Мелетия Смотрицкого в сан Полоцкого архиепископа. Несмотря на негативные оценки деятельности Кунцевича, автор не одобряет убийства униатского архиепископа: «иступленная чернь позволила себе всякие бесчинства над телом владыки... как бы не был жесток Кунцевич, своеволие, бунт и злодеяния не могли быть оставлены без примерного

наказания [1, с. 203–206]. Далее он характеризует казачество как защитников веры, «витязей Малороссии», которые не требовали ничего, «кроме свободы бить неверных и неприкосновенности уставов, дарованных Баторием». Сигизмунд III считал их виновниками вражды Польши с Крымом, они своими «поисками в Черном море накликали гнев самого султана» [1, с. 207]. О событиях Хмельниччины Турчинович справедливо отмечает: «между Припетью и Днепром – страна, с равной жестокостью, опустошенная казаками и поляками... москвитяне не всегда обходились дружелюбно с жителями, наскучили грабежами некоторым литовским городам» [1, с. 211, 225] О положении православных XVII в. автор «Обозрения» говорит: «преследование продолжалось под разными предлогами, впрочем на сеймах все еще говорили о равенстве прав, короли обещали защиту иноверцам». По его мнению, с 1717 г. стали издаваться законы против диссидентов: им запрещалось строить новые церкви, ремонтировать ветхие, участвовать в сеймиках для избрания послов на Сейм, а Сейм 1773 г. постановил устранить диссидентов от всех общественных должностей. Восшествие на престол Станислава Августа «побудило надежду в многочисленных обитателях Литовского княжества православного закона найти в Короле покровителя их прав гражданских и религиозных», что нашло отражение в приветственной речи Белорусского епископа Георгия Конисского, в которой он «с трогательным красноречием изобразил всю тяжесть страданий православного народа» [1, с. 236]. Характеристика конфессиональных отношений в Речи Посполитой в конце XVI–XVIII вв., представленная О. В. Турчиновичем, схематична и отрывочна, из церковных деятелей упоминается только. И. Кунцевич, но в целом дает представление об общей тенденции и формировании традиции в историографии.

Задачи своего «Исторического очерка православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего времени до настоящего времени» Г. Я. Киприанович в отношении XVI–XVIII вв. определяет так: «представить позднейшее появление и распространение католичества и насильственное введение унии в Белоруссии и Литве, изложить упорную и продолжительную борьбу православных западноруссов с изменниками латино-униатами», целью работы является: «укрепить в сердце читателя сознательную любовь к родному православию, которое после долгих и тяжелых испытаний опять воссияло на западно-русской земле с новым блеском и красотою» [2, с. 111]. Соответственно, это определяет манеру и характер изложения материала в очерке Киприановича. Истории конфессиональных отношений в Литве и Беларуси в конце XVI–XVIII вв. посвящены тематические

главы по истории православия и униатства, католичества в соответствии с двумя историческими периодами (до Брестского церковного собора и с 1596 г. до разделов Речи Посполитой).

Киприанович дает интересные характеристики католических, православных и униатских деятелей: Захария Копыстенского, Стефана Зизания, Мелетия Смотрицкого, Петра Могилы, Афанасия Филипповича, Ипатия Потея, Иосафата Кунцевича, Иосифа Вельямина Руцкого, выделяет этапы распространения православия и католичества в Северо-Западном крае, приводит данные о количестве храмов и верующих обоих вероисповеданий, дополняет работу «Сводом догматических и главных обрядовых разностей, отличающих западную церковь от восточной», размещенным в приложении.

Деятельным униатским митрополитам И. Потею и И. Вельямину Руцкому, а также Полоцкому архиепископу И. Кунцевичу автор посвящает отдельные параграфы своего трула. Так, Ипатий Потей представлен как человек «пылкий, увлекающийся, гордый и властолюбивый и честолюбивый», который «с иезуитской безразборчивостью воспользовался всеми, средствами для распространения унии по ошибочному убеждению в ее истине», тем самым он «спас унию». Однако «неправды, насилия, преследования, какими он старался навязать унию налагают на имя Потея неизгладимое пятно вечного позора и бесславия» [2, с. 80]. Его стараниями был изгнан из Вильни «пламенный и даровитый проповедник Стефан Зизаний, учреждено униатсткое братство, в 1609 г., все 12 виленских православных церквей переданы униатам, за исключением Свято-Духовской церкви [2, с. 77].

Г. Я. Киприанович справедливо отмечает, что преемник Потея Иосиф Вельямин Руцкий стремился «преобразовать и возвысить униатское монашество и высшую иерархию» с помощью распространения образования и создания Базилианского Ордена. В результате такой политики 18 православных монастыря переданы базилианам [2, с. 81–82]. Негативные оценки усиливаются сведениями о том, что в молодости И. Вельямин Руцкий «изменил православию, увлекся кальвинизмом, затем иезуиты обратили его в латинство» [2, с. 81].

Иосафат Кунцевич, униатский иеромонах Виленского Троицкого монастыря, с 1618 г. архиепископ Полоцкий, сын сапожника «неистовствовал»: отнимал у православных храмы, не позволял «совершать богослужения в домах, за городом, изгонял православных священников из епархии, приказал вырывать из могил трупы православных и отдавать их на съедение собакам» [2, с. 86]. Убийство Кунцевича Киприанович объясняет «раздражением» жителей Витебска в 1623 г. из-за его жестокости и насилия [2, с. 87].

Преемник И. Кунцевича, А. Селява, заслужил всего несколько строчек текста: «совершал всевозможные насилия над православными. С Мстиславским православным епископом Сильвестром Коссовым вел тяжбу из-за его въезда в Полоцк и обращения униатов в православие» [2, с. 101].

Среди защитников православия Киприанович называет Константина Острожского, который «сделался столпом и опорою православной церкви, решительно восстал против унии». Его влияние и высокое положение в государстве подчеркивает словами: «сильный своим знатным родом и связями с вельможами... владел «громадными имениями (35 городов, 60 местечек, 700 сел). Сам папа и король старались склонить его в унию» [2, с. 89].

К защитникам православия в условиях распространения унии Киприанович относит авторов полемической и богословской литературы, приводит краткую характеристику произведений в защиту православия: «Эктезис», «Апокрисис» Христофора Филалета, «Вопросы и ответу православному с папежником», «Перестрога», «Палинодия» Захария Копыстенского. Последняя отличается «своей полнотой и богатой ученостью ее автора» [2, с. 134]. Останавливается на биографии Мелетия Смотрицкого, отмечая его как «ревностного защитника православия», а после перехода в униатство, «с таким же жаром» нападавшего на православных [2, с. 135]. Заслугами Петра Могилы считает преобразование «Киевской братской школы в академию», которая выпустила ряд «глубоких ученых и великих борцов за православие и русскую народность», составление «Краткого Катехизиса» и «Требника», которым пользовались при богослужениях в России [2, с. 135]. Религиозную полемику XVI–XVII вв. Киприанович определяет как «борьбу духовным оружием», в которой «латино-униаты и православные стремились оправдать свои действия» [2, с. 132].

Отдельный параграф очерка посвящен «искреннему подвижнику и ревнителю православия» Брестскому игумену Афанасию Филипповичу. Он происходил из почтенной русской семьи, получил хорошее образование, «предпринял странствие в Москву за сбором милостыни», обращался к королю и Сейму в 1641 г. и 1643 г. «о восстановлении Брестского православного братства с школой и богодельней» и уничтожении «проклятой унии» в несколько экзальтированной манере: «подавая копию Купятицкой иконы Богоматери королю, просил «успокоить веру православную», в противном случае обещал кару Божью, в 1644 г. Филиппович заключен в темницу и после смерти Петра Могилы снова отправлен в Брест игуменом, в 1648 г. снова арестован по подозрению в содействии восставшим казакам, «вытерпел

новыя огненныя пытки и вкусил мученическую смерть 5 сентября 1648 г.» [2, с. 104–105].

В истории православия после введения унии в Литве и Беларуси Киприанович выделяет следующие этапы:

• Численное превосходство православных до конца XVI в., господство польско-католиков в управлении государством, принятие Брестской церковной унии. По всей «Литве и Белоруссии насчитывалось около 700 приходских костелов, а церквей православных не менее 10 тысяч, но «латиняне» были советниками великого князя и короля и задумали уничтожить «разноверие... справедливо опасаясь, чтобы руские со временем не возвратились под власть великой России, тогда уже сильной и не раз заступавшей за единоверцев западной Руси» [2, с. 62]. Подрывала могущество православной церкви, по-мнению Кіприановича, также практика патронатства [2, с. 63].

• Оскудение православной западно-русской иерархии в начале XVII в. в связи с распространением унии, за православными епископами сохранилось две епархии; Львовская и Перемышльская. Несмотря на отсутствие православной иерархии «на страже православия стояли православные братства, число их увеличилось в век гонений на православных». Свято-Духов монастырь имел огромное значение для православных виленцев, «единственный, никогда не был отнят униатами» [2, с. 92]. В его подчинении находилось 17 мужских и 2 женских (Виленский, Минский) монастыря. Важнейшими братствами были Минское, Слуцкое и Могилевское [2, с. 94–95].

• Восстановление православной иерархии в 1620 г. Иерусалимским патриархом Феофаном и «покровительство вельможами и дворянами» православия [2, с. 87–88]. В доказательство Киприанович приводит список 18 вновь основанных православных монастырей в царствование Сигизмунда III Вазы [2, с. 91–92].

• Официальное восстановление православной иерархии в 1632 г. королем Владиславом IV. Велико было торжество православных: приняты «Статьи для успокоения народа русского греческой религии», избран Киевским митрополитом Петр Могила (98), «оживление православных и постройка 12 новых православных монастырей [2, с. 98–100]. Далее Киприанович приводит грамоту Владислава IV от 14 марта 1635 г. о предоставлении униатам митрополии, Полоцкого архиепископства и епархий: Владимирской, Пинской, Холмской, Смоленской с 10 монастырями, церквями и имуществами и запрещении в Витебске, Полоцке и Новогрудке православных храмов, но умалчивает о том, что православные также получили епархии: Львовскую, Перемышльскую, Луцкую и Мстиславскую (Могилевскую), епископы

которых за исключением последней позднее признали унию [2, с. 101; 3, с. 508–510].

- Народная борьба против латинства и унии, присоединение Малороссии к России в 1654 г., восстановление православия и уничтожение унии в 1654–1656 гг., временные льготы и уступки православным после войны царя Алексея Михайловича до конца XVII в. Автор называет эти события «движением в защиту веры, народности, свободы» [2, с. 106]. По-мнению Киприановича, эта война «имела ту хорошую сторону, что с этого времени Москва перестала бояться Польши, которая успела наделать так много вреда в смутное время самозванцев» [2, с. 110].
- В конце XVII в. – начале XVIII в. – бедственное положение православных, которое было «вызвано опасением поляков, что остальные русские области скоро могут отойти к единоверной и единоплеменной России». На сеймах издаются «весьма стеснительные для православных законы» (1676 г. запрещал выезжать за границу, обязывал подчиниться местным епископам, 1699 г. лишал права избираться в магистрат. Большинство шляхты «отпало от православия», простой народ переходил в унию, но «хранил следы православия, древние отеческие предания» [2, с. 111]. Проект 1717 г. «обрекал на уничтожение не только православную, но униатскую веру, которая все же была русской» [2, с. 117].
- Замойский Собор 1720 г. и меры к слиянию униатства с латинством. Униатские владыки стали переделывать богослужебные книги [2, с. 126]. В 1747 г. униатским священникам приказано обрить бороды и остричь волосы, чтобы устранить внешнее сходство с православными священниками. Далее Киприанович дает характеристику деятельности Базилианского Ордена: «нанес страшныя опустошения православию». В Беларуси и Литве в XVII в. – XVIII в. было 88 базилианских монастырей, из них 16 православных монастырей «совращены в унию при самом введении», основано 57 монастырей, еще 15 отняты у православных во второй половине XVII в., учреждены миссии и школы для монашествующих и светского юношества (Жировицкая, Сверженская и Борунская для 300 учеников каждая) [2, с. 123–124].

Таким образом, работа Г. Киприановича целиком вписывается в рамки официальной идеологии западно-руссизма и сформировавшейся православной историографической традиции.

Список использованных источников и литературы

1 Турчинович, О. Обозрение истории Белоруссии / О. Турчинович. Изд. А. Исанова. – СПб.: типография Эдуарда Праца, 1857. – 303 с.

2 Киприанович, Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего времени до настоящего времени. – 2-е доп. изд. / Г. Я. Киприянович. – Вильно: тип. И. Блюмовича, 1899. – 289 с.

3 Макарий (Булгаков, М. П.). История русской церкви : в 9 т. / Макарий (М. П. Булгаков). – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1997. – Т. 5: Период разделения русской церкви на две митрополии. – 1996. – 559 с.

Alena Barsuk. History of confessional relations in the XVI–XVIII centuries on the Belarusian and Ukrainian lands within the Polish-Lithuanian commonwealth (Rzech Pospolita) in the works of O.Turchinovich and G. Kiprianovich. *The article deals with description of views Belarusian historians of the XIX century O.Turchinovich and G. Kiprianovich on confessional policy of Polish–Lithuanian Commonwealth in the XVI–XVIII centuries, reasons, stages and consequences of spread of Catholicism and Uniat Church on the Belarusian and Ukrainian lands.*

УДК 94 (477)

І. В. Кондратьєв

Чернігівський національний
педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка

СЛУЖЕБНА ШЛЯХТА ОСТЕРСЬКОГО СТАРОСТВА КИЇВСЬКОГО ВОЄВОДСТВА РЕЧІ ПОСПОЛИТОЇ: СПРОБА ЕТНІЧНОЇ СТРАТИФІКАЦІЇ

У статті розглядаються основні етнічні компоненти формування служебної шляхти околичних замків Київського воєводства – на прикладі Остерського староства. В основному це представники українського етносу із значним домішками білорусів, що складають більшу частину від загальної частини цієї спільноти. Іншими джерелами формування були представники польської шляхти, вихідці з Московської держави та представники тюркських народів.

Пошук нової методологічної парадигми, що останнім часом розгорнувся в східноєвропейській історіографії, зумовлює особливий інтерес науковців до соціальної історії. Дослідники прагнуть відтворити складні процеси, що тривали в соціумі на порозі Нового часу, обличчя якого значною мірою визначала шляхетська верства. Її чисельною складовою була так звана околична або служебна шляхта –

військовослужбова спільнота, зосереджена довкола прикордонних замків.

Служебна (зобов'язана "службами" – певним комплексом обов'язків місцевій замковій адміністрації) шляхта була добре знана в усій Центрально-Східній Європі. На теренах Великого князівства Литовського і Польського королівства, ця верства досить швидко зростала у XV–XVI ст., коли нагальна потреба захисту кордонів змусила владу залучити до військової служби значні контингенти людності.

На теренах Північного Подніпров'я активна фаза організації оборони краю, а відповідно і організації дрібношляхетської верстви, припадає на 1471 рік – час ліквідації київського княжіння та утворення повітів – київського, мозирського, любецького, чорнобильського, овруцького, житомирського, остерського, канівського, черкаського та путивльського. На Лівобережжі таких центри було два – Остер та Любеч, що поруч із правобережним Овручем, стали осередками формування найбільших регіональних дрібношляхетських спільнот [1, с. 100]. Швидка розбудова Остерської волості, що у середині XVI ст. стала староством, відбувалась завдяки вдалому природному розташуванню самого міста – на мису при злитті річок Десни та Остра.

Шляхта Остерщини не була багаточисельною. За матеріалами королівських люстрацій, пожалуваннями привілеїв та універсалів, чисельними судовими справами, фіксуємо близько 220 родів – в основному представників дрібного боярства. Наприклад, на території північної Любецької волості нараховується близько 350 шляхетських родів, до того ж представлених усіма категоріями «шляхетського народу» – від неповноправних замкових бояр та бояр-слуг – до зем'ян, шляхти та навіть князів.

Дослідження історії дрібних прошарків української шляхетської верстви подекуди ускладнено відсутністю належного комплексу писемних джерел, що певною мірою стосується і остерської шляхти. А розв'язання окремих проблем, наприклад, з'ясування джерел формування місцевих регіональних спільнот, вимагає залучення матеріалів археології, топоніміки, антропоніміки, геральдики тощо. Залучення антропонімічних джерел (прізвищ) надає можливість не лише простежити історію окремих шляхетських родів, але й у комплексі, на прикладі шляхти Остерщини, вирахувати тенденції та закономірності процесу формування служебної шляхти.

До XVI ст. українська шляхта здебільшого користувалася не прізвищами а прізвиськами, які ще не набули функцій повноцінного ідентифікатора роду. Лише на початку XVI ст. відбулася так звана «прізвищна революція», коли шляхта бере собі прізвища від назв земельних наділів,

якими володіла [2, с. 98]. Насправді, це був важливий крок у становленні стану, адже імена та прізвища (як власні назви) у привілейованої верстви відігравали не лише функцію ідентифікації, але й виконували роль ідентифікації володаря спадкових земельних володінь [3, с. 47]. Хоча процес отримання та усталення прізвищ завершився лише наприкінці XVIII ст.

Для розуміння усієї специфічності використання антропонімічних джерел відзначимо основні наявні проблеми. Передусім, це проблема самої ідентифікації прізвищ, які довгий час не були усталеними, до того ж інколи дуже важко встановити усе коло співвласників дрібношляхетських маєтностей, у документах вони ховаються під назвами «брати», «учасники» чи «сябри». По-друге, це значна тривалість існування верстви: початок її формування припадає на давньоруські часи [4, с. 21–30], завершення – на XVII й навіть XVIII ст., коли чимало нащадків дрібних шляхтичів стали козаками. За цей період з'явилося чимало нових та зникло чимало старих родів. По-третє, із зміною історичної ситуації відбувалася й зміна прізвищ, адже прізвища, як лексемні антропонімоформули могли змінюватись – як ускладнюватися, так і спрощуватися. У першій половині XVII ст. для дрібної шляхти було характерне ускладнення та розгалуження прізвищ (на польський взірець), друга хвиля цього процесу припадає на кінець XVIII ст., коли нащадки служебної шляхти стали наводити докази на російське дворянство [5; 6, с. 106].

Слід зазначити, що подекуди дуже важко провести саму національну чи етнічну ідентифікацію. Проблематично виокремити вихідців із Московської держави від татар чи мордви, чимало українських родів були полонізовані, й нарешті, особливо важко підрозділити представників українського та білоруського етносів.

Аналіз наявних антропонімів дозволяє виокремити найдавніші роди, у тому числі й ті, що своїми коренями походять від давньоруського боярства, привнесений тюркський елемент, а також власне слов'янський – який складається з представників українського, польського, білоруського та російського етносів.

Як зазначав ще М. Александрович, чимало остерського боярства брало своє коріння від давньоруських дружинників [7, с. 41]. Серед найдавніших родів остерської шляхти згадаємо рід давньоруських бояр Гирь, відомий за писемними джерелами з 1195 р.: «В лето 6703. Посла благоверный и христолюбивый князь Всеволодъ Гюргевич тивуна своего Гюрю с людми в Русь и созда град на Городци на Въстри, обнови свою отчину» [8]. У подальшому рід Гирь неодноразово згадувався у матеріалах королівських люстрацій Остерського староства, наприклад у 1636 р. [9, s. 212].

Осадження боярської верстви князями на землю підтверджується археологічними даними. Для сільських поселень регіону характерна присутність предметів не типових для сільського вжитку – озброєння та спорядження вершника та верхового коня, що може свідчити про осадження князями на землю військовослужбових елементів [10–11].

Про давність походження остерської шляхти свідчить і наявність населених пунктів, що мають у назві суфікс *-ич-і*. На думку дослідників в основі цих назв лежать ще давньослов‘янські назви [12, с. 8]. Наприклад, це с. Ольжичі (Старосілля) із землями Сваромьє та Осейщина, що у 1523 р. було віддане Київському Межигірському монастирю. Цікаво, що незважаючи на зміну назви – Старосілля, місцеве населення ще у XIX ст. називало село і як Ольжичі. На думку дослідника Остерщини М. Александровича, до давньоруських поселень регіону належало городище Глєбов, села Сорокошичі, Ошиткі, Новосілки, Тарасовичі, Сваромьє, Погреби, Слобідка та Дубешня. Щонайменше з кінця XV ст. відоме с. Чернін, яке король Казимир IV десь біля 1490 р. віддав доньці Дмитра Сокири княгині Марії Трабській з усіма володіннями батька [7, с. 11, 52].

До давніх прізвищ Остерського староства беззаперечно відносяться й так звані «прості» прізвища, не обтяжені складними морфемами. Згадаємо такі роди остерського боярства, як Сокирки, Мишки, Біликі, Бобруйкі, Гарбузи, Горбачі, Гурці, Гусичі, Дешкі (Дашкевичі), Дорохи, Дулковичі, Копоті,_Лапи, Пліхти, Пузи (Пузирни), Сипи, Сираї (Сираєнкі), Шкоди (Штоди) та ін.

Найяскравішою є тюркська складова формування цієї спільноти. Перші тюрки в регіоні з’явилися ще в домонгольський період, однак, більшість тюркських родів були оселені вже за литовського володарювання.

Татарські поселення на «військовому праві» були осаджені князями з полонених золотоординських татар та відносяться до останньої чверті XIV ст. (опісля 1380 р.) [13, s. 291–296]. Більш широко «татарський елемент» з’являється на Київщині після походу литовського князя Вітовта на Дон у 1397–1398 рр. [14, с.127]. На думку Я. Собчака, оселення татар на Київщині слід віднести до середини XV ст. [15, s. 28]. Ще О. Яблоновський зазначав, що не лише у степовій зоні, а й на півночі на початку XVI ст. поблизу замків Остра та Любеча існували топонімічні ознаки тюркської присутності [16, s.17, 33].

В середовищі остерської шляхти фіксуємо 17 родів тюркського походження: Бердянські, Беремицькі, Берлози, Бурзди, Гломазди, Дерехи (Даруги?), Єрмаки (?), Келбичі (Кеблич Солтан), Козарини, Куяни, Мисці, Миховичі, Міховці, Пайнеткі, Серкезевичі, Скебличі (?), Татари.

Вагомою була і частка вихідців із Московської держави. Серед остерської шляхти фіксуємо роди московського походження: Агаповичі (Гапони), Аленцовичі, Алтиховичі, Апанасовичі, Биліни (Билін Істомка), Васильєвичі, Глубцови, Гостиловичі, Миновичі, Минченкі, Оданцовичі, Орешкі (Орішки), Орловські, Парфеновичі, Потрохіни (Потохіни), Тимошкевичі. Більшість цих прізвищ фіксується у пожалуванні 1514 р. короля Сигізмунда I тодішньому остерському володільцю С. Скиндеру 70 дворових конюхів [17, с. 19]. Частина цих дворових (фактично – бояр-слуг), у подальшому «вийшли в повіт», ставши як боярами так і шляхтою. Ймовірно, що вони були полоненими взятими під час війни з Московською державою, адже від початку XVI – до початку XVII ст. Остерщина межувала з Московською державою.

У середовищі служебної шляхти були представлені і польські володільці. На Остерщині це роди Багінських, Бачинських, Берзановських, Броновських, Завадських, Казовських, Крушинських, Орзовських, Ортовських, Пулкевичів, Сібілевичів, Трембицьких та Яковських. Присутні також і українські ополячені роди: Берземенські, Биковські, Ланські, Сачкі. Широка польська колонізація в регіон розпочалася лише після Люблінської унії 1569 р., а особливого розмаху набула у першій половині XVII ст., однак загалом доля ополячених родів незначна – близько 2 %.

Беззаперечно, що найбільшою була складова українського етносу. У Острі це: Бабичі, Барановські, Біликовичі, Біловикі, Богданкі, Борздії, Бородаї, Василишиські, Васьковичі, Водоп'яни, Волошеніни, Гавриловичі, Гарбузенкі, Голенищевичі, Гороховичі, Григоровичі, Гриневичі, Гришкевичі, Гришкі, Грушковні, Давидовичі, Дем'яновичі, Денисенкі, Драби, Дроневичі, Дубровські, Євдокимовичі, Єрченкі, Ждановичі, Жукинські, Закаблуцькі, Івантевичі, Ігнатовичі (Гнатовичі), Карповичі, Козловські, Козорогі, Коловицькі, Кондратовичі, Коптевичі, Костюшковичі, Кошини (Кошевичі, Кошкіни), Кривицькі (Кривчевичі), Купренкі, Курили, Курцевичі, Ласки, Ласковичі, Левоновичі, Лецевичі, Лещевичі, Липенчичі, Літковські, Логвини, Лосі, Малевичі, Манцевичі, Мартиновичі, Матвієвичі, Матющенкі, Мацутовичі, Мешковичі, Михайловичі, Мишки, Міцевичі, Мурки, Нелюбовичі, Несторовичі, Носки (Носачі), Обийми, Олешевські, Ольшанські, Омеляновичі, Онаничі, Онискевичі, Ортимовичі, Осиповичі, Осташковичі, Островські, Остянини (Остряниці), Павловичі, Пальчики, Пашевичі, Петельки, Петрашевичі, Пилиповичі, Поповичі, Пориличі, Пролізи, Проневичі, Проскури (Проскуренкі), Пушкарі, Радчичі, Раковичі, Рожновські (Рожиновські), Романенкі, Ропшевичі, Ростки, Рошковські, Рубанки, Русановичі, Саковичі, Салівоновичі, Самсоновичі, Санковичі (Самковичі), Сельковичі,

Семеновичі, Семіковичі (Самковичі ?), Сенищевичі, Сенчикови, Сергіенки, Сериянкі, Серхичикі, Серянкі, Сетніки, Сморчки, Ставицькі, Станевичі, Стуми (Штоми?), Сущанські, Тетері, Толочковичі, Тополі, Трусейкі, Трухони (Трухановичі, Трухани), Хмури, Ходкевичі, Хомичі, Хоховичі, Хоцуги (Коцуги?), Храпочевичі, Чорноухи, Чоховичі, Шемети, Шерепничі, Шидловські, Штоми-Білики, Юр'єви (Юрченкі), Якимовичі, Яловицькі, Ясинські.

Чимало із вищезгаданих родів однаково можуть відноситись як до українського так і до білоруського етносів. Із суто білоруських родів згадаємо Закревських, Скуміних, Чюриловичів, Янків. У XVI ст. до Остерського повіту переселилося й чимало селян з території Білорусі, пік цієї міграції припав на першу половину – середину XVI ст. [7, с. 23]. На думку М. Александровича, саме завдяки білоруським переселенцям зросло і населення самого Остра, де окрім старого міста (так званого Старгородка), утворилася слобода Новий Остер (сучасний Остер) [7, с. 23–24].

Таким чином, в основі остерської шляхти бачимо автохтонну людність, яка своїми коренями йде в давньоруський час. Іншими складниками її формування були тюркські етноси, а також вихідці з Московської держави та Польщі. З 220 родів остерської шляхти доля українського етносу (із вагомою домішкою білоруського) складала загалом біля 80 % від загальної кількості родів. Значимою також була частки польської шляхти (біля 6%), вихідців з Московської держави (7 %) та шляхетських родів тюркського походження (біля 8 %). Звісно що наведені дані можна вважати багато в чому умовними, адже окрім суто формальних ознак – походження та приналежності прізвища до певної національної групи, слід враховувати і самоідентифікацію володільців цих прізвищ.

Джерела та література

1 Грушевський, М. С. Історія України-Руси. Т. 5. Вид. 2 / М. С. Грушевський. – Київ: «Наукова думка», 1998. – 704 с.

2 Яковенко, Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття / Н. Яковенко. – Київ: «Генеза», 1997. – 312 с.

3 Гук, І. Соціальні аспекти українського антропонімікону XVI–XVII ст. / І. Гук // Вісник Львівського університету. Серія: філологія. № 38 (II). – Львів: Львівський ун-т, 2006. – С. 47–52.

4 Кондратьєв, І. В. Любецьке староство (XVI – середина XVII ст.) / І. В. Кондратьєв. – Чернігів: Видавець Лозовий В. М., 2014. – 384 с.

5 Кондратьєв, І. В. Набуття нащадками любецької шляхти російського дворянства / І. В. Кондратьєв // Вісник Чернігівського державного

педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. Серія "Історичні науки". – Вип. 33. – № 3. – Чернігів: ЧДПУ, 2006. – С. 38–43.

6 Миллер, Д. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение козацкой старшины в дворянство (оттиск из журнала "Киевская Старина") / Д. Миллер. – К.: типография Имп. ун-та Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкаго, 1897. – 133 с.

7 Александрович, М. Н. Остерский уезд / М. Н. Александрович. – К.: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1881. – 110 с.

8 Лаврентьевская летопись 1377 г. [Ел. ресурс]. – Режим доступу: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=284&n=322. – Назва з екрану. – Дата доступу: 24.10.2015.

9 Jabłonowski, A. Żródła Dziejowe / A. Jabłonowski. – Warszawa: «Skład głowny w ksiegarni Gebethnera i Wolffa», 1877. –T. 5. – C s. + 644 s. + 32 s.

10 Коваленко, В. Виповзів – дружинний табір у Нижньому Подесенні / В. Коваленко, В. Скороход // Матеріали VI Міжнародного наукового семінару «Європейське суспільство в епоху Середньовіччя та Раннього Нового часу. – Чернігів: ЧНПУ, 2009. – С. 66–81.

11 Кондратьев, И. В. Древнерусские города-замки как центры формирования военно-служебного сословия Великого княжества Литовского. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / И. В. Кондратьев // Международная конференция. Материалы. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. – С. 93–96.

12 Кордуба, М. Земля свідком минулого: географічні назви як історичне джерело / М. Кордуба. – Львів: Археографічна комісія наукового товариства імені Шевченка, 1924. – 14 с.

13 Borawski, P. Z dziejow kolonizacji tatarskiej w Wielkim ksiestwie Litewskim i w Polsce (XIV–XVII w.) / P. Borawski. – Przealad Orientalistyczny. – 1977. № 4. – S. 291–296.

14 Любавский, М. К. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М.: Художественная печатня, 1915. – 409 с.

15 Sobczak, J. Polozenie prawne ludnosci tatarskiej w Wielkim ksiestwie Litewskim / J. Sobczak. – Warszawa–Poznan: Panstwowe wydawnictwo naukowe, 1984. – 134 s.

16 Jablonowski, A. W. Pisma. T. III. Ukraina / A. W. Jablonowski. – Warszawa: Sklad glowny w ksiegarni E.Wende i S-ka, 1911. – 368 s.

17 Пенський А. Г. Остер – європейське місто / А. Г. Пенський, П. Я. Лавренчук. – Чернігів: Видавець Лозовий В. М., 2011. – 88 с.

***Ihor Kondratyev.* Service szlachta of ostyer starostwo of Kyiv voivoderships of rich Rzeczpospolita: attempt of ethnic stratification.** *This paper presents the main ethnic components of the service szlachta formation in the marginal castles of Kyiv voidodership – evidence Ostyer starostwo. In*

general, representatives of Ukrainian ethnos containing a substantial addition of Byelorussian ethnic group constituted more than two thirds of the total number of the gens with a significant part of Polish szlashta and descendants from the Moscow state. Turkic gens were one of the community compilation sources.

УДК 94(470+571)«18/19»:352.075

Н. С. Моторова

Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

ФУНКЦИИ ГУБЕРНАТОРОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье на основании анализа законодательных документов охарактеризованы функции губернатора как представителя центральной власти Российской империи на местах во второй половине XIX – начале XX вв. Условно они могут быть разделены на четыре основных группы: административные, полицейские, экономические и социальные. Фактически деятельность губернатора охватывала все сферы жизни вверенной его управлению губернии. Круг его полномочий был слишком широк, что само по себе являлось препятствием для эффективного руководства.

В Российской империи центральную власть на местах представляли губернаторы. Во второй половине XIX – начале XX вв. круг их полномочий определялся «Общим наказом гражданским губернаторам» 1837 г., который с различными изменениями и дополнениями вошел в состав «Общего учреждения губернского», определявшего структуру системы местного управления и регулировавшего ее деятельность. Оно было опубликовано во стором томе «Свода законов Российской империи». По словам И. А. Блинова, «Общее учреждение губернское» было составлено «из статей, извлеченных из законодательных актов разных времен и представляющих из себя отражение различных воззрений на сущность губернаторской должности» [1, с. 260].

Губернатор назначался и увольнялся именными высочайшими указами и приказами [3, с. 23]. Законодательно его положение в системе административного управления Российской империи еще в 1837 г. было определено следующим образом: «Губернаторы как непосредственные начальники вверенных им высочайшею государя императора волею губерний суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, польз государства и повсеместного,

точного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правительствующего сената и предписаний начальства. Имея постоянное и тщательное попечение о благе жителей всех состояний управляемого им края и вникая в истинное его положение и нужды, они обязаны действием данной им власти охранять повсюду общественное спокойствие, безопасность всех и каждого и соблюдение установленных правил, порядка и благочиния. Им поручены и принятие мер для сохранения народного здравия, обеспечения продовольствия в губернии, доставление страждущим и беспомощным надлежащего призрения, и высший надзор за скорым исполнением всех законных постановлений и требований» [4, с. 362]. Фактически губернатор выступал в двух ипостасях – как представитель высшей власти и защитник прав самодержавия на местах и как администратор и «попечитель о народном благосостоянии», причем последнее понималось в очень широком смысле.

Функции губернатора как главы местной административной системы охватывали все стороны жизни вверенной ему губернии. На основе анализа статей «Общего учреждения губернского» их можно условно разделить на следующие группы: административные, полицейские, хозяйственные (или экономические) и социальные. Из числа полномочий губернатора были изъяты права издавать постановление, вводить новые налоги и сборы, вмешиваться в функционирование судебной системы [3, с. 24–25].

В первую очередь губернатор должен был обеспечить функционирование местного административного аппарата в рамках действовавшего законодательства. Он осуществлял надзор за деятельностью всех административных учреждений и должностных лиц гражданского ведомства [3, с. 24]. Непосредственное управление велось через губернское правление, а также через различные присутствия, комиссии и комитеты, в которых губернатор являлся председателем (например, губернское по городским и земским делам присутствие, распорядительный комитет, приказ общественного призрения, лесоохранительный комитет и т. д.). Он имел право выносить предписания и отдавать распоряжения, проводить внезапные ревизии [3, с. 25].

Губернатор должен был следить за своевременным обнародованием законов, манифестов, повелений, распоряжений Сената, предписаний высшего начальства, а также собственных распоряжений и распоряжений других ведомств. Он осуществлял надзор за их соблюдением всеми лицами и учреждениями [3, с. 25].

В целом губернатор нес ответственность перед верховным правительством «за состояние управления вверенной... губернии», а потому

обязан был следить, чтобы на должности назначались наиболее достойные и благонадежные чиновники. При назначении он должен был руководствоваться не только данными формулярных списков и других свидетельств, но и «достоверными сведениями о нравственных качествах» кандидатов. Особое внимание губернатор обязан был обращать на молодых людей, которые принимались на службу без жалованья до открытия вакансии: заботиться «о них не только как начальники, но как отцы семейства, коим поручаются дети благовоспитанные для первых шагов на поприще службы», «направлять нравственность и способности сих молодых людей для пользы государственной службы» [3, с. 26].

Губернатора должен был всеми средствами бороться со злоупотреблениями, особенно в подведомственных ему учреждениях. Если чиновник проявлял «нерадение к службе» либо был уличен во взяточничестве, то губернатор через губернское правление отдавал распоряжение о служебном взыскании или возбуждении судебного преследования [3, с. 27].

Для организации эффективного управления губернатор должен был располагать самыми точными и подробными сведениями о состоянии губернии во всех отношениях: начиная с площади и количества населения и заканчивая количеством совершенных за год преступлений. Эти сведения собирались через статистические комитеты [3, с. 28]. Кроме того, губернатор должен был сообщать министру внутренних дел обо всех «древностях», обнаруженных на территории губернии [3, с. 32].

Вторую обширную группу функций губернатора составляли полицейские, к которым относилось не только обеспечение безопасности жителей и их имущества, но и защита их прав, надзор за морально-нравственным обликом.

В случае появления шаек разбойников, дезертиров, беглых и бродяг, с которыми местная полиция не могла справиться собственными силами, для борьбы с ними губернатор мог использовать войска. К этой крайней мере он мог обратиться и в случае волнений среди городских или сельских жителей, их выступлений против законной власти [3, с. 31]. Также губернатор должен был следить, чтобы «нигде и ни под каким предлогом противузаконных обществ не учреждалось» [3, с. 32].

Для предотвращения подобных негативных явлений губернатор обязан был следить за состоянием нравственности: принимать меры для сохранения «добрых нравов между жителями» и «пресечения не только преступлений, но и мотовства, распутства, запрещенных игр и всего, что может возбуждать к порочным склонностям и привычкам или же усиливать их в народе» [3, с. 29]. Также он должен был оказывать содействие православному духовному начальству и защищать

«другие, свободно исповедуемые в Империи, религии, наблюдая только, чтобы никто не был в оные совращен из православия» [3, с. 28–29].

В целом губернатор обязан был обеспечить соблюдение прав всех сословий, обращая особое внимание на сохранение привилегий дворянства. Личные права дворян должны быть защищены как при приеме на службу, так и при преследовании за преступления. В то же время и сельские жители не должны подвергаться незаконным наказаниям и поборам, «неуравнительному или излишнему отягощению в отправлении повинностей...» [3, с. 29].

Третью группу функций составляли хозяйственные, или экономические, которые должны были обеспечить благосостояние местного населения. «Главнейший предмет обязанностей губернаторов в отношении к общественному хозяйству губернии, им вверенной, есть обеспечение народного продовольствия; за оным следуют: наблюдение за надлежащим устройством городов и селений; охранение их безопасности; возвышение их благосостояния, покровительство общеполезным предприятиям; усиление и распространение, зависящими от них средствами, всякого рода промышленности земледельческой, ремесленной и торговой» [3, с. 32]. В первую очередь губернатор должен был следить за обеспечением населения продуктами питания через организацию «правильной и беспрепятственной» торговли, особенно в случае возникновения дефицита товаров. В городах губернатор поручал городским общественным управлениям собирать точные сведения о ценах на товары первой необходимости и на их основании три–четыре раза в год составлять таксы. В случае если городские власти были не в состоянии за счет собственных средств обеспечить удовлетворение всех потребностей местного населения, то губернатор направлял представление в Министерство внутренних дел о выделении городу пособия [3, с. 32].

Губернатор должен был следить за обеспечением интересов казны в экономической сфере. При ревизиях он имел право проверять наличные денежные суммы в уездных и губернском казначействах, обращая при этом особое внимание на своевременное поступление государственных налогов и сборов, земских денежных повинностей. Губернатор следил, чтобы закупки провианта, фуража и пр. осуществлялись на выгодных для казны условиях. Под его надзором находилась деятельность управления государственных имуществ, в первую очередь, охрана казенных лесов. Губернатор предварительно утверждали таксы на продажу леса. Он должен был принимать все возможные меры для защиты интересов казны в горной, сельскохозяйственной, лесной, соляной и пр. отраслях промышленности [3, с. 36–37].

Последнюю группу функций составляли те, которые затрагивали социальную сферу. Они включали в себя развитие систем народного образования и здравоохранения, организацию общественного призрения (то есть оказание помощи малоимущим слоям населения).

В «Общем наказе гражданским губернаторам» ничего не говорилось об их обязанностях по развитию системы народного образования. Это направление в деятельности губернатора начало оформляться в 1860–1870-х гг. При создании системы женских средних учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии в 1866 г. губернатору было поручено осуществление за их «преуспеянием» [5, с. 405]. С 1870 г. он являлся почетным попечителем всех находившихся в губернии министерских женских гимназий и прогимназий [6, с. 701]. 25 мая 1874 г. был принят закон, согласно котором губернатор должен был осуществлять «общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения в губернии». На этом основании он получил право направлять в Министерство народного просвещения свои замечания и предложения [7, с. 840].

В сфере организации здравоохранения губернатор должен был следить за состоянием различных стационарных медицинских учреждений (городских больниц, сельских лечебниц, тюремных лазаретов и пр.) Непосредственное наблюдение за их деятельностью в медицинском отношении было поручено губернскому врачебному инспектору. В случае появления на территории губернии эпидемий губернатор обязан был немедленно принять все необходимые меры для ее ликвидации. Если же эпидемия приобрела особый размах, то он должен был сам отправиться в эпидемический очаг, чтобы обеспечить проведение наиболее эффективных мер для ее прекращения [3, с. 33].

В области общественного призрения губернатор обязан следить за функционированием на территории региона благотворительных учреждений, содействовать расширению их деятельности и созданию новых, а также обращать особое внимание «на положение людей, кои, по сиротству, болезням, крайней бедности или иным причинам, имеют право на особенное попечение правительства» [3, с. 33–34]. Всем нуждавшимся должна была быть обеспечена помощь в заведениях общественного призрения [3, с. 35]. В тех губерниях, где сохранялись приказы общественного призрения, губернатор имел право учредить под своим председательством специальный попечительный совет о заведениях общественного призрения и пригласить в его состав губернского и уездных предводителей дворянства, городского голову и лиц, занимавшихся благотворительной деятельностью в частном порядке [3, с. 34].

Помимо этого, губернатор должен был осуществлять надзор за медицинскими и благотворительными учреждениями, находившимися в подчинении органов городского и земского самоуправления, различных общественных организаций и частных лиц, чтобы они «находились и содержались в совершенном порядке и исправности». Он обязан был как можно чаще посещать их, отдавать распоряжения о своевременном устранении всех замеченных беспорядков [3, с. 34–35].

Таким образом, губернатор как высший представитель центральной власти на местах осуществлял широкий круг функций – административные, полицейские, экономические и социальные. Его деятельность охватывала все сферы жизни вверенной его управлению губернии. Однако круг обязанностей был настолько широк, что это само по себе создавало затруднения для эффективного и качественного исполнения всех обязанностей губернатора. Являясь председателем различенных присутствий, комиссий, комитетов, губернатор должен был вникать в совершенно разные по своему характеру вопросы. Как отмечал И. А. Блинов, его обязанности были «крайне сложны и дробны», а переписка, которая проходила через губернатора, огромна [1, с. 259, 262].

Какой же выход видели юристы из создавшегося положения? Они отмечали необходимость реформы системы губернского управления, которая серьезно устарела к началу XX в. и уже не соответствовала требованиям времени. А. Д. Градовский, например, рекомендовал расширять самостоятельность земского и городского самоуправления [2, с. 323], что привело бы к сокращению обязанностей губернатора и их перераспределению в пользу земств и городских дума. И. А. Блинов говорил о необходимости отделить функции надзора за деятельностью различных учреждений от функций непосредственного управления губернией [1, с. 320].

Список использованных источников и литературы

1 Блинов, И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк / И. А. Блинов. – СПб.: Типо-литография К. Л. Пентковского, 1905. – 366 с.

2 Градовский, А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторства в России / А. Д. Градовский // Собрание сочинений : в 9 т. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899–1904. – Том первый. – 1899. – С. 299–338.

3 Общее учреждение губернское // Свод Законов Российской империи: полный текст всех 16 т., соглас. с последн. продолж., постановлениями, изд. в порядке ст. 87 Зак. осн., и позднейшими узаконениями : в 5 кн. / сост.

Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг ; под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского. – Изд. неоф. – СПб.: Деятель, 1912–[1913]. – Кн. 1, т. 2. – 1912. – С. 1–209.

4 Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание второе. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1884. – Том XII: 1837. Отд-ние первое. От № 9825–10631. – 1838. – 822 с.

5 ПСЗ РИ. Собрание второе. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1884. – Том XLI: 1866. Отд-ние второе. От № 43603–44077. – 1868. – 1408 с. разд. паг.; 45 л. илл.

6 ПСЗ РИ. Собрание второе. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1884. – Том XLV: 1870. Отд-ние первое. От № 47862–48529. – 1874. – 896 с.

7 ПСЗ РИ. Собрание второе. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1884. – Том XLIX: 1874. Отд-ние первое. От № 52982–53684. – 876. – 948 с.

***Nadzieya Matorava.* The functions of a governor in the Russian Empire (the second half of the XIX – early XX centuries).** *In the article the functions of a governor as a local representative of the central government of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries are described on the basis of the analysis of legislative documents. Conditionally they can be divided into four main groups: administrative, police, economic and social. In fact, governor's activity covered all spheres of life entrusted to his management province. Its terms of reference were too broad, which in itself was an obstacle to effective direction.*

УДК 94(477.43)

О. М. Склярова

Науково-дослідний інститут українознавства
МОН України

ПЕРЕДУМОВИ ФОРМУВАННЯ ДЕРЖАВНИЦЬКИХ КОНЦЕПЦІЙ В УКРАЇНСЬКІЙ СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНІЙ ДУМЦІ КІНЦЯ XIX – ПОЧАТКУ XX СТ.

У статті висвітлюються передумови формування концепцій політичної самостійності української нації в кінці XIX – початку XX ст. Досліджено особливості становища українського етносу в системі суспільно-політичних та соціально-економічних відносин Росії (у складі українських губерній), вплив цих чинників на розвиток національно-визвольного руху.

Період зламу XIX – поч. XX століть – це час концептуального оформлення ідеї української державності. В цей час українська суспільно-політична думка збагатилася рядом пам'яток, в яких було сформульовано гасло політичної самостійності української нації. Серед цих документів поряд з теоретичними напрацюваннями визначних українських мислителів, науковців, громадсько-політичних діячів М. Грушевського, Д. Донцова, В. Липинського, М. Порша, І. Франка, А. Жука та ін. важливими для українського національного відродження були й програмові документи перших українських політичних партій, в яких було поставлене питання пошуку шляхів політичного розвитку майбутньої української державності. В цих документах було окреслено політичне майбутнє української нації, її державотворчі устремління. Вироблення та відстоювання ідеї державності українськими політичними партіями кінця XIX – початку XX ст. стало тим підґрунтям, на якому базувалося її втілення в життя в період Української революції 1917–1920 рр., на основі якого розвивався національно-визвольний рух 20–80-х рр., і, нарешті, було проголошено Українську державу в 1991 р. Важливою є роль українських партій саме в виведенні проблеми української державності в сферу політичної боротьби. Хоча бачення та розуміння державності представниками різних політичних партій та організацій відрізнялося: автономія держави у складі майбутньої (російської або слов'янської) федерації, відстоювання права на соборну самостійну державу.

Історіографія досліджуваної проблеми є досить широкою. До узагальнюючих праць, які охоплюють досліджуваний період і в яких дана проблема розглядається у контексті загального розвитку національно-визвольних рухів можна віднести праці Я. Грицака, І. Гирича, Я. Калакури, Т. Бевз, В. Солдатенка, Т. Гунчака, М. Кармазіної, В. Сарбея та ін. Варто звернути особливу увагу на монографічні дослідження С. Телешуна, В. Головченка, В. Колесника, О. Рафальського, О. Тимошенко, А. Павка, Л. Могильного, С. Іваницької, у яких зроблено спробу узагальнити окремі аспекти з історії українських партій та їх поширення в середовищі тогочасної української інтелігенції. Історії господарського розвитку України присвячені праці О.Реєнта, В. Вергунова, І. Чугунова, Л. Синявської та ін.

Україна в досліджуваний період була територіально поділена між Російською та Австро-Угорською імперіями. Зазначимо, що пропоноване автором дослідження географічно охоплює українські землі, що входили до складу Російської імперії. Зважаючи на деякі особливості та відмінності в соціально-економічному та суспільно-політичному розвитку Галичина, Буковина та Закарпаття, що входили на той

час до складу Австро-Угорської імперії, потребують окремого дослідження. Визначення чинників, як суб'єктивних так і об'єктивних, які впливали на розвиток суспільно-політичних процесів, їх ідеологічне оформлення важливо для дослідження українського політичного руху цього періоду. Важливим є аналіз впливу цих факторів на вироблення концептуальних засад українського державотворення в українській суспільно-політичній думці. Період кінця XIX – початку XX століття сучасними дослідниками відноситься до періоду формування модерної української нації [1, с. 22]. Процеси національно-культурного відродження кінця XVIII–XIX ст. характеризувались пробудженням національно-духовного життя українців, національної свідомості та історичної пам'яті народу, процесів самоідентифікації та формуванням етнічної самосвідомості. Утвердження української нації розглядається як відповідь на «історичний виклик, заданий асиміляцією» російським етносом українського. Новий етап українського руху та становлення української нації в XIX ст. «підготували майбутній розпад традиційних поліетнічних імперій» [3, с. 301].

Процес національно-державного відродження був характерний і для європейських країн, зокрема слов'янських народів Центральної і Південно-Східної Європи. Розпад після Першої Світової війни Російської, Австро-Угорської, Німецької, Оттоманської імперій призвів до утворення ряду національних європейських держав у 1918–1923 рр., у т. ч. і слов'янських. Важливим є визначення місця українського етносу в системі соціально-економічних, суспільно-політичних, національно-культурних процесів Російської імперії для бачення умов формування національно-визвольного руху, вироблення концептуального бачення майбутньої держави.

Українські землі входили до Росії у складі Харківської, Полтавської, Чернігівської, Київської, Волинської, Подільської, Катеринославської, Херсонської, Таврійської губерній. Наведемо деякі статистичні дані розселення українців в Росії в межах українських губерній. За даними дослідників, зокрема, українці становили 17,8 % населення Росії за даними перепису 1897 р. [5, с. 57]. Населення українських губерній складало 23,4 млн. чол. (18 % від усього населення Росії), з них понад 17 млн. чол. українців (що становить 72,6 %), росіян було 11,8 %. Співвідношення ж щодо кількості інтелігенції певного етносу до загальної чисельності цього етносу було: українців 1:423, росіян1:74, євреїв 1:90 [5, с. 58]. Бачимо, що українська інтелігенція на той час була досить малочисельною в порівнянні з іншими етносами. Рівень грамотності населення був дуже низьким, у 1897 р. становив лише 19,8 % (у цілому по Росії – 21 %) [5, с. 57].

Загалом в Росії, як і в Західній Європі, відбувалися модернізаційні процеси, йшла індустріалізація та перебудова аграрного сектору. На українських землях у складі Російської імперії швидкими темпами розвивалися галузі важкої промисловості – залізорудна, вугільна, металургійна, машинобудівна. Наддніпрянщина на поч. XX ст. стала одним із головних індустріальних та сільськогосподарських центрів імперії. Що стосується етнічних українців, то 90 % з них займалися хліборобством та добуванням сировини, 3,6 % – задіяні в обробній промисловості, 5,5 % – в військовій та адміністративній сферах, 0,9 % – у торгівлі [5, с. 57].

Економіка українських губерній була органічною частиною імперської та повністю інтегрована в російський ринок. В літературі відзначено нерівномірний розвиток українських губерній. Індустріально розвивалися Київська, Катеринославська, Таврійська і Херсонська губернії. Відбувалися зміни в соціальній структурі суспільства – з'явилося робітництво та буржуазія (переважно неукраїнського походження).

За 15 років з 1900 по 1914 рр. частка доходів українських губерній в бюджеті Російської імперії становила в середньому 20,8 %. Тоді як показник у загальній структурі видаткової частини держбюджету становив в середньому 12,3 % [6, с.78]. Причому найбільше доходів приносила Степова Україна в загальний бюджет Росії [6, с. 79]. 45,2 % доходів, що поступали з українських губерній, перерозподілялися до бюджетів російських губерній, таким чином лише 54,76 % доходів надходило в бюджет українських губерній [6, с. 82]. З 1 кв. версти до бюджету Росії у 1902 р. надходило з українських губерній в середньому 1023,49 крб., тоді як в середньому для європейської частини Росії лише 451,63 крб. що у 2,2 рази більше [6, с. 82]. Таким чином, можна зробити висновок про важливу роль українських губерній в господарському житті Росії, про стратегічне значення їхнього економічного потенціалу для російської держави, про нещадну експлуатацію ресурсів на користь російського етносу. Деякі дослідники називають рівень життя в українських землях одним з найвищих [5, с. 57]. Але в той же час, наприклад, в 1902 р., середній показник доходів зібраних у губерніях України до бюджету Росії становив на 1 жителя 16,97 крб., що на 22,9 % перевищив показник в середньому по Росії. Тоді як показник видаткової частини бюджетів губерній України на 1 жителя становив 8,65 руб., що на 61,73 % менше від середніх по Росії [6, с. 82]. Порівнюючи видаткову частину бюджету України в кінці XIX ст. бачимо, що найбільше коштів направлялося на розвиток армії та флоту (36,45 %), і на народну освіту лише 21,89 %, медицину – 0,59 % [5, с. 57].

В сільському господарстві (яке переважно велося екстенсивними методами) внаслідок використання техніки та нового інвентарю, застосуванню багатопільної системи рільництва підвищилась ефективність землеробства, підвищилась врожайність. Та переважно це стосувалося поміщицьких та заможних селянських господарств [4, с. 11].

Гостро стояла проблема малоземелля селян. Не розв'язала земельне питання і столипінська аграрна реформа, що була проведена без урахування українських історичних, ментальних особливостей. Це підтвердила практика – українців переселяли на вільні цілинні землі російських губерній, де вони змушені були освоювати нові землі, часто не маючи на це достатніх коштів. У 1913 р. середній розмір селянського господарства був в межах 3,8–14,7 десятин землі [4, с. 32]. У власності селян було в 1905 р. 3146,9 тис. десятин купленої землі, й орендованої – 1345, 5 тис. десятин (дані на кінець XIX ст.) [4, с. 33].

Розвиток господарства в кожній губернії мав також і свої специфічні риси, що склалися історично та залежали також і від географічного розташування, наявності природних ресурсів тощо, що обумовило специфіку в спеціалізації регіонів, форму господарювання. Виділяють три регіони за рівнем розвитку аграрних відносин, що мали свої певні особливості. Це – Правобережна Україна (Волинь, Поділля, Київщина), Лівобережна Україна (Полтавська, Харківська, Чернігівська губернія), з частиною Слобожанщини та Степова Україна (Катеринославщина і Херсонщина) з Південною Слобожанщиною та Південно-Причорноморськими землями [1, с. 13]. Так на Півдні переважала хутірна система господарювання. Цей регіон пов'язаний із запорізькою «вольницею» протягом довгого часу царизм намагався заселити представниками неукраїнських етносів – сербами, болгарами, росіянами та ін., сюди також переїжджали з Правобережжя українські селяни, тікаючи від малоземелля. Пізніше, російський уряд переселяв російських робітників для роботи на місцевих промислових підприємствах. Це вплинуло в подальшому на діяльність і поширення тут політичних партій марксистського спрямування, переважно російських. Південь став на поч. XX ст. промисловим центром імперії. На Лівобережжі як окремий стан у Чернігівській та Полтавській губерніях існувало козацтво. На кінець XIX ст. його чисельність була близько 1,8 млн. осіб [1, с. 11].

Після революції 1905 р. російський уряд поступово почав ліквідовувати громадське землеволодіння, віддаючи перевагу одноосібним власникам. Розширювався ринок оренди й купівлі землі. Що стосується поміщицького землеволодіння, то зазначимо, що українські землі ще у XVIII ст. масово роздавалися російським поміщикам та іноземцям

на російській службі. Так на Лівобережжі, у Чернігівській та Полтавській губерніях лише 41 % та 68 % відповідно спадкових дворян згідно з переписом 1897 р. вважали рідною мовою українську [4, с. 16]. Чисельність поміщиків українського походження та розміри земель, що їм належали, були значно меншими за господарства інших етносів, переважно російського. На засіданні Державної Думи 7 травня 1910 р. голова російського уряду П. А. Столипін дав схвальну характеритику політиці російської влади на Правобережжі, яка роз'єднувала політичну й економічну сфери, щоб не допустити організації місцевого самоуправління, «надавала краю російське державне забарвлення» [4, с. 16].

Зернове виробництво було основною галуззю в структурі сільського господарства українських губерній. Це свідчило про повільну його інтенсифікацію. За підрахунками деяких дослідників лише за період з 1909–1913 рр. експорт українського зерна складав 1/6 світового експорту, і склав 1,8 млрд пудів. Збільшувалась площа посівів, використовувались нові території українських степів [4, с. 7]. Тваринницька галузь була розвинена слабо. Розвиток залізничного транспорту сприяв вивозу продуктів, їх продажу на російських та інших ринках. Російський уряд намагався навіть обмежити збут українського продовольства на своїх ринках (підтримуючи російських виробників) збільшуючи тарифи на перевезення для українських товаровиробників до центральних губерній Російської імперії [4, с. 7]. Сільськогосподарське виробництво українських губерній мало важливе значення для російської економіки, збагачувало бюджет Російської імперії. Дослідник О.Реєнт називає Україну кінця XIX – поч. XX ст. «визначним гравцем на світовому продовольчому ринку» та «найціннішою колонією Російської імперії» в економічній сфері [4, с. 9]. Саме селянство частиною українських політичних партій визначалося соціальною основою національно-визвольного руху.

Таким чином, економічний потенціал українських земель, враховуючи стрімкий розвиток промислового виробництва, був досить значним. Надважливе значення української території для Російської імперії було причиною того, що російська влада «зводила проблему самовизначення українців до неіснуючої, зрештою, до історико-філологічних суперечок» [5, с. 58]. Тому на будь-які прояви національно-визвольного руху влада відповідала репресивними методами.

На поч. XX ст. Російська імперія була багатонаціональною унітарною, централізованою державою. Поряд з деякими реформами в соціально-економічній сфері, що проводились в українських губерніях, як і загалом у всій імперії, національно-культурне життя українського етносу повністю ігнорувалося. Українські землі називалися

Малоросією, Південно-Західним краєм тощо. Незважаючи на малочисельність української інтелігенції вона на той час являлась єдиною силою, здатною протистояти цим антиукраїнським діям, її заслугою було виведення українофільського руху з освітньо-культурної сфери, надання українським національним рухам політичного змісту. Після законодавчих актів російської влади (Валуєвський циркуляр 1863 р., Емський указ 1876 р. та ін.) , майже цілковитої заборони українського друкованого слова, культурних та суспільних рухів, антиукраїнські утиски посилились.

Під час революції 1905–1907 рр. почалось деяке послаблення антиукраїнської політики російського уряду. Проте після поразки революції починаються нові заходи проти українського національного руху. Серед «небезпечних» організацій, що несуть загрозу громадському спокою і безпеці, опиняються товариства «Просвіта», Українське наукове товариство, Київське українське громадське зібрання та ін. Якщо протягом 1906–1908 рр. діяло 14 «Просвіт», то на 1913 – лише 6. Зазнавали утисків і українські видавництва. У російському суспільстві підтримувалась офіційна доктрина про триєдину руську народність (великороси, малороси, білоруси) , ці народи вважались етнічно однорідними, з чого й випливала доцільність їх остаточного злиття [5, с. 59]. За висловом О. Лотоцького російське суспільство не відчувало на собі національного поневолення, не спроможне було звільнитися від стереотипів та міфологем щодо українців [5, с. 59].

Якщо характеризувати український політичний рух в кінці XIX – поч. XX ст. то він ще перебував під впливом москвофільства, що було наслідком довгого періоду бездержавності. Частина і так малочисельної української інтелігенції підтримувала або брала участь у діяльності загальноросійських партій, або взагалі лишалася поза політичним життям. Заслугою національно свідомої української інтелігенції було створення та діяльність освітніх, громадських інституцій, діяльність яких сприяла пробудженню національної пам’яті народу, розвитку процесів самоусвідомлення та самоідентифікації в українському суспільстві. Саме тому на початку XX ст. «українське питання» опинилося в центрі суспільного життя Наддніпрянської України, передусім українського середовища» [5, с. 62]. На жаль, не могла надати належної матеріальної підтримки політичному рухові і національна буржуазія, яка була малочисельною і не володіла великими фінансовими статками.

За висловом Дж. Мейса українське суспільство Наддніпрянської України «складалося з десятків мільйонів селян, двох десятків тисяч інтелігентів та кількох тисяч індивідуалів та сприйняло ту ідеологію,

яка була близька селянству – соціалізм» [5, с. 61]. Перша Революційна українська партія (РУП) в програмовому документі «Самостіна Україна» (1900), підготовленому М. Міхновським, проголосила ідеалом державного будівництва єдину, неподільну, вільну, самостійну Україну від Карпат до Кавказу. Але пізніше після розколу та перегляду програмових засад більшість членів партії бачила майбутнє державне життя в Росії у складі національно-територіальної автономії. На тих самих позиціях були й деякі інші національні партії – право наступниця РУП Українська соціал-демократична робітнича партія (УСДРП), українська соціал-демократична спілка (УСДС), організації українських соціалістів-революціонерів (есерів), українська соціалістична партія (УСП), товариство українських поступовців (ТУП) та ін. Питання національно-державного будівництва висувається рядом національних політичних партій і організацій та вноситься до основних програмних документів та матеріалів – РУП до першого розколу, Українська народна партія (УНП), організація «Оборона України», Союз визволення України.

Таким чином, ті складні, суперечливі процеси, що проходили на українських землях в складі Російської імперії мали значний вплив на суспільно-політичний розвиток українців. Не залишаючись осторонь загальноєвропейських національних рухів український народ, що був територіально поділений між двома державами, ставав модерною українською нацією. Вироблення та поширення ідей самостійності та державної незалежності було значним внеском у політичне майбутнє українців.

Джерела і література

1 Вергунов, В. А. Україна та столипінська аграрна реформа: передумови, завдання, здійснення : монографія / В. А. Вергунов, А. П. Коцур, В. П. Коцур. – К.: Ін-т аграр. економіки, 2008. – 131 с.

2 Грицак, Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX ст. / Я. Грицак. – Київ: Генеза, 1998. – 249 с.

3 Калакура, Я. С. Українська культура: цивілізаційний вимір / Я. С. Калакура, О. О. Рафальський, М. В. Юрій. – К.: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2015. – 496 с.

4 Реєнт, О. Сільське господарство України та світовий продовольчий ринок (1861–1914 рр.) : монографія / О. П. Реєнт, О. В. Сердюк. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2011. – 365 с.

5 Солдатенко, В. Ф. Суспільно-політичні трансформації в Україні: від задумів до реалій: монографія / В. Ф. Солдатенко [та ін.]; НАН України ; Ін-т політ. і етнонац. досліджень. – К., 2009. – 536 с.

6 Чугунов, І. Бюджет України у складі бюджетної системи Росії в кінці XIX – на початку XX ст. / І. Чугунов // Економіка України, 2001. – № 11. – С. 78–84.

***Olena Skliarova.* The prerequisites for the formation of State concepts in the Ukrainian public and political opinion of the end 19-early 20 centuries.** *The article examines the prerequisites of the formation the concepts of political independence of the ukrainian nation in the end of XIX – beginning of XX century. The features of the situation of the ukrainian people in the social. political. economic relations in Russia (consisting of provinces). The impact of these factors on the development of the national liberation movement are considered.*

УДК 343.979-053.6(476.2)"18/19"

Д. П. Бригадин

Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Включенность молодежи в социально-экономические и культурные процессы является одним из важных показателей устойчивого функционирования общества. Реформирование во второй половине XIX в. важнейших сфер экономики, управления, образования с одной стороны, и произошедшая в это время демографическая революция, с другой, привели к изменению структуры общества. Трансформационные изменения в Беларуси в пореформенный период отразились на характере и структуре девиантного поведения несовершеннолетних. Активная урбанизация и маргинализация новых городских жителей сказывались в первую очередь на социальном положении несовершеннолетних. Предложенные обществом и государством меры профилактики девиантного поведения подростков не смогли переломить тенденцию роста преступности.

Одним из важных показателей устойчивого функционирования общества является включенность молодежи в социально-экономические и культурные процессы, готовность и способность государства социализировать молодых людей. Реформирование во второй половине XIX в. важнейших сфер экономики, управления, образования с одной стороны, и произошедшая в это время демографическая революция, с другой, привели к изменению структуры общества. По данным всеобщей переписи 1897 г. молодые люди в возрасте до 20 лет составили

48,3 % от всего населения Российской империи. В белорусских губерниях доля молодого населения была еще больше – 50,6 % [8, с. 38–41].

Пореформенный период характеризуется ростом преступности, в том числе среди несовершеннолетних. Так, если в 1889 г. удельный вес преступников в возрасте до 17 лет составил 1,8 % от общего числа осужденных, в 1903 г. – 2,6 %, то в 1910 г. – 4,6 % [3, с. 8]. Б. Н. Миронов отмечает, что с 1834 г. по 1913 г. доля всех несовершеннолетних (т. е. лиц до 21 года) среди правонарушителей возросла с 7 % до 21 % [4, с. 94].

Преступность несовершеннолетних по своему характеру отличалась от преступности взрослых. Она отражала особенности демографической ситуации, социальной политики государства, характеризовала условия жизни данной категории населения. В Беларуси преступность среди несовершеннолетних также имела устойчивую динамику роста. Например, в 1897 г. мировыми судами в 5 белорусских губерниях было осуждено 912 несовершеннолетних [9, ч. 3, с. 2–3], в 1907 г. – 1058 [10, ч. 3, с. 2–4], в 1910 г. – 1302 человека, в том числе 95 человек в возрасте от 10 до 14 лет и 303 человека в возрасте от 14 до 17 лет [11, ч. 3, с. 13].

Для подростков наиболее характерным видом преступления была кража (в первую очередь мелкая кража, а также домашняя кража и кража со взломом), нанесение телесных повреждений, убийство с непрямым умыслом, бродяжничество. Подавляющее число детей было из социально неблагополучных семей. Социально-экономический фактор был определяющей причиной роста детской и молодежной преступности, концентрация которой наблюдалась в городской среде.

Определенная сложность в получении достоверных данных о криминогенности несовершеннолетних заключается в латентном характере преступлений и проступков, характерных для этой возрастной группы. Например, в судебной статистике практически полностью отсутствует феномен проституции среди несовершеннолетних. Известный российский юрист начала XX в. М. Н. Гернет отмечал, что хотя «официально проституции малолетних нет, а в действительности тысячи детей гибнут ежедневно на тротуарах» [2, с. 369]. На масштаб проблемы указывает тот факт, что она не раз становилась предметом обсуждений на международных и всероссийских съездах, активно освещалась в отчетах полиции, благотворительных организаций, в печати.

Дополнительная сложность заключалась в том, что несовершеннолетние девочки, вовлеченные в занятие проституцией, являлись одновременно правонарушителями и жертвами преступления. Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. была введена ответственность за умышленное развращение детей. Например, за сводничество несовершеннолетних предусматривалось наказание – лишение

прав и ссылка в Сибирь или тюремное заключение [12, ст. 998–1000]. В Уголовном уложении 1903 г. была предусмотрена ответственность за развратные действия с несовершеннолетней (до 17 лет) прислугой, прелюбодеяние с девушкой до 21 года, находившейся под властью или попечением виновного [13, ст. 518–522, 524–525]. В то же время была широко распространена практика передача детей «на обучение» в мастерские. Причем, в контрактах речь шла о том, что родители не будут иметь претензии к хозяевам.

Государственная политика противодействия криминализации подростков во второй половине XIX в. носила непоследовательный характер. Нещадная эксплуатация детского труда формировала у подростков отрицательное отношение к принципам трудовой этики. Законы, регламентирующие применение труда детей, появились только в 80-е гг. XIX в., когда была запрещена работа детей до 12 лет на фабриках и заводах, а рабочий день для детей 12–15 лет ограничивался 8 часами без перерыва или 6 часами с перерывом. В 1885 г. в порядке эксперимента был введен трехлетний запрет на ночную работу на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках для женщин и подростков до 17 лет [5, с. 261]. Только в 1897 г. действие закона распространилась на всю текстильную промышленность.

Важное значение в формировании определенной системы предупреждения и пресечения преступлений среди молодежи имело принятие 2 июня 1897 г. Закона «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости». В рамках этого закона была предпринята попытка сменить карательный подход по отношению к несовершеннолетним правонарушителям исправительным. Прежде всего, было установлено, что дети до 10 лет не подлежали судебному преследованию. По закону несовершеннолетним подсудимым полагалась обязательная защита, участие законных представителей в судебном процессе. Законодатель признавал антигуманным помещение несовершеннолетнего преступника в тюрьму и применение к нему таких же мер воздействия, как к взрослому. Мерами пресечения для таких подсудимых могли быть ответственный надзор или нахождение в отделениях при исправительных колониях [6, с. 357–364].

Предпочтительными местами отбытия наказания для малолетних преступников признавались приюты для несовершеннолетних правонарушителей, а также монастыри их вероисповедания. Идея о специализированных интернатах для подростков-правонарушителей к тому времени была не нова. Правовое положение таких приютов было впервые определено в Положении «Об исправительных приютах» от

5 декабря 1866 г. Отмечалось, что исправительные заведения такого типа находились в ведении Министерства внутренних дел, однако к их учреждению призывались земства, благотворительные общества и частные лица [7, с. 352]. Детей там учили грамоте, элементарным наукам, определенному ремеслу. Заметим, что пребывание в приюте или монастыре не влекло факта судимости. К сожалению, во второй половине XIX в. данная инициатива не получила должного развития. С 1866 по 1891 гг. в Российской империи было открыто всего 19 исправительных приютов. В 1892 г. в них находился 941 воспитанник.

Этот опыт социализации малолетних преступников заслуживает внимания. В конце XIX в. обществе активно пропагандировались идеи создания новых воспитательно-исправительных учреждений. Отмечалось, что вероятность рецидива у подростков, отбывших наказание в тюрьме несравнимо выше, чем у воспитанников специальных исправительных учреждений.

В 1891 г. под патронажем Министерства внутренних дел было основано первое в Беларуси Могилевское общество исправительных и земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних. Следующим этапом стало открытие в 1896 г. земледельческо-ремесленных исправительных колоний для несовершеннолетних в Витебской губернии, в 1898 г. – Виленской, в 1909 г. – Могилевской. Число воспитанников в таких учреждениях достигало 50 человек. Колония осуществляла патронаж над воспитанниками в течение 3 лет после их выхода, оказывала содействие в деле устройства их будущего.

В белорусских губерниях конца XIX – начала XX вв. не было специальных колоний для девочек. Ими занимались в большинстве своем женские монастыри и общины сестер милосердия. Общины работали во всех губернских и в некоторых уездных городах. Особой известностью пользовалась основанная в 1907 г. в Вильне Марфо-Мариинская обитель. Она представляла собой приют для девочек-сирот с больницей и амбулаторией. Их обучали грамоте по программам народных училищ (занятия проводились не более трех часов в день), рукоделию и ведению домашнего хозяйства при полном самообслуживании [1, с. 59–60].

С 1911 г. Минская епархия стала принимать в свои монастыри малолетних преступников. Однако такая практика себя не оправдала. Большинство из малолетних правонарушителей при первой же возможности сбегали от своих попечителей.

К сожалению, несмотря на активное участие благотворительных организаций и простых граждан, исправительных приютов не хватало. В 1909 г. в Российской империи более 70 % осужденных подростков все еще содержались в тюрьмах. Была предпринята попытка перенять

положительный опыт стран Западной Европы в организации ювенальной юстиции. В 1910 г. первый суд для несовершеннолетних был открыт в Санкт-Петербурге. Учреждению таких органов в Беларуси помешала Первая мировая война.

Трансформационные изменения в Беларуси в пореформенный период отразились на характере и структуре девиантного поведения несовершеннолетних. Активная урбанизация и маргинализация новых городских жителей сказывались в первую очередь на социальном положении несовершеннолетних. Предложенные обществом и государством меры профилактики девиантного поведения подростков не смогли переломить тенденцию роста преступности.

Список использованных источников и литературы

1 Венгер, Ю. И. История отечественной и зарубежной социальной работы / Ю. И. Венгер. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2005. – 108 с.

2 Дети-преступники. Сборник статей ; с предисл. и под ред. М. Н. Гернет. – М. : В. И. Знаменский и Ко, 1912. – 617 с.

3 Зориков, А. Н. Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX в. / А. Н. Зориков // Мат-лы всерос. науч. конф. «Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль». – 14–15 нояб. 1997 г. – М. : ИРИ РАН, 1997. – С. 5–11.

4 Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б. Н. Миронов – СПб. : Д. Буланин, 1999. – Т. 2. – 566 с.

5 О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах: мнение Государственного Совета, 3 июня 1885 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том V. – СПб., 1887. – С. 261.

6 Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости: Мнение Государственного Совета, 2 июня 1897 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XVII. – СПб., 1900. – С. 357–364.

7 Об исправительных приютах: мнение Государственного Совета, 5 декабря 1866 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XLI. – СПб., 1868. – С. 352–353.

8 Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – Т. 1. – СПб., 1905. – 268 с.

9 Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1897 г. в судебных учреждениях, действующих на основании

уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1901. – 632 с.

10 Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля1889 г., за 1907 г. / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1910. – 437 с.

11 Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля1889 г., за 1910 г. / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1913. – 483 с.

12 Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года / Н. С. Таганцев. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 742 с.

13 Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. – СПб. : Сенатская типография, 1903. – 144 с.

***Dzianis Bryhadzin.* Juvenile delinquency in Belarusian provinces in the late 19th and early 20th centuries.** *The involvement of young people in socio-economic and cultural processes is one of the most important indicators of a sustainable society. Reform in the second half of the 19th century the most important spheres of economy, management, education, on the one hand, and in that time the demographic revolution, on the other, have led to a change in the structure of society. Transformational changes in Belarus in the post-reform period had an impact on the nature and structure of the deviant behavior of the minors. The intense urbanization and the marginalization of new urban dwellers affected primarily the social situation of minors. Proposed by society and the State measures prevent deviant behavior of teenagers failed to reverse rising crime.*

УДК 656.8(091)(476)

С. О. Сидорова

Белорусский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНСКОГО ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОГО ОКРУГА

В статье рассматривается деятельность минского почтово-телеграфного округа во второй половине XIX – начале XX веков. Выделены основные направления деятельности минского округа, его особенности, проанализирована структура почтово-телеграфных учреждений, штатный состав и условия работы в почтово-телеграфных конторах.

Формирование буржуазного общества, подъем экономики, рост городов вызвали необходимость развития средств коммуникации, в первую очередь почтового сообщения. Усиление деловой активности населения привели к увеличению спроса на услуги почтово-телеграфных учреждений. Получают распространение новые виды связи, такие как электромагнитный телеграф и телефон.

Изучение развития почтово-телеграфной связи на Беларуси во второй половине XIX – начале XX веков не нашло достаточного отражения в отечественной историографии. Фактически только в справочных изданиях дается характеристика отдельных учреждений, в том числе минского почтово-телеграфного округа, где косвенно затрагиваются вопросы о структуре и организации работы в почтово-телеграфных учреждениях. Более широкое освещение рассматриваемый вопрос получил в дореволюционной литературе, в губернских статистических изданиях и сборниках. Разнообразные сведения о деятельности минского почтово-телеграфного округа содержаться в фондах Национального исторического архива Беларуси. Исследование деятельности почтово-телеграфных учреждений на территории Беларуси позволяет более полно охарактеризовать рост деловой активности населения на этапе становления буржуазных отношений.

В последней трети XIX века в Российской империи произошли изменения в системе управления связи. 22 мая 1884 г. Почтовый и Телеграфный департаменты были объединены в одну общую структуру с названием Главное управления почт и телеграфов [2, с. 193].

28 мая 1885 г. вышел Указ императора Александра III «О преобразовании местных почтовых и телеграфных учреждений», в соответствии с которым, в основу организации управления связи была положена окружная система. Вместо имевшихся в Российской империи 64 губернских почтовых управлений и 18 телеграфных округов было образовано 35 почтово-телеграфных округов [3, с. 8].

При реформировании местных учреждений связи была применена система подразделения их на разряды, которая не всегда учитывала общее административное устройство империи. Все почтово-телеграфные конторы, вместо прежнего их деления на губернские и уездные учреждения, были разделены на 7 классов, из которых учреждениям первых шести классов было присвоено название «Почтово-Телеграфных, Почтовых и Телеграфных Отделений», в зависимости от рода их деятельности. Основанием деления почтово-телеграфных учреждений на классы стал принцип их доходности [3, с. 8].

К Минскому почтово-телеграфному округу были территориально подчинены Минская и Могилёвская губернии. Управление округа

открылось 1 июля 1886 г., находилось в ведомстве Главного управления почт и телеграфов МВД, и возглавлял его начальник округа [10, л. 18].

Управление минского почтово-телеграфного округа включало следующие отделения: административное, техническое и бухгалтерия. Административное отделение, в свою очередь, подразделялось на два отдела: инспекторско-распорядительный и следственно-хозяйственный. Занималось ведением книг приказов по округу, перепиской с чиновниками, составлением их послужных списков. Служащие отделения вели дознание и следствие о хищениях и растратах, проводили ревизию почтовых учреждений, а также решали вопросы об открытии и закрытии почтовых и телеграфных контор и отделений, изменении времени работы и т.д. Техническое отделение следило за состоянием телеграфных линий, контролировало их исправность, проводило ремонтные работы в почтовых и телеграфных конторах. Бухгалтерия занималась ведением финансовых книг, контролировало всю финансовую деятельность подведомственных учреждений [6, л. 1–4].

На практике основным направлением деятельности управления округа стал контроль над исполнением нормативных документов, издававшихся вышестоящими органами. В первую очередь циркуляров, которые регламентировались многие вопросы, регулировавшие служебные отношения. Регламентация была довольно жёсткой, вплоть до того, что начальники контор округа не имели права отлучаться с рабочего места без уважительной причины, были обязаны следить за поведением своих служащих, составлять периодическую отчётность, только они лично могли вести переписку с начальником управления и т. д. [9, л. 34–35].

Управлением округа тщательно регулировался порядок приема и передачи телеграмм и заказной корреспонденции, проведение осмотра и исправления неполадок на телеграфных линиях, а также расписание дней и времени получения почтовых отправлений. К примеру, в минской почтово-телеграфной конторе корреспонденцию получали по четвергам и воскресеньям в 00 часов 33 минуты ночи, а выдавалась она адресатам строго с 8 утра до 14 часов дня. Материалы делопроизводства, содержат документы, которые регламентировали провоз стражников вместе с почтой, запрещалась перевозка вместе с почтой частных вещей и посторонних лиц, подчёркивалось, что почтальоны, сопровождающие почту, отвечают за нее по всей строгости, поэтому обязаны оказывать сопротивление грабителям, «не щадя своей жизни» [5, л. 89]. Почтальон имел полное право воспользоваться при необходимости своим револьвером или шашкой [9, л. 46].

В работе управления минского почтово-телеграфного округа особое внимание было уделено подбору, расстановке и подготовке кадров. На работу в учреждения связи принимали с 21 года, учитывалось физическое состояние служащих. Однако нередко в почтово-телеграфных конторах встречались работники 16–17 лет или с физическими недостатками. На почтовую службу разрешалось брать раненных отставных военных, женщин, а также совершеннолетних детей служащих почтово-телеграфных ведомств [8].

Для профессиональной подготовки почтово-телеграфных служащих при некоторых учреждениях округа были открыты школы надсмотрщиков. Поступить в школу можно было при наличии образования не ниже городского или уездного училища, а также 4-х классов гимназии, реального училища или прогимназии. Обучающимся в школе надсмотрщиков жилье не предоставлялось. Они должны были помимо усвоения теоретической части обучения, привлекаться и к практической работе в местной почтово-телеграфной конторе [9, л. 226].

На выпускном экзамене в школе надсмотрщиков оценивали по следующим предметам: 1) прием и выдача корреспонденции, практическое ведение специальных книг; 2) сортировка и составление сопроводительных документов; 3) пересылка корреспонденции и почтовая «гоньба»; 4) знание правил телеграфной корреспонденции; 5) умение работать с телеграфным аппаратом; 6) знание технической части. Стоит отметить, что в школах при управлении минского почтово-телеграфного округа были открыты курсы иностранных языков.

В дальнейшем карьерный рост служащих зависел от их личных качеств, умений и навыков, полученных в ходе практической работы в учреждениях почтово-телеграфного ведомства. К примеру, как видно из личного дела мещанина Якова Автухова, который начал службу почтальоном и со временем дослужился до начальника одной из контор минской губернии [11]. При назначении на свободные вакансии в почтово-телеграфном ведомстве учитывались моральные качества служащих, осуждалось пьянство, безнравственное поведение работников. Работникам почто-телеграфных контор апрещалось свободное ношение служебной формы, различного рода доносительства друг на друга и на свое прямое начальство.

В каждом учреждении почтово-телеграфного ведомства хранилась жалобная книга, которая выдавалась посетителям конторы при первом же их требовании. Жалобы, которые были зафиксированы, чаще всего относились к мелким происшествиям, например, о медленной езде ямщика, утрате периодических изданий, неправильно написанной фамилии адресата телеграммы, из-за чего они либо

доходили с большим опозданием, либо вообще не доходили до адресата и т. д.

В циркулярах начальника минского почтово-телеграфного округа нашли отражение вопросы финансовой деятельности почтово-телеграфных учреждений округа. В частности, при учреждениях Минской губернии работали почтово-телеграфные сберегательные кассы. В том числе при Минской почтово-телеграфной конторе для финансового обеспечения служащих была создана специальная ссудо-сберегательная касса. Почтово-телеграфные учреждения округа имели право расходовать суммы, полученных за частные услуги различного рода, по своему усмотрению, например, на единовременные пособия или расходы на содержание почтальонов и сторожей, нанимаемых сверх штата. Служащим запрещалось раскрывать тайну о прибыльности учреждения, в котором они работали. С каждым годом почтово-телеграфные сберегательные кассы приносили все больший доход казне, поэтому занимали значимое место в деятельности почтово-телеграфного ведомства [4, с. 35].

Почтово-телеграфные учреждения также занимались вопросами рекламы. К примеру, представляет интерес договор, заключенный в 1907 г. между мещанином Гиршей Мееровичем Нейманом, проживающем в Минске, и начальником минского почтово-телеграфного округа. Он давал право Нейману печатать на бланках открытых писем объявлений и реклам и продаже этих бланков в учреждениях минского почтово-телеграфного округа. Населению округа эти письма были предложены в равной мере, как и такие же открытые письма без рекламного содержания. Все деньги, полученные от продажи данных открыток, почтово-телеграфные учреждения расходовали на содержание и благоустройство контор и отделений [9, л. 116–117].

К важным направлениям деятельности почтово-телеграфного ведомства относилась цензура и надзор за печатью, пересылаемой по почте. Особенно тщательно служащие почтово-телеграфного ведомства проверяли письма, присылаемые из-за границы, а также все периодические издания, которые выписывали местные жители. Ценные бандероли и письма вскрывали в присутствии только самих адресатов, в остальных случаях требовалось лишь присутствие начальника конторы или отделения. Циркулярным распоряжение предусматривался также осмотр корреспонденции жандармами.

В процессе работы неоднократно были арестованы отдельные номера газет, журналов, книг и брошюр с «противоуправительственным содержанием» [9, л. 291]. По всем почтово-телеграфным учреждениям была распространена ведомость для записи арестованных

периодических изданий. А в 1911 г. был представлен перечень газет, пропагандирующих антиправительственные идеи в среде крестьян, среди них были газеты «Утро России», «Копейка», «Русское слово» и др. Запрет распространялся не только на местные, но и на иностранные газеты, как, например, швейцарская газета «Zustande», которая в одном из своих номеров предлагала местному населению выпускать антиправительственные «народные листки» [7, л. 10, 12, 28].

Цензура также распространялась на корреспонденцию личного содержания. Из почтовых ящиков извлекались письма оскорбительного содержания или с «оскорбительными иллюстрациями», письма антиправительственного содержания, а также телеграммы, содержащие жалобы и просьбы сотрудников ведомства по личным делам. До адресатов также не доходили письма и телеграммы с приглашениями к эмиграции в Америку, различного рода коммерческие предложения сомнительного характера из Вены и др. Обо всех этих задержаниях в обязательном порядке доносилось начальнику управления минского почтово-телеграфного округа [7, л. 1–36].

Таким образом, последней трети XIX века были проведены изменения в системе управления связи, которые привели к реформированию местных почтовых и телеграфных учреждений, деятельность которых стала более эффективной. Была создана окружная система, четко регламентировался порядок приема и своевременность доставления почтовых и телеграфных отправлений. Важное место в деятельности почтово-телеграфного округа занимала цензура и надзор за периодическими изданиями, которые выписывало местное население. В связи с выросшим спросом на услуги связи, увеличился штат почтово-телеграфных контор, к служащим стали предъявлять повышенные требования, большое значение придавалось их профессиональной подготовке моральным качествам.

Список использованных источников и литературы

1 История Беларуси : в 6 т. / редкол.: М. Костюк (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Экаперсектыва, 2005–2011. – Т. 4: Беларусь в составе Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / М. В. Бич [и др.]. – 2005. – 519 с.

2 Леонтьева, Т. Е. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения / Т. Е. Леонтьева. – Минск: БелНИИДАД, 2006. – 392 с.

3 Министерство внутренних дел. 1802–1902. Приложение 2. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел . – 1901. – 264 с.

4 Обзор Минской губернии за 1895 год. Минск, 1896. – Минск: Типография губернского правления. – 1896. – с. 54

5 Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 448. Оп. 1. Д. 2.
6 НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 3.
7 НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 4.
8 НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 6.
9 НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 7.
10 НИАБ. – Ф. 448. Оп. 2. Д. 1.
11 НИАБ. – Ф. 448. Оп. 2. Д. 3.

***Sviatlana Sidorova.* Activity of post and telegraph department of the Minsk district.** *In the article the basic directions of activity of the Minsk postal and telegraph district in the period of bourgeois relations. The study is based on materials of the National Historical Archive of Belarus, affecting the activity of the Minsk communications agencies Post and Telegraph District, as well as the works of local and foreign historians.*

УДК 94(477.51)

В. А. Казимір

Чернігівський Національний педагогічний університет ім. Т. Г. Шевченка

ДО ПИТАННЯ ПРО ІСТОРІЮ УКРАЇНИ ТА ЇЇ СУСІДІВ У НАУКОВОМУ ДОРОБКУ ВАСИЛЯ ДУБРОВСЬКОГО

У статті систематизовано й проаналізовано місце історії сусідніх з Україною країн у науковому доробку В. Дубровського. Схарактеризовано вплив Східного фактору та сусідніх держав на формування української народності. Визначено ключові віхи історії сусідніх держав, які досліджувалися науковцем. Проаналізовано основні напрямки співпраці України та її сусідів, висвітлені у студіях В. Дубровського.

Життя та діяльність активного еміграційного діяча, «призабутого» за радянських часів, Василя Васильовича Дубровського були безпосередньо пов'язані з Україною та Чернігівщиною. Він народився 19 травня 1897 р. на Лісковиці, в передмісті Чернігова (один з його псевдонімів в еміграції В. Лісковицький). Після закінчення місцевих духовного училища і духовної семінарії в 1915–1919 рр. навчався у Ніжинському історико-філологічному інституті кн. Безбородька. У 1925 р. захистив дисертацію «Селянські рухи на Україні після 1861 р.», а в 20-х рр. викладав у Чернігівському та Харківському інститутах народної освіти. В. Дубровський працював інспектором з охорони

пам’яток культури в Управлінні наукових установ Наркомосвіти, займався активною громадською діяльністю − виконував обов’язки відповідального секретаря Шевченківського комітету, відповідального секретаря Комісії увінчення пам’яті М. Коцюбинського, голови історичної секції Харківського наукового товариства.

Після арешту (листопад 1933 р.) за звинуваченням у «буржуазному націоналізмі» і ув’язнення В. Дубровський не мав можливості продовжувати наукову роботу, але і відмовлятися від неї не збирався. Він емігрував за кордон (1943 р.): спочатку в Німеччину, а потім у США, де і продовжив активно займатися дослідницькою діяльністю.

Помер В. Дубровський 23 квітня 1966 р. у м. Річмонд (Вірджинія, США), залишивши після себе вагомий науковий доробок. В. Дубровський був не лише видатним істориком, публіцистом, тюркологом, громадським діячем, письменником, а й визнаним фахівцем в галузі музейної та архівної справи. [, с.−]

Проблема аналізу історії стосунків України та її найближчих сусідів у працях В. Дубровського не була предметом спеціального дослідження. Між тим, Л. Биковський [1, с. 92−97], Г. Курас [2, с. 9−10] та В. Казимір [3, с. 28−95] займалися впорядкуванням біографії В. Дубровського. В. Ткаченко [4, с. 132−134] та О. Коваленко [5, с. 104; 6 с. 145] розглядали його постать у контексті розвитку краєзнавчого руху, а І. Матяш − в галузі архівознавства [7, с. 122−130]. Відтак, метою даної розвідки є систематизація відомостей про вивчення В. Дубровським історії сусідніх держав у контексті дослідження історії України.

Помітне місце у науковій спадщині В. Дубровського належить краєзнавчим студіям та працям з історії України, в яких він неодноразово звертався до аналізу стосунків із сусідніми державами. Інтерес до цієї проблематики виник у В. Дубровського ще під час навчання у Ніжинському історико-філологічному інституті кн. Безбородька під впливом викладачів, передусім професора Г. Максимовича. Зважаючи на географічну локацію Чернігівщини, найбільше вчений у своїх працях звертав увагу на історичні події та досвід музейної, пам’яткоохоронної й архівної справ на теренах сучасних Польщі, Білорусі та Росії, а також в контексті орієнталістики вивчав вплив Сходу.

На думку В. Дубровського, розташування України на кордоні між Європейською та Азійською цивілізаціями завжди сприяло інтенсивному етнокультурному обміну з країнами-сусідами й впливало на політичне, економічне та духовне життя [8, с. 77]. Інтерес до вивчення історії Сходу в Україні виник давно, але до початку XX ст. дослідження не виходили за межі поодиноких розрізнених студій. Ситуація

суттєво змінилася лише за доби Визвольних змагань у зв’язку зі створенням Української Академії наук.

Справжній «сплеск» у царині вивчення історії Сходу, до якого долучився і В. Дубровський, був обумовлений науковим ренесансом 1920-х рр. Форсування на державному рівні розвитку орієнталістики зумовили як зовнішні, так і внутрішні причини. Зовнішнім чинником можна вважати зростання інтересу до Сходу в контексті наростання антиколоніальної боротьби у країнах Азії та Африки, а внутрішнім – налагодження добросусідських відносин між СРСР і Туреччиною [9, с. 253].

Варто зауважити, що «сходознавча сторінка» у біографії В. Дубровського досить ґрунтовно висвітлена у статті та монографії Ю. Кочубея «В. В. Дубровський (1897−1966) як сходознавець» [10, с. 12−15]. Автор охарактеризував В. Дубровського як професійного сходознавця-тюрколога і зробив спробу проаналізувати основні напрямки його орієнтологічних студій. Цікава інформація про діяльність В. Дубровського як тюрколога у сходознавчих осередках УСРР наведена також у монографії Е. Циганкової «Сходознавчі установи в Україні (радянський період)» [11, с. 109, 111, 205−207, 209−211, 218−220].

У статті «Україна й Близький Схід в історичних взаєминах» В. Дубровський звернув увагу на хибність дискусії щодо шляху розвитку України − «за Европою чи Москвою?». На думку автора, ні польськофільська, ні русофільська концепції не враховували географічного фактору розташування країни, а відтак − на часі було вивчення «східних зв’язків України» [12, с. 147].

На думку науковця, орієнталісти мали відкинути стереотипні твердження про «чистоту української крові». Хибною В. Дубровський вважав і точку зору М. Покровського, який, «не далеко пішовши від старої традиції», позиціонував татар лише як «степных наездников» − завойовників, забуваючи про їх вплив на формування української народності та культури.

Для спростування таких підходів до висвітлення відносин України зі Сходом автор розробив «тріаду» аспектів, обов’язкових для врахування сучасними істориками: «1) технічні запозичення, ц. т. впливи матеріально культурні; 2) кровні змішання, ц. т. метисизація населення; 3) запозичення ідеологічного порядку − фольклор, вірування, звичаї, мова» [12, с. 157].

Аналізуючи науковий доробок В. Дубровського, варто зауважити, що, незважаючи на акцент на Східному впливі на формування української народності, вчений у контексті своїх студій звертався до історії сусідніх держав як складових Великого князівства Литовського та Речі Посполитої, аналізував історію Росії.

В. Дубровський порушив питання про перегляд «фальшованої однобічної історичної перспективи» [12, с. 157]. Проаналізувавши історичні праці М. Грушевського, М. Болтенка, М. Покровського, В. Дубровський констатував необхідність залучення до вирішення «великих історичних проблем» даних інших наукових дисциплін − археології, антропології, етнології, лінгвістики та історії й досвіду сусідніх країн [12, с. 157].

Відтак, майже у всіх працях В. Дубровського простежується тенденція до висвітлення окремих подій з історії сусідніх держав чи фактів з ними пов'язаних. Наприклад, праця «Про Гилянський похід 1725 року» [13, с. 227−233] була присвячена наслідкам війни Росії з Персією за Петра I, безпосередню участь в якій брали українські козаки. В. Дубровський схарактеризував Гилянський похід 1725 р. як «найважчий з усіх» [13, с. 227], бо козаки мешкали в Гилянській провінції близько 5 років і були вкрай виснажені. Саме тому під час цієї військової кампанії спостерігалося чимало випадків дезертирства і спроб фальсифікацій хвороб з метою звільнення від служби. Відтак, Малоросійська колегія вживала каральних заходів щодо дезертирів [346, с. 231]. На думку В. Дубровського, «присуд Колегії не спирався на українські права, а лише звичаї, і був підказаний Генеральною канцелярією» [13, с. 233]. Підтвердженням цього стали наведені уривки з листування між Генеральною військовою канцелярією та Малоросійською колегією, в яких цитувались царський наказ, що «надлежит их козаков наказать арматным вязенем и кіевим боем», а також витяги з Литовського статуту [13, с. 232].

У статті «Про вивчення взаємин України та Туреччини у другій половині XVII ст.» дослідник констатував, що протурецький напрямок зовнішньої політики України «знаходить своє природне закінчення… Залишаються знову лише побутові прикордонні та економічні стосунки, бо міжнародну політику України у XVIII ст. вже роблять в Москві й Петербурзі» [14, с. 173].

В. Дубровський як археограф завжди звертав увагу на забезпеченість проблеми джерельною базою. У цьому контексті заслуговує на увагу його праця «Богдан Хмельницький і Туреччина», в якій він, як і в статті «Про вивчення взаємин України та Туреччини у другій половині XVII ст.», констатував «відсутність власного архіву Української Держави XVII ст.» [15, с. 22]. В. Дубровський зауважив, що дослідники користувалися джерелами з польських і російських архівів, відтак «українська історіографія примушена була дивитися на події Хмельниччини очима переважно московських і польських сучасників – ворогів Великого Гетьмана» [15, с. 22−23].

У 1928 р. у збірнику «Чернігів і Північне Лівобережжя» було оприлюднено статтю В. Дубровського «Селянські втечі на Лівобережній Україні наприкінці XVIII ст. (1782–1791 рр.)» [16, с. 268−401].

Історик написав її на підставі документів архіву Чернігівського дворянського депутатського зібрання, зокрема, листування повітових та губернських маршалків з приводу втечі селян. В. Дубровський дослідив причини одноосібних та колективних втеч селян і дійшов висновку, що до масової міграції їх спонукали закріпачення та економічні суперечності між поміщиками Півночі й Півдня України. «Поміщики-новосельці із степового Півдня» для облаштування своїх господарств за умов нестачі робочої сили «нелегально притягали втікачів до себе «воровским переманиванием» [16, с. 369], допомагали їм облаштовуватися, змінювати імена та прізвища. Проаналізувавши наявний архівний матеріал, науковець визначив чотири основні напрямки міграції селян: на Правобережжя, Катеринославщину, до «донських станиць» і Таврійської губернії [16, с. 398].

Підсумки своїх студій з історії селянства В. Дубровський підвів у ґрунтовній монографії «Селянські рухи на Україні після 1861 р. (Чернігівська губернія 1861–1866 рр.)», яка побачила світ 1928 р. [17, с. 5]. В. Дубровський наголошував: саме регіональний підхід дозволяє детально схарактеризувати передумови селянських рухів, з’ясувати їх причини, виокремити основні форми боротьби [18, с. 97]. Подібні методологічні експерименти В. Дубровського на ниві соціальної та економічної історії певною мірою продовжували традицію соціологічної презентації минулого, започатковану в українській історіографії на початку XX ст.

Загалом, у монографії «Селянські рухи на Україні після 1861 р. (Чернігівська губернія 1861–1866 рр.)» В. Дубровський виявив себе кваліфікованим дослідником соціально-економічної історії і успішно вирішив поставлені завдання: визначив територіальні межі селянських рухів; встановив кількість учасників заворушень; висвітлив економічні передумови селянських виступів; з’ясував безпосередні причини повстань; схарактеризував форми селянських протестів та реакцію на них поміщиків [17, с. 4].

В. Дубровський також звернув увагу на «локалізацію огнищ рухів». Лідерами, згідно з висновками історика, у цих питаннях були північні повіти − Суразький, Новозибківський, Стародубський, Глухівський, Новгород-Сіверський і Мглинський. [17, с. 190−191].

Водночас, незважаючи на ґрунтовні характеристики економічного розвитку повітів та статистичні дані щодо локальних повстань, В. Дубровський не висвітлив еволюції форм селянських протестів та

заходів влади щодо їх придушення. Слід зазначити, що, обмеживши дослідження територіально, автор не врахував впливу на настрої селян революційного руху в сусідніх регіонах.

Як головний інспектор з охорони пам'яток культури в Україні В. Дубровський у своїх працях з історії музейної та архівної справи зробив спробу побіжно схарактеризувати роботу по охороні та вивченню пам'яток культури в сусідніх країнах. Зокрема, В. Дубровським був використаний польський досвід під час теоретичної розробки питання про об'єднання музеїв та їх класифікацію [19, с. 361]. Він розподілив їх на дві групи за змістом колекції з тієї чи іншої галузі знань і територіальним обсягом експонатів та діяльності, й кваліфікував їх як природничі, технічні та соціально-історичні. Важливу роль у схемі В. Дубровського відігравав адміністративно-територіальний фактор, відповідно до якого музеї здобували статус губернських, окружних, повітових чи крайових. На думку автора, переважання крайових музеїв вимагало до них особливої уваги [20, с. 11−12].

Принагідно зауважимо, що навіть в еміграції В. Дубровський у своїх мемуарах неодноразово згадував Чернігівщину та звертався до її історії, а відтак і до окремих фактів з історії сусідніх держав [3, с. 138].

Отже, незважаючи на те, що у науковому доробку В. Дубровського немає окремих праць присвячених історії сусідніх держав, подібна тематика актуальна для студій вченого в контексті історії України. В. Дубровський в силу своїх посадових обов'зків використовував досвід сусідніх держав під час організації музейної та бібліотечної справи на Батьківщині.

Джерела та література

1 Биковський, Л. Василь Дубровський (1897–1966): [Некролог]. Український історик / Л. Биковський. – Ч. 1–2. – Кент (США), 1966. – 142 с.

2 Курас, Г. Хотів одного − бути вільним (До 40-ліття від дня смерти проф. Василя Дубровського). Свобода. № 43. 27 жовтня / Г. Курас. − Нью-Джерсі, 2006. − 42 с.

3 Казимір, В. А. Науково-педагогічна та громадська діяльність В. В. Дубровського в Україні : дис. … кандидата іст. наук: 07.00.01 / В. А. Казимір. − Чернігів, 2013. − 180 с.

4 Ткаченко, В. Історичне краєзнавство: Чернігово-Сіверщини у перше пожовтневе двадцятиріччя / В. Ткаченко. – Київ: «Знання», 2007. – 215 с.

5 Заремба, С. З. Становлення радянського історичного краєзнавства на Чернігівщині / С. З. Заремба // Український історичний журнал. – № 4. – Київ, 1983. – 160 с.

6 Коваленко, О. Михайло Грушевський: тиждень в Чернігові / О. Коваленко, Г. Курас // Сіверянський літопис. № 1. – Чернігів, 1999. – 216 с.

7 Матяш, І. Особа в українській архівістиці: Біографічні нариси / І. Матяш. – Київ: «Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського», 2001. – 228 с.

8 Кіржаєв, С. Причинок до студій української орієнталістики 1920–1930-х років: Незнаний збірник «Україна і Схід». Україна в минулому / С. Кіржаєв. – К.; Львів, 1993. – Вип. 4.– 120 с.

9 Кочубей, Ю. М. З історії українсько-турецьких культурних взаємовідносин (Спеціальний номер українського журналу «Червоний шлях», 1930, № 2). Проблеми балканістики, сходознавства та міжнародних відносин: Збірник наукових праць пам’яті доктора історичних наук, проф. С. М. Пархомчука / Ю. М. Кочубей. − К.: «Інститут історії України НАН України», 2007. – 270 с.

10 Кочубей, Ю. М. В. В. Дубровський (1897−1966) як сходознавець / Ю. М. Кочубей. − К.: «Інститут сходознавства імені А. Ю. Кримського НАН України», 2011. − 544 с.

11 Циганкова, Е. Сходознавчі установи в Україні (радянський період) / Е. Циганкова. – К.: «Критика», 2007. – 292 с.

12 Дубровський, В. Україна й Близький Схід в історичних взаєминах. Східний світ / В. Дубровський. – Київ, 1928. – № 2. – 172 с.

13 Дубровський, В. Про Гилянський похід 1725 року. Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського / В. Дубровський. – Київ, 1928. – Т. 1. – 264 с.

14 Дубровський, В. Про вивчення взаємин України та Туреччини у другій половині XVII ст. Східний світ / В. Дубровський. – Київ, 1928. – № 5. – 198 с.

15 Дубровський, В. Богдан Хмельницький і Туреччина. Український історик / В. Дубровський. – № 3–4 (47–48). – Кент (США), 1975. – 46 с.

16 Дубровський, В. Селянські втечі на Лівобережній Україні. Чернігів і Північне Лівобережжя: Огляди, статті, матеріали [За ред. акад. М. Грушевського] / В. Дубровський. – Київ, 1928. – 418 с.

17 Дубровський, В. Селянські рухи на Україні після 1861 р. Чернігівська губернія (1861–1866 рр.). – Харків: «Державне видавництво України», 1928. – 216 с.

18 Дубровський, В. Проблеми історичного вивчення Чернігівщини [публікація О. Коваленка]. Сіверянський літопис / В. Дубровський. – Чернігів, 2005. № 1. – 110 с.

19 Казимір, В. Музейна справа у науковому доробку В. Дубровського. Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць / В. Казимір. – Київ, Глухів, 2012. – Вип. 5. – 383 с.

20 Дубровський В. Чергові завдання сучасного музейного будівництва на Вкраїні / В. Дубровський // Український музей. Збірник 1. Репринтне видання 1927 р. − К.: «Фенікс», 2007. – 156 с.

Vira Kazymir. **To the history of Ukraine and its neighbors in scientific works of Vasyl Dubrovskiy.** *The place and the history of the neighboring countries of Ukraine in V.Dubrovskiy's scientific heritage are systematized and analyzed in the article. Author determined Eastern and neighboring countries' impact factor on the Ukrainian nationality formation. The key points of the neighboring countries' history in scientist's works were presented. The basic directions of cooperation between Ukraine and its neighbors to the V. Dubrovskiy's point of view were studied.*

УДК 94(476) "1905/1907"

Е. И. Высоцкая

Белорусский государственный университет

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1905–1907 ГГ. НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье дан анализ революционных событий 1905–1907 гг. в Могилёвской губернии в контексте истории первой российской революции на территории Российской империи. Основное внимание уделено мероприятиям российского правительства по сдерживанию революционных настроений населения, а также реализации данных мероприятий в Могилёвской губернии.

В начале XX вв. Могилёвская губерния, как и Российская империя, была охвачена промышленным кризисом. В белорусских губерниях кризис наиболее затронул лесную промышленность. Вывоз древесины составлял основу экспорта края в страны Европы [2, с. 301]. В 1903 г. наблюдался невысокий экономический подъём, однако с началом русско-японской войны рост экономики остановился [3, с. 239–240]. Наблюдалось сокращение промышленного производства. Деятельность некоторых фабрично-заводских и ремесных предприятий Беларуси была приостановлена, что вызвало волнения и недовольство со стороны рабочих [3, с. 42–43]. Русско-японская война ускорила процесс назревания революционных настроений в стране. Огромные людские и финансовые потери, неудачи в военных действиях, упадок экономики вылились в ухудшение положения граждан и усилили социальное напряжение среди народных масс.

К началу XX в. обострился национальный вопрос. Неравноправное положение этнических групп в Российской империи привело к активизации их борьбы за свои гражданские права, развитие родного языка

и культуры. Конечная цель определяла право на самоопределение своих народов. Однако политика российских властей в отношении национального вопроса оставалась традиционной – утверждалась неделимость единой Российской империи. Белорусский народ не признавался отдельным этносом и лишался права на развитие национальной культуры. Были ограничены гражданские права белорусов-католиков, поляков и евреев. Среди еврейского населения усилилось влияние Союза сионистов, который пропагандировал создание собственного государства в Палестине. В Могилёвской губернии сионисты также нашли широкий отклик среди еврейского населения. По данным Департамента полиции в Гомельском сионистском районе, который включал Могилёвскую, Витебскую и Минскую губернии, в 1900 г. насчитывалось 92 сионистских кружка [2, с. 304]. В 1904 г. появилась еврейская группа гомельских рабочих Поалей-Циона, которая заявила, что на пути полного освобождения евреев стоит русское самодержавие. Движение сионистов пошло по революционному пути против самодержавия.

Среди еврейских рабочих влиянием пользовалась партия Бунд. Она расширила свою деятельность к началу XX в. Организации партии активно проводили свою работу на территории Могилёвской губернии в городах Гомель, Могилёв, Орша, Шклов и др. На IV съезде партии в Белостоке (1901 г.) Бунд объявила себя единственным представителем еврейского пролетариата России. Партия агитировала объединиться рабочим всех национальностей в борьбе против самодержавия [1, с. 153]. В деревне, начиная с 1903 г., Гомельская, Шкловская, Копыская организации Бунда расширяли агитационную деятельность. Взаимодействия между организацией сионистов и Бунда не наблюдалось. Бунд развернул массовую борьбу против этой организации. Нередко бундовцы силой разгоняли собрания сионистов [2, с. 304]. В декабре 1903 г. оформилась БСГ. Задачей партии было создание национально-краевой автономии и свержение самодержавия. В период революционных событий января 1905 г. членами БСГ проводился террор против чиновников, как средство политической борьбы. В листовке БСГ (март 1905 г.) тактика в отношении полиции формулировалась следующим образом: «Не чакайце! Ганіце проч стражнікаў сельскіх,ураднікаў, прыставаў, земскіх!!! Проч царскую паліцыю! а як з добрай волі не пакінуць службы — забівайце іх на смерць!!!» [7, с. 152]. В Могилёвской губернии проводился террор в отношении полиции и жандармерии. В донесении начальнику Могилевского Губернского жандармского управления от 30 сентября 1905 г. упоминаются акции, проведенные против гомельской полиции: «18 июля сего года был брошен разрывной снаряд в ротмистра Шебеко; 21 и 22 того же

месяца в гомельского полицеймейстера были брошены две бомбы; 9 июля убит исполняющий должность пристава Гомеля» [7, с. 173].

Свою деятельность в Могилёвской губернии проводила местная организация РСДРП. После II съезда социал-демократов в Луполове (1903 г.) возникла могилёвская группа РСДРП, которая к весне 1904 г. оформилась как общегородская организация. Группа присоединилась к Полесскому комитету РСДРП. С конца 1903 г. в Могилёвском гарнизоне действовала военно-революционная организация, проводившая работу среди солдат. В рядах партий Бунда и РСДРП шла борьба за влияние над рабочим классом Беларуси. С 1904 г. в составе Гомельской группы в белорусском крае проводила свою деятельность партия социалистов-революционеров ПСР (эсеров). Она ориентировалась на террор помещиков и буржуазии. Были проведены акции по порче и уничтожении дворянского имущества [8, с. 175–176].

К концу 1904 г. экономическая борьба рабочих, по сравнению с политическими формами борьбы за улучшение условий труда, отходит на второй план. Рабочие проводили политические демонстрации [2, с. 313]. Январские события 1905 г. вылились в волну протеста по территории всей Российской империи, в том числе и Беларуси, где стачки охватили 25 городов и местечек с численностью 33 тыс. рабочих. Совместными усилиями большинством выступлений руководили местные отделения РСДРП и Бунда. В январе 1905 г. Могилёвская организация РСДРП призывала выступить против войны и свергнуть самодержавие. Партия также выступала за созыв Учредительного собрания [7, с. 30–31]. Рабочие г. Могилёва объявили забастовку в знак протеста против расстрела рабочих в Петербурге. В сообщении газеты «Вперёд» говорилось, что «… бастовали почти все рабочие нашего города и предместий, так же фармацевты всех могилёвских аптек…». Однако в ответ на действия рабочих владельцы предприятий и аптек уволили почти всех служащих. Губернатор Могилёвской губернии Н. М. Клингенберг распорядился о наложении штрафов и арестов участникам выступлений [7, с. 50]. В феврале 1905 г. в Могилёве прошла демонстрация рабочих при участии студентов, которые, в основном, и пострадали. Полиция добивалась информации об их принадлежности к революционным организациям [7, с. 53].

Российское правительство предприняло активные шаги к недопущению массового революционного движения. Николай II в феврале 1905 г. издал указ, по которому разрешалось присылать в Совет министров ходатайства и петиции с предложениями об улучшении положения граждан и политического строя [6, с. 317]. Подобные действия царского правительства были направлены на поддержку иллюзии

участия крестьянства и граждан в жизни и развитии государства. Однако, с июля 1905 г. крестьянскими забастовками были охвачены Горецкий, Гомельский и Рогачёвский уезды.

Местные органы управления по указаниям генерал-губернаторов и министра внутренних дел старались предотвращать революционные настроения. Из донесения помощника начальника Могилёвского жандармского управления от 14 января 1905 г. очевидно, что полиция старалась ликвидировать революционные волнения. Проводились устранения агитаторов, шли массовые задержания нежелательных лиц [7, с. 22–23]. Для охраны мастерских ввиду возможности проникновения агитационных активистов, управляющий Либаво-Роменской железной дорогой распорядился о выделении от начальника гарнизона солдат «… не меньше взвода пехоты, для охраны мастерских … она (пехота) должна арестовывать и препровождать всех подозрительных личностей…». Объявлялись денежные вознаграждения за информацию о лицах, агитирующих к стачкам [7, с. 23]. В январе 1905 г. Виленский генерал-губернатор А. А. Фрезе послал в Гомель войска для подавления революционного движения. Отряд был снабжён орудиями и пулемётами, а командир воинского отряда получил определённые инструкции по выполнению подавления революционных настроений.

Весной 1905 г. в связи с празднованием Дня труда (1 мая), наблюдался широкий подъём политической борьбы рабочих. Политическими выступлениями было охвачено 47 городов и местечек Беларуси. Летом 1905 г. противостояние рабочих продолжалось. В сообщениях газеты «Северо-западный край» упоминалось о забастовке рабочих сталелитейной мастерской, а также собраний рабочих и интеллигенции г. Могилёва, организованных местной группой РСДРП [7, с. 138]. В ряде городов Могилёвской губернии (Могилёв, Гомель, Горки) полиция и солдаты против участников демонстраций и манифестаций, в которых участвовало около 8 тыс. человек, применяли огнестрельное оружие. В результате многие были ранены и убиты. В Гомеле похороны убитых переросли в антиправительственную демонстрацию. События весны–лета 1905 г. не нашли отклик у крестьянства.

Действия российского правительства по предотвращению революционных настроений выразились и в политических уступках. Так, указы 17 апреля и 1 мая 1905 г. позволяли переход из православия в другие христианские конфессии, отменялись ограничения на ремонт и восстановление неправославных храмов, изучение Закона Божьего в учебных заведениях для детей неправославных христиан на их родном языке. Уступки властей коснулись и некоторых ограничений прав польского и католического населения западных губерний. Им разрешалось владеть

имуществом пожизненно, на общих правах арендовать и принимать в залог земельное имущество от особ такого же происхождения. В дополнение к этому упразднялся закон от 27 января 1901 г., по которому землевладения крестьян-католиков западных губерний ограничивались 60 десятинами на двор.

В августе 1905 г. Николай II подписал указ о выборах в Государственную Думу. Система участия в выборах основывалась на сословном принципе. В выборах запрещалось участвовать наёмным рабочим, которые не соответствовали имущественному цензу. В Беларуси революционные партии приняли решение о бойкоте выборов в Думу. В Гомеле прошёл митинг 400 рабочих, организованный партией Бунд. Митингующие приняли резолюцию, в которой выражался протест против Думы и оговаривалось, что только революция приведёт к установлению демократической республики [6, с. 321].

С осени 1905 г. Всероссийский железнодорожный союз вступил в активную революционную борьбу. Сентябрьские события 1905 г. в Москве отразились и в Могилёвской губернии. Общегородская антиправительственная забастовка в Москве положила начало новому подъёму революционных настроений. По телеграфу центральное бюро союза призвало рабочих и служащих всех железнодорожных мастерских к всеобщей забастовке. На важнейших железнодорожных станциях (Орша, Гомель, Пинск и др.) остановилось движение поездов. Забастовку железнодорожников поддержали рабочие фабрик и заводов, служащие многих предприятий. На железнодорожных станциях проводились массовые митинги, манифестации и демонстрации, которые нередко заканчивались противостоянием с полицией и войском. В течение недели железнодорожное движение на территории Могилёвской губернии было остановлено. Революционные партии призвали к остановке деятельности торговли, учебных и банковских заведений.

В условиях революционных событий осени 1905 г. консервативные сторонники монархии вынуждены были объединиться с целью защиты самодержавия и русской нации. Группы «Союза русского народа» образовались и в городах Могилёвской губернии, в частности Гомель, Орша и др. Черносотенцы проводили уличные шествия с иконами, портретами царя, организовывали покушения на революционеров и чинили еврейские погромы в Орше, Дубровне, Гомеле [6, с. 324]. Противостояние черносотенцев с членами партий РСДРП и Бунда нашли отражение в октябрьских событиях 1905 г. в Могилёвской губернии. 18 октября прошла общегородская забастовка, в ходе которой произошли столкновения революционных сил с черносотенцами.

В Могилёвской губернии осенью 1905 г. действовали либеральные круги, стоявшие на защите монархии. «Союз 17 октября» взаимодействовал с российским правительством и православным духовенством. Партия октябристов оформилась в Гомеле и Могилёве. «Союз 17 октября» принял решение о необходимости придания русскому населению западных губерний право на административное представительство в Государственной думе. В Могилёвской губернии октябристы искали союзников для участия в выборах в Думу. Однако, различия в программах партий не позволили «Союзу русского народа» и партии октябристов объединиться для совместной борьбы против революции. «Союз 17 октября» принял решение об агитации среди крестьян-выборщиков, но данный ход результатов не дал.

В связи со спадом революции зимой 1905 г. российское правительство приняло попытки стабилизировать ситуацию в стране. Было принято решение о закрытии революционных газет. Провелись аресты участников революционных партий, а также правительством принято решение о запрете железнодорожных союзов. Ответом РСДРП, Бунда и эсеров стал призыв к вооружённому восстанию. В Москве началась всеобщая политическая стачка. Всероссийский железнодорожный союз и 29 железных дорог 7 декабря объявили забастовку [6, с. 325]. Комитет Полесских железных дорог и Минский комитет Либаво-Роменской железной дороги отреагировали остановкой поездов на станциях. Посредством демонтажа движение поездов было остановлено в течение 8–9 декабря. Для подавления забастовки и недопущения вооружённого восстания, из Вильно прибыл эшелон генерала Н. О. Орлова. Вооружённое восстание железнодорожников в Гомеле, на которое рассчитывали левые партии, было подавлено отрядом эшелона вооружённым пулемётами и пушками.

В январе–марте 1906 г. рабочее движение было ослаблено. В марте царскими властями принят указ о создании профсоюзов наёмных рабочих и служащих в промышленности и торговле. Целью была защита экономических интересов и улучшение условий труда. Летом 1906 г. спад революции продолжился. В целом на территории Беларуси прошло не более 13 стачек рабочих, где обсуждался вопрос о роспуске Думы, прошла одна политическая стачка и одна уличная демонстрация. Во второй половине 1906 г. политическая борьба рабочих продолжала отходить на второй план. Рабочих заботило создание и регистрация профсоюзов, которые смогут защитить их экономические интересы [5, с. 275–276]. Но, несмотря на это, зарегистрировать профсоюз было сложно: в Могилёвской губернии до 1907 г. не было зарегистрировано ни одного профсоюза. Резкий спад революционных настроений подтолкнул

партии левого блока пересмотреть свои взгляды на выборы в Думу. Однако, победу одержали коалиция октябристов и «Союза русского народа», а также польско-белорусские автономисты [2, с. 334]. Двое кандидатов из Могилёвской губернии, крестьянин Д. Щербянок и православный священник М. Гашкевич, объявили о принадлежности к кадетам.

На протяжении зимы 1907 г. в рабочем движении Беларуси политических выступлений не зафиксировано. Работа профсоюзов по защите экономических интересов рабочих не смогла укрепить своё влияние в ходе революционных событий 1905–1907 гг.

Крестьянских выступлений в Могилёвской губернии в 1907 г. практически не наблюдалось. Их форма борьбы выражалась в вырубке леса помещиков, выпасе животных на их землях, отказ от уплаты налогов, увеличение числа поджогов. Крестьянство стало на дореволюционные рельсы борьбы за улучшения условий жизни. С роспуском Думы в июне 1907 г окончилась первая российская революция.

Таким образом, события 1905–1907 гг. на территории Могилёвской губернии отмечены высокой социальной активностью. В период революции наблюдалась активизация политических партий, профсоюзов и этнических групп. В 1905 г. на первом плане в рабочем движении присутствовали политические лозунги. В 1906–1907 гг. делался акцент на экономических требованиях рабочих. На протяжении революционных событий 1905–1907 гг. крестьянство менее активно, по сравнению с рабочими, принимало участие в революционном движении. Их протест ограничивался лишь решением аграрного вопроса – ликвидация помещичьего землевладения и проблема малоземелья. Правительственная политика была направлена на предотвращение всеобщего волнения народных масс. Путём политических и экономических уступок российское правительство стабилизировало революционную ситуацию в стране.

Список использованных источников и литературы

1 Бич, М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. / М. О. Бич ; ред. И. М. Игнатенко. – Минск: Наука и техника, 1983. – 278 с.

2 Гісторыя Беларусі : у 6 т. / М. Біч [і інш.] ; һэдкал.: М. Касцюк (гал. рэактар) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007–2011 – Т. 4. – 2007– 519 с.

3 Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі; галоўная рэдкалегія: І. М. Ігнаценка (старшыня) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975 – Т. 2. – 1972. – 686 с..

4 Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі. – Менск [Мінск]: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1936–1954. – Т. 2. 1940. – 938, [1] с.

5 История рабочего класса Белорусской ССР : [Исследование] : в 4 т. / Ин-т истории АН БССР ; редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1984–1987. – Т. 1. – 1984. – 400 с.

6 Лавринович, Д. С. Деятельность Конституционно-демократической партии и "Союза 17 октября" в Беларуси (1905 – 1918 гг.) : монография / Д. С. Лавринович. – Могилёв: УО "МГУ им. А. А. Кулешова", 2009. – 336 с.

7 Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг. : Док. и материалы / Ин-т истории Акад. наук БССР, Арх. упр. БССР. – Минск: Изд-во АН БССР, 1955. – 745, с.

8 Спиридович, А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники / А. И. Спиридович. – Изд. 2-е, доп. – Петроград : Военая типография, 1918. – X. – 623 с.

Katsiaryna Vysotskaya. **The revolutionary events of 1905-1907 years on the territory of the Mogilev province.** *The article provides analysis of revolutionary events of 1905–1907 in the Mogilev province in the context of the history of the first Russian revolution. The main focus is made on measures the Russian government took to restrain revolutionary sentiments of the population, as well as on implementation of these measures in the Mogilev province.*

УДК 323.33(476)(091)"1907/1914"

Я. В. Маслоўскі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ФОРМЫ БАРАЦЬБЫ РАБОЧЫХ БЕЛАРУСІ ЗА СВАЕ ПРАВЫ Ў 1907–1914 ГГ.

Праведзены аналіз эфектыўнасці формаў барацьбы працоўных за свае правы ў 1907–1914 гг. Асноўная ўвага нададзена параўнанню рэвалюцыйных і легальных формаў барацьбы рабочых, раскрыццю такой асноўнай формы барацьбы рабочых, як звароты ў фабрычную інспекцыю.

Пасля рэвалюцыі 1905–1907 гг. формы барацьбы прамысловага пралетарыяту беларускіх губерняў змяняюцца. У новых умовах працоўныя пры захаванні забастовак сталі шырэй выкарыстоўваць легальныя формы пратэсту і барацьбы за свае правы. Да іх варта аднесці звароты (калектыўныя і аднаасабовыя скаргі, хадайніцтвы і іншае) у вышэйстаячыя інстанцыі (як правіла, фабрычную інспекцыю, а затым, у выпадку незадавальнення, у суд). У савецкі час акцэнт пры даследванні рабочага руху рабіўся на рэвалюцыйных формах барацьбы

працоўных. Менавіта таму у дадзеным артыкуле праведзены параўнальны аналіз эфектыўнасці і характару забастовак і іншых формаў барацьбы за свае правы. Найперш такіх, як звароты рабочых у фабрычную інспекцыю.

У 1907–1908 гг. стачачны рух, па меркаванні даследчыкаў савецкага часу, заставаўся на параўнальна высокім узроўні, што абгрунтоўваецца інерцыяй рэвалюцыйнага руху. Аднак статыстычныя крыніцы сведчаць, што у чэрвені–снежні 1907 г. у забастоўках удзельнічалі 2,6 % ад агульнай колькасці фабрычна-завадскіх рабочых. За гэты год поўным ці частковым поспехам працоўных скончыліся 91,5 % стачак, у якіх удзельнічала 67,8 % ад агульнай колькасці стачачнікаў. У 1908 г. у забастоўках прынялі ўдзел 2,9 % ад агульнай колькасці працоўных цэнзавай прамысловасці. Адпаведна 80,4 % забастовак гэтага году скочыліся поўным ці частковым задавальненнем патрабаванняў рабочых.

Цікавую інфармацыю пра памеры забастовак у Беларусі за 1909 г. змяшчае звод справаздач фабрычных інспектараў: у Віцебскай губерні адбылася 1 забастоўка, якой прынялі ўдзел 1146 рабочых – гэта 20,1 % ад агульнай колькасці фабрычна-завадскіх працоўных губерняў. Вялікую колькасць бастуючых лёгка абгрунтаваць: баставалі ўсе супрацоўнікі аднаго з найбуйнейшых прадпрыемстваў на тэрыторыі беларускіх губерняў фабрыкі “Дзвіна”. Паказальна адрозніваецца ад яе Віленская губерня, дзе адбылося 6 забастовак з 153 удзельнікамі – 2 % ад усіх рабочых фабрык. У Мінскай губерні прайшла 1 стачка з 75 удзельнікамі, якія складаюць 1,5 % ад агульнай колькасці фабрычных рабочых. У Магілёўскай губерні ўвогуле не адбылося ніводнай стачкі. У Гродзенскай губерні за 1909 г. адбылося 38 забастовак з удзелам 725 працоўных пры агульнай кольскасці рабочых у губерні – 13 518. Па колькасці стачак Гродзенская губерня займала 2-е месца пасля Варшаўскай сярод усіх губерняў Расійскай імперыі [61, с. 165–167]. Але ў гэтым пытанні трэба ўлічваць масштаб страйкаў: калі па Маскоўскай губерні адбылося толькі 14 забастовак, то ўдзел ў іх прымалі 10 863 працоўных [9, с. 193]. Дадзеныя факты тлумачацца мясцовай спецыфікай: вялікай кольскасцю малых прыдпрыемстваў з невялікай лічбай працоўных. За гэты год у забастоўках удзельнічалі толькі 0,8 % фабрычных рабочых, з якіх толькі 20,7 % ад усіх, хто прыняў удзел у забастоўках, удалося цалкам ці часткова задаволіць свае патрабаванні.

У 1910 г. у забастоўках прыняў удзел менш за 1 % ад усіх рабочых цэнзавай прамысловасці. Барацьбу поўным ці частковым поспехам скончыла большая частка ўдзельнікаў стачак за разглядаемы перыяд – 81,3 % [6, с. 152].

Паказальным прыкладам харатару стачак у гэты час з’яўляецца забастоўка ў мястэчку Смалявічах 15 кастрычніка. Працоўныя шклянога завода, які належыў Грынгаўзу, прад'явіўшы да адміністрацыі завода патрабаванні пра павелічэнне заработнай платы, спынілі ў прысутнасці ўчастковага фабрычнага інспектара працу на заводзе, ніякага парушэння парадку працоўнымі не прад’яўлена [1].

На падставе гэтага данясення становіцца зразумелей схема, якой часцяком кіраваліся беларускія працоўныя: на першым этапе выпрацоўваліся патрабаванні, на другім этапе ішла распрацоўка формы дасягнення мэты забастоўкі, на трэцім адбывалася запрашэнне фабрычнага інспектара як сродка абароны працоўных ад магчымых прэтэнзій у судзе з боку ўладальнікаў прадпрыемстваў, г. зн. яго выкарыстоўвалі і як сведку, адваката і пасярэдніка паміж бакамі. Толькі на чацвёртым этапе пачыналася сама забастоўка.

Гісторыкі савецкага часу вылучалі 1910–1914 гг. як перыяд нарастання рэвалюцыйнага руху і як адзіную з яго прыкмет рост забастовачнага руху. Але лічбы сведчаць пра адваротнае. Напрыклад, у 1911 г. баставалі каля 0,9 % ад усёй колькасці рабочых цэнзавай прамысловасці, 1912 г. – 0,7 % [6, с. 182].

Для таго каб прадэманстраваць масштабы забастовак, дастаткова звярнуцца да матэрыялаў фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва. Так, у перапісцы старэйшага фабрычнага інспектара Віцебскай губерні І. Мяцельскага адзначаецца, што за 1912 г. на падсправаздачных яму 97 заводах не адбылося ніводнай стачкі, за выключэннем некаторых невялікіх пратэстаў асобных працоўных [4].

У той жа час у Расійскай імперыі у 1912 г. адбываўся ўздым забастовачнага руху. За гэты год па ўсіх губернiях імперыі, акрамя Фінляндыі, адбылося 2 032 забастоўкі, у якіх прынялі ўдзел 725 491 рабочых. Прыкладна 33,7 % ад агульнай колькасці працоўных цэнзавай прамысловасці. Тут, аднак, трэба ўлічваць такую асаблівасць, як паўторныя забастоўкі. Калі адняць іх ад агульнай колькасці, атрымаецца, што 1 437 прадпрыемстваў былі ахопленыя забастоўкамі, што ад агульнай колькасці складае каля 8,2 %. Адрозненнем беларускага стачачнага руху ад агульнарасійскага можна лічыць адсутнасць паўторных забастовак за 1912 г. [10, с. 294]

Таксама неабходна адзначыць, што у 1912 г. упершыню пасля трохгадовага перапынку адбыліся першамайскія выступленні беларускага пралетарыяту. Але наўрад ці гэта варта прызнаваць істотным дасягненнем рабочых у рэалізацыі сваіх правоў.

Сітуацыі змяняецца у наступным годзе, калі заўважаецца ўздым забастовачнага руху. У 1913 г. баставалі 2,6 % ад агульнай колькасці

рабочых. Але характар забастовак за гэты год таксама складана назваць «перадрэвалюцыйным». У пераважнай большасці яны ўяўлялі сабой чыста эканамічныя стачкі, на якіх вылучаліся патрабаванні паляпшэння эканамічных і жыллёва-бытавых праблем пралетарыяту.

Прыклад адной з такіх стачак: старэйшы фабрычны інспектар Віцебскай губерні паведамляе губернатару, што 21 лістапада 1913 г. на гуце «Працы» Мерліса адбылася забастоўка, на якой працоўныя вылучылі наступныя патрабаванні: скасаванне бальнічнай касы (той, якая была створана па законе ад 23 чэрвеня 1912 г.); «Лазню працеплівацъ 2 разы на месяц»; адкрыццё вучылішча для дзяцей рабочых і іх дзяцей. Сын уладальніка завода патлумачыў, што бальнічную касу прыбраць нельга, бо гэта патрабаванне закона. Лазня не працуе па тэхнічных прычынах, у хуткім часе яе адрамантуюць і яна будзе працаваць зноў. Вучылішча не адкрываюць толькі праз тое, што адпаведныя ведамствы не могуць знайсці для яго настаўніка. Застаўшыся задаволенымі такім адказам, рабочыя праз 20 гадзін зноў выйшлі на працу. Ніякіх карных санкцый да іх ўжыта не было [4]. Дадзены прыклад не адзіны, але выбраны як той, што найбольш заўважна дэманструе характар стачак.

Па звестках такога даследчыка, як Э. М. Савіцкі за 7 месяцаў 1914 г. адбылося 107 стачак, у якіх удзельнічала 4,5 тысячы рабочых. Гэта прыкладна 1,4 % ад усіх прамысловых рабочых [6, с. 183].

Для лепшай нагляднасці характару рабочага руху таго часу варта прывесці сведчанні праваахоўных структур. Так, начальнік Віцебскага губернскага жандарскага кіравання ў рапарце ад 4 (22) красавіка 1914 г. губернатару так характарызуе страйкавы рух за сакавік 1914 г.: «... Што ж тычыцца страйкавага руху, то такое выявілася ў наступным. У г. Віцебску ў кравецкай майстэрні Хаіма Янкелева Генькіна адбылася аднадзённая забастоўка 10-ці рабочых краўцоў з прад'яўленнем патрабаванняў эканамічнага характару. У жаночай кравецкай майстэрні Мендэля Тубіна 14-га мінулага сакавіка забаставалі 5 рабочых краўцоў, выказаўшы незадавальненне за грубы зварот гаспадара Тубіна з рабочымі, і да цяперашняга часу да працы не прыступілі» [5, с. 239].

За перыяд з 1910 г. па жнівень 1914 г. у 5 беларускіх губернях адбыліся 192 эканамічным стачкі. 64 з іх (33,3 %) скончыліся поўнай перамогай, 75 (39,1 %) – частковай і 53 (27,6 %) – паразай. 61 % працоўных, якія прымалі ўдзел у барацьбе, дамагліся поўнага або частковага задавальнення вылучаных патрабаванняў. У наступальных стачках – гэта значыць забастоўках з патрабаваннямі паляпшэння свайго становішча, – удзельнічалі ў 1910 г. 81,3, у 1911 г. – 63 %, у 1913 г. – 73 % і 1914 г. – 92,5 % бастуючых [6, 182].

Такім чынам, яскрава бачна невысокая ступень эфектыўнасці забастовак: рабочыя дасягнулі сваіх мэтаў цалкам ці часткова у сярэднім у 50–60 % выпадкаў, пры тым, што ў 1910 г. увогуле гэтая лічба была на ўзроўне 20 %. Магчыма па гэтай прычыне масштаб стачак пастаянна звужаўся. Рабочыя шукалі іншага сродку дасягнення сваіх правоў.

Прычынамі нешырокага ўжывання забастовак таксама стаўся пераход працоўных да такім формаў барацьбы за свае правы, як звароты ў фабрычную інспекцыю. Фабрычная інспекцыя назірала за выкананнем фабрычнага заканадаўства, у тым ліку разбірала скаргі рабочых і фабрыкантаў, а таксама справы, якія тычыліся рабочых.

Аналіз зваротаў працоўных у фабрычную інспекцыю за 1907 г. дасць наступныя вынікі. У Віцебскай губерніі 1711 рабочых падалі 130 скаргаў у фабрычную інспекцыю, з якіх поўнае ці частковае задавальненне атрымалі 1 533 працоўных. Фабрычная інспекцыя Віленскай губерні атрымала 72 скаргі з 424 подпісамі, з якіх 367 былі цалкам ці часткова задаволеныя. 217 пісьмовых зваротаў 1 440 рабочымі было пададзена ў інспекцыю рабочымі Гродзенскай губерніі, з якіх 1 066 рабочых цалкам ці часткова дасягнулі сваіх мэтаў. У Мінскай губерні 515 працоўных данеслі 99 скаргаў і 472 задаволілі свае патрабаванні. Фабрычная інспекцыя Магілёўкай губерніі атрымала 81 скаргу ад 436 рабочых, з якіх 403 былі поўнасцю ці часткова задаволены [8, с. 182–183]. У сярэднім болей за 90 % рабочых звярнуўшыхся з пісьмовым зваротам ў фабрычную інспекцыю дасягнулі паляпшэння свойго становішча.

Справаздачы фабрычных інспектараў за 1908 і 1912 гг. Дэманструюць наступную дынаміку выкарыстання такой формы барацьбы рабочых за свае правы як скаргі. 181 пісьмовы зварот ад 1 232 рабочых быў зафіксаваны фабрычнай інспекцыяй Гродзенскай губерні – 1 066 рабочых цалкам ці часткова дасягнулі сваіх мэтаў. Фабрычная інспекцыя Віленскай губерні атрымала 90 зваротаў ад 421 працоўнага, з якіх 323 былі цалкам ці часткова задаволеныя. У Віцебскай губерні 599 рабочых падалі 75 скаргаў у фабрычную інспекцыю, з якіх поўнае ці частковае задавальненне атрымалі 1 533 працоўных. У Мінскай губерні 213 працоўных данеслі 107 скаргаў і 154 задаволілі свае патрабаванні. У фабрычную інспекцыю Магілёўкай губерніі прыйшоў 81 зварот ад 696 рабочых, з якіх 652 былі поўнасцю ці часткова задаволеныя [9, 163–165]. Сярэдні адсотак рабочых, якія дасягнулі сваіх мэтаў праз зварот да фабрычнага інспектара, атрымаўся каля 77 %.

За 1912 г. рабочыя 5 беларускіх губерніяў падалі наступную колькасць скаргаў у фабрычную інспекцыю. Віцебская губерня – 181 скарга, 605 зваротаў рабочых, 501 цалкам ці часткова задаволеныя.

Віленская – 190 скарга, 716 рабочых, 464 задаволены. Гродзенская губерня – 227 скаргаў, 514 падалі, 377 задаволены. Мінская губерня – 159 скарг, 211 падалі, 158 задаволены. Магілёўская губерня – 93 скаргі, 1 075 рабочых, з якіх 1 045 цалкам ці часткова задаволеныя [10, 182–184]. Адсотак дасягнення сваіх правоў праз выкарыстанне скаргаў склаў вышэй за 81 % ад усіх пададзеных скаргаў.

Высокі працэнт грунтоўнасці скаргаў і зваротаў, прызнаны фабрычнымі інспектарамі, з'яўляецца асаблівасцю рабочага руху беларускіх губерняў. Неабходна адзначыць, што ў зводзе справаздач фабрычных інспектараў за 1907 г. адзначаецца падзенне грунтоўнасці скаргаў працоўных з 61,1 % да 31,9 % у цэлым па імперыі, а ў Маскоўскай прамысловай акрузе – да 13 %. У той час, як па беларускіх губернях гэты адсотак складаў не менш за 70 %. Гэта сведчыць пра высокі ўзровень адукацыі працоўных, іх разуменне сваіх правоў і працоўнага заканадаўства, бо інакш скаргаў было б больш і яны былі б неабгрунтаваныя [8, с. 10].

Прыклад звароту ў фабрычную інспекцыю дазволіць разумець, якім чынам працоўныя дамагаліся свайго ў барацьбе за свае правы: хадайніцтва рабочых і служачых аб аднаўленні ў правах ўпаўнаважанага Я. Ф. Пятроўскага. Ліст старэйшаму фабрычнаму інспектару Віцебскай губерні ад 1914/04/16 г. пра тое, што «служачыя прафесійнага саюзу Віцебскага трамвая просяць, што Я. Ф. Пятроўскі выбраны ў ліку 3-х ўпаўнаважаных ў бальнічную касу. Начальнік яго не зацвердзіў, бо ён малапісьменны. Замест яго Гучкіна хоча выбраць. Аднак у мінулы год быў абраны Пятроўскі і добра сябе зарэкамендаваў». Далей ідзе ўжо «Прашэнне старэйшаму фабрычнаму інспектару Віцебскай губерні» ад 24 красавіка 1914 г. У ім служачыя зноў просяць зацвердзіць ўпаўнаважаным ў Віцебскую бальнічную касу «Дапамога» Пятроўскага, бо мы ўсе яго абралі. Але іншай асобы не жадаем. Пры гэтым будзе законна зацвердзіць Пятроўскага, а не Гучкіна, таму што пры падачы цыдулак за Пятроўскага было 73 галасы, а за Гучкіна 12 галасоў» [11]. Прашэнне было задаволена. Дадзены прыклад наглядна дэманструе дзейснасць такой формы пратэсту, як падача скаргі, а таксама выкарыстанне зваротаў у дзейнасці прафсаюзаў па абароне правоў сваіх чальцоў.

Вышэй ужо адзначалася, што ўклад скаргаў сярод беларускіх гісторыкаў у паляпшэнне становішча працоўных не адзначаны неабходным чынам. Для таго, каб паказаць маштаб гэтага сродку барацьбы за свае правы пралетарыяту, дастаткова узгадаць, што ў 1912 г. у Віцебскай губерні не адбылося ніводнага страйку, акрамя невялікіх непаразуменняў на 2 габрэйскіх шчаціннем-сартавальных установах у г. Невель (цяпер Расійская федэрацыя), дзе рабочыя таксама габрэі [2].

Зводная ж справаздача старэйшага фабрычнага інспектара Мінскай губерні за 1912 г. змяшчае наступную інфармацыю аб колькасці зваротаў працоўных (11 252): 149 аднаасобных, 10 калектыўных (62 рабочых), з іх 101 задаволены, і 9 калектыўных задаволены [7].

Як вынік неабходна зацвердзіць, што ў 1907–1914 гг. маштаб легальных формаў барацьбы быў шырэйшы за сточкі. Звароты рабочых у фабрычную інспекцыю як форма барацьбы за свае правы і інтарэсы былі больш эфектыўныя за забастоўкі. Да апошніх часцяком звярталіся толькі ў тым выпадку, калі прашэнне было цалкам не задаволена. Пралетарыят Беларусі быў досыць адукаваны, каб напісаць і падаць скаргу ў фабрычную інспекцыю. Прычыны падачы прашэнняў адлюстроўваюць надзённыя інтарэсы радавога прамысловага рабочага грамадства пачатку XX стагоддзя. У мінус такому сродку працоўных для паляпшэння свайго становішча, як падача скаргі, варта аднесці тое, што падаць яе маглі толькі працоўныя цэнзавай прамысловасці. Рамесныя работнікі былі пазбаўленыя гэтага права. Адпаведна памяншаўся маштаб зваротаў рабочых у фабрычную інспекцыю.

Спіс выкарыстанных крыніц і літаратуры

1 Донесение минского губернатора в Департамент полиции от 28 октября 1910 г. // Копии и выписки из архивных документов, хранящихся в отделе истории белорусской государственности Института истории НАН Беларуси. – Фонд 1. – Раздел 4. – Часть 2. – Дело № 7.

2 Донесение начальника Витебского губернского жандармского управления в Департамент полиции о забастовках рабочих от 22 января 1914 г. // Копии и выписки из архивных документов, хранящихся в отделе истории белорусской государственности Института истории НАН Беларуси. – Фонд 1. – Раздел 4. – Часть 2. – Дело № 46.

3 Отчёт фабричного инспектора по 2 участку Витебской губернии за 1914 г. // НИАБ. – Фонд 2592. – Оп. 1. – Дело. 217.

4 Переписка старшего фабричного инспектора Витебской губернии с Витебским губернатором за 1913 г. // НИАБ. – Фонд 2592. – Оп. 1. – Дело. 217.

5 Революционное движение в Белоруссии, июнь 1907 – февраль 1917. Документы и материалы / Главное архивное управление при СМ БССР, Институт истории АН БССР. – Минск: Наука и техника, 1987. – 283 с.

6 Савицкий, Э. М. Рабочее движение в Беларуси (июнь 1907 – февр. 1917 гг.). : дисс. д-ра. ист. Наук / Э. М. Савицкий. – Минск: БелНИЦДААД, 1995. – 295 с.

7 Сводный отчёт старшего фабричного инспектора Минской губернии за 1912 г. // НИАБ. – Ф. 311. – Оп. 1. – Д. 48.

8 Свод отчетов фабричных инспекторов за 1907 г. – Спб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. – 156 с.
9 Свод отчётов фабричных инспекторов за 1909 г. – Спб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. – 195 с.
10 Свод отчётов фабричных инспекторов за 1912 г. – Спб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. – 318 с.
11 Ходатайство рабочих и служащих о восстановлении в правах уполномоченного Я. Ф. Петровского 19 апреля – 28 мая 1914 г. // НИАБ. – Ф. 2674. – Оп. 1. – Д. 22.

***Yauhen Maslouski.* Forms of workers struggle for their rights in 1907–1914 years**. *The analysis of the effectiveness of forms of workers' struggle for their rights in the 1907–1914 biennium. Emphasis is placed over the revolutionary and legal forms of struggle of the workers, the disclosure of such basic forms of struggle of the workers, as the circulation in the factory inspection.*

УДК 329 (477) «1919»

О. Е. Зубко
Винницкий национальный
аграрный университет (Украина)

ГОМЕЛЬСКАЯ НОЯБРЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1919 Г. ЛЕВОГО КРЫЛА УКРАИНСКИХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ГЛАЗАМИ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-Х

Доклад содержит информацию о попытках решения национального и социального вопросов сторонниками левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров. В частности о негласной Гомельской партийной конференции в ноябре 1919 года и последствиях этой конференции в дальнейшей судьбе украинских национал-коммунистов. Оценка итогов Гомельской конференции была дана как профессиональным исследователем украинского национал-коммунистического движения Джеймсом Мейсом, так и украинской политической эмиграцией 1920-х гг. Обе стороны сошлись во мнении о том, что украинский национал-коммунизм уникальное явление – эксперимент, спровоцированное антикрестьянской и антиукраинской политикой большевиков.

В начале XX в. на пространства Европы вырвался призрак коммунизма. Свобода, равенство, братство, счастье всех народов – постулаты нового учения, которое заполонило умы. Было что-то магическое

в этой категорической однозначности. Вот он – давно ожидаемый ответ на все на свете вопросы, проблемы, поиски, жертвенные дерзания!

Большинство интеллектуалов и руководители национально-освободительных движений в странах Восточной Европы восприняли доктрину коммунизма как универсальный ключ решения как мировых, так и их особых, присущих только их народам проблем. Для последних было большим искушение решить абсолютно все проблемы одним ударом. Одним натиском. А марксизм давал в руки могущественное оружие для этого удара….

Нынче, через расстояние времени, мы отказываем многим из деятелей международного коммунистического движения даже в элементарном человеческом достоинстве и добропорядочности. Остро осуждаем их потому, что уже хорошо знаем – лозунги, которые они исповедовали, оказались лицемерными, фальшивыми, что за привлекательным словесным фасадом была скрыта кровавая парадигма Системы, для которой не имели никакой ценности человеческая жизнь, культурные ценности, национальные достояния. Но они этого не знали... Называли себя большевиками, были действительно правоверными коммунистами.

Боротьбисты – одно из основных течений национального коммунизма.

Историческая справка: Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР; популярное название – эсеры), как всеукраинская политическая организация УПСР организовалась в апреле 1917 г. в результате объединения отдельных кружков и групп эсеров, которые существовали в Украине с 1905 г. К руководству партии входила преимущественно студенческая молодежь, в частности, М. Ковалевский, Л. Кузнецов, В. Ализняк, О. Севрюк, П. Христюк, Н. Шраг. Тесно сотрудничал с партией М. Грушевский. В программе УПСР сочетались национальные интересы с идеями либерального народничества. Партия с первых шагов деятельности выдвигала идею национально-территориальной автономии Украины, стояла на почве бесклассовости украинской нации, национализации крупных земельных владений, популяризирует принципы мелкокрестьянского хозяйства. В социальной стратегии ориентировалась на крестьянство и солдатские массы. Определяющим вопросом революционных преобразований партия считала национальный вопрос, а своей конечной целью ставила задачу построения Украинского независимого самостоятельного государства. В своей деятельности среди крестьянства опиралась на «Крестьянский союз», что обеспечило ей надлежащее организационное укрепление и соответствующую социальную базу. В ноябре 1917 г.

в рядах партии насчитывалось 75 тысяч человек. Печатные органы: еженедельная газета «Народная воля» и еженедельник «Борьба».

После большевистского октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде УПСР энергично боролось за то, чтобы не допустить в Украине укрепление позиций Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В первый период Украинской Народной Республики партия имела большинство в Украинской Центральной Раде, члены УПСР входили в состав Генерального секретариата УЦР-УНР и Совета Народных Министров УНР. В правительствах В. Винниченко эсеры руководили работой секретарств: продовольственных дел (М. Стасюк, М. Ковалевский), путей (В. Голубович), почт и телеграфа (Н. Шаповал), П. Христюк занимал должность генерального писаря. В январе–апреле 1918 г. председателем Совета Народных Министров УНР был украинский эсер В. Голубович и большинство министерств в ней возглавляли члены УПСР.

В период Гетманата на IV съезде 13–16 мая 1918 г. партия раскололась на правое и левое крыло. Правые эсеры (так называемое центральное течение – В. Голубович, И. Лизанивский, Н. Шаповал, М. Чечель, Н. Григориев, А. Жуковский, А. Севрюк, П. Христюк и прочие), которые считали революцию завершенной, выступали за проведение легальной оппозиционной деятельности против правительства гетмана П. Скоропадского. Левое крыло (Л. Кузнецов, М. Полоз, Г. Михайличенко, А. Шумский, А. Приходько, П. Любченко, Ю. Мазуркевич и другие) пропагандировали «советскую» форму власти, добивались сотрудничества с большевиками, выступали за организацию подпольной борьбы и подготовку вооруженного восстания против гетманского режима. Захватив доминирующее положение в ЦК, левые эсеры добились устранения из партии «правых» и, объявив роспуск местных организаций, перевели партию на нелегальное положение. Впоследствии эта часть украинских эсеров получила название «боротьбисты» (от названия газеты «Боротьба», которую они издавали) и в марте 1919 г. организационно оформились в Украинскую партию социалистов-революционеров-боротьбистов (коммунистов). Правые эсеры образовали свой организационный центр и основали свою партию (январь 1919-го), которая в апреле 1919 г. вернулась к старому названию – УПСР. Правые эсеры входили в Украинский национальный союз и принимали участие в подготовке и проведении восстания против гетмана П. Скоропадского. Имели «правые» и свои печатные органы: журнал «Трудовая республика» (1918–1919) и газету «Трудовая община» (1917–1919).

При Директории УНР представители УПСР входили в состав правительств В. Чеховского, Б. Мартоса, И. Мазепы. В конце 1919 г. часть

эсеров уехала в эмиграцию, где отстаивала принцип «диктатуры трудовых масс» (Н. Шаповал, Н. Григориев). В 1920 г. в Вене была создана «Зарубежная делегация УПСР» (М. Грушевский, М. Шраг, П. Христюк, Н. Чечель, Д. Исаевич и другие), выступавшая за превращение УНР в «советскую республику». В 1920–1922-х гг. ЗД УПСР издавала непериодический орган «Борітесь-поборете» (редакторы П. Христюк и М. Чечель). В тех же 1920-х гг. партия претерпела очередные расколы и, фактически, как организация перестала существовать.

В 1921 г. в Харькове состоялся показательный судебный процесс над членами ЦК УПСР. В 1924 г. большинство членов «Заграничной делегации УПСР» вернулись в УССР и в 1930-х гг. были репрессированы. Оставшиеся эсеры, в 1934 г. объединились и создали в Праге совместный ЦК УПСР за границей (в 1932–1939 гг. издавали непериодический орган «Трудовая Украина» под редакцией Н. Григориева и П. Богацкого) [1].

Почему на исторической арене стало возможным появление украинского национал-коммунизма? На этот вопрос имеются одновременно два ответа: историка, политолога и исследователя Голода 1932–1933 гг. в Украине, магистра и доктора исторических наук Мичиганского университета и Киево-Могилянской академии Джеймса Мейса и, собственно, украинской эмиграции 1920-х гг. Тех, кто ещё недавно творил историю и политику вместе с боротьбистами.

Джеймс Мейс точен в своём определении: украинский национальный коммунизм – это великий эксперимент, преследовавший цель продемонстрировать, что Украина, даже в полном согласии с Россией, имея идентичную с северным соседом идеологию, одинаковый государственно-политический строй, общую партию, единые идеологические и политические ориентиры, могла жить в одной государственной единице как равноправное государство и нация. Причины краха такого эксперимента глубоко поучительны и вовсе не случайны [2].

Украинская эмиграция была детальной по-иному: антикрестьянская и антиукраинская суть большевизма спровоцировала провозглашение идеи «самостоятельности украинской советской власти»: «Национальный вопрос решается нами как одна из проблем социальной программы. Только полное уничтожение социального гнёта может уничтожить национальную неволю». В частности, в одном из своих писем главе Украинской дипломатической миссии в Италии Дмитрию Антоновичу, Симон Петлюра писал: «Нас постигла большая неудача не только из-за предательства галичан (установлено, что ее санкционировал шифрованной телеграммой Петрушевич), не только из-за истощения и неорганизованности нашей, но главным образом

из-за нашей изолированности от мира и той блокады, в которую нас бросила Антанта. А вести борьбу при таких обстоятельствах, да еще создавать при этом государство абсолютно невозможно, и организовать культурно-государственную жизнь также невозможно. Тысячи жертв, море крови, разрушение материальных и культурных ценностей – все это не оправдало бы себя, не имело бы последствий, если бы мы и далее свою борьбу вели в прежних условиях. Народ, особенно крестьяне, одичал, деморализовался и обессилел. Школы в большинстве своем закрыты. Дезориентация. Моя хата с краю – ничего не знаю. Отсутствие чувства долга. Потребности людей натурального хозяйства. Вот что представляет собой Украина по преимуществу. Передвижения армейских частей по территории с реквизициями, повинностью лошадьми – все это раздражает крестьянина, и он сплошь и рядом восстает против всех, создавая волостные республики, которые выделяют из себя комитеты, советы, вожаков-атаманов. Из всех властей, которые крестьянин видел и чувствовал на своей шкуре, больше всего он уважает свою – украинскую, главным образом из-за того, что она меньше всего его трогала, меньше докучала реквизициями и другими формами своего государственного попечительства. Вместе с тем все крестьяне хотят мира-порядка, хотят власти, а больше всего хотят соли… материи, железа и кожи. Кто им эти вещи даст, тот будет ими заправлять, того они будут слушать. И поскольку без этого нельзя ничего сделать на Украине, то понятное дело, что и большевика этого не примут и будут восставать против этого. Большевики снова ставят для себя задачу разоружения «кулаков» и «излишков хлеба». Это старые методы, уже вызывавшие восстания. Реставрируя их, они вызывают рецидивы восстаний. И последние уже начались» [3, с. 260].

А среди бумаг папок архивного фонда 3972 «Украинский высший педагогический институт им. М. Драгоманова в Праге (1923–1933 гг.)» (ЦГАВОВ Украины в г. Киеве) можно не единожды прочесть в безымянных заметках о знаменитом «ленинском танго» – новой экономической политике и политике украинизации, как предвестниках украинского национал-коммунизма, что, несравненно, увязывается со «сменой вех». «Ленинское танго» – «шаг назад, для последующих двух шагов вперёд» дебютировало 21 марта 1921 г. На X партийном съезде Ленин едва сумел убедить соратников в целях компромисса и успокоения страны перейти на Новую Экономическую Политику (НЭП), да и то после опасного Кронштадтского восстания, показавшего крайнее недовольство политикой большевиков. Основная задача НЭПа – успокоить крестьян, оставить им землю, отказаться от насильственной коллективизации, заинтересовать их в увеличении объёмов производства

продуктов. Вместо реквизиций, правительство облагало крестьян умеренным натуральным налогом, уплатив который крестьянское хозяйство могло продавать остальное по свободным ценам. Бедняки вообще освобождались от налога. Оставляя за собой контроль над «командными высотами» (крупная промышленность, банки, транспорт, связь, внешняя торговля), большевистская власть отдавала в аренду предпринимателям небольшие производства и привлекала иностранный капитал.

Ещё любопытней была ситуация с национальной государственностью и общественным строем в Советской Украине. Очевидно, что избытком демократии большевики никогда не страдали, однако, завоевав, но, далеко не подчинив себе Украину, они в 1920-е гг. были здесь в подавляющем меньшинстве, а также были расколоты из-за смерти Ленина, кризиса руководства и ожесточенной борьбы за власть внутри партии. Поэтому они вели политику довольно осторожную и гибкую, а их репрессивный аппарат резко реагировал только на прямые выступления против власти. Если сравнивать со многими «новыми» странами в междувоенный период, например Финляндией, Балтией, Венгрией, Польшей, особенно Болгарией и Румынией, то с точки зрения прав и свобод человека положение в Советской Украине было в 1920-х гг. не столь уж плохим.

До революции большевики всячески пропагандировали свою приверженность «праву наций на самоопределение», а сразу после неё согласились на независимость Польши и Финляндии. Но всплеск ожесточённой национальной борьбы на окраинах бывшей царской России, особенно в Украине, был для них полной неожиданностью, и им пришлось развернуть демагогию о «буржуазном национализме», чтобы оправдать свою борьбу против национальных движений. Поэтому обжёгшись на национальном вопросе, большевики повели национальную политику с осторожностью. Подчинённая Москве партия большевиков полностью контролировала правительство Советской Украины, но она не могла распустить или поглотить его, а трактовала его, хотя бы теоретически, как суверенную власть, тем более, что в Бресте большевики признали даже «буржуазную» Центральную Раду. До 1923 г украинское советское правительство, отдельно от большевистской России, поддерживало отношения на основании 48 международных соглашений, вело внешнюю торговлю и даже начало создавать основы украинской армии. Испытывая недостаток в украино-язычных активистах, большевики даже пошли на союз с осколками партий, входивших в Центральную Раду, Национальный Союз и Директорию: от Украинской социал-революционной партии откололась Украинская

коммунистическая партия (укаписты), а от Украинской социал-демократической партии – Украинская коммунистическая партия боротьбистов (боротьбисты) во главе с Александром Шумским, Василием Блакитным и Николаем Шинкарём; их кооптировали большевики, как партии, имеющие связи с крестьянством. Кроме этого «запоздалого пополнения», было несколько старых большевиков-украинцев, которые отстаивали идею «украинизации большевизма». Среди последних был выдающийся большевик Николай Скрипник – близкий соратник Ленина.

Военные союзы и пакты о взаимопомощи, объединявшие формально независимые советские республики во время гражданской войны, потеряли смысл, поэтому в конце 1922 г. в Москве разгорелась дискуссия о форме государственного устройства. Из-за тяжёлой болезни Ленин участия в ней не брал, что позволило Сталину выдвинуть идею о полном слиянии республик с Россией и предоставлении нациям культурной автономии, что было поддержано многочисленными большевиками-шовинистами. Это вызвало бурю негодования. Вмешался Ленин, который хорошо понимал, что если Россия проглотит остальные республики, то она не только разрушит там слабую поддержку большевиков, но и создаст у колонизированных народов невыгодное впечатление о советской системе. Ленин заявил, что российский национализм и централизм ставят под угрозу будущую мировую революцию, а потому следует «вести смертный бой с великорусским шовинизмом», а советские республики должны образовать «союз равных». Ленин предложил создать федеративное государство на следующих принципах: национальное правительство на своей территории теоретически получало юрисдикцию над сельским хозяйством, внутренними делами, правосудием, юстицией, образованием, здравоохранением, социальным обеспечением; национальное правительство делилось с союзным властью в вопросах производства продуктов питания, рабочей силы, финансов, инспекции и народного хозяйства; в исключительной компетенции Москвы оставались иностранные дела, армия, флот, связь, внешняя торговля. Ленин делал особую оговорку на право республик на свободный выход из союза, но с «маленьким НО» – только при согласии на это жёстко централизованной партии, что делало выход невозможным. Хотя у украинцев было много замечаний, они согласились на предложения Ленина, ибо это было намного лучше, чем идеи Сталина. Так 30 декабря 1922 г. представители Российской, Белорусской, Закавказской и Украинской советских республик подписали договор, основав Союз Советских Социалистических Республик.

Подчинив национальные республики, большевики оставались там крошечной, преимущественно российской и городской организацией. Поэтому в 1923 г. на XII съезде большевики объявляют курс на «коренизацию» – привлечение в партию и госаппарат представителей местных наций, изучение и использование местных языков, поддержку культуры местных народов. Украинский вариант коренизации назывался «украинизацией».

Твердолобые шовинисты были отстранены от руководства в Украине. Компартию возглавил Лазарь Каганович – украинский еврей, который был готов вести линию на украинизацию. Правительство возглавил Влас Чубарь, наркомом образования стал А. Шумский, а юстиции – Н. Скрипник. В вопросе украинизации большевики пошли своим излюбленным методом: «Учи украинский! Не выучишь – уволим! Возражаешь – несогласие с «линией партии» со всеми вытекающими отсюда последствиями!» В 1923 г. всех партийно-государственных клерков заставили пройти специальные курсы украинского языка, а тем, кто не сумел успешно это сделать, грозило увольнение. В 1925 г. чиновников обязали пользоваться только украинским языком. В 1927 г. Каганович заявил, что всё партийное деловодство будет вестись на украинском языке. В 1923 г. в администрации и партии украинцы составляли 35 % и 23 %, а в 1927 – 54 % и 52 %. Развивалась школа, пресса, театр и литература, была ликвидирована окончательно безграмотность. И вот на этом фоне возникло явление под названием «национальный коммунизм». Почему? Ответ один: устойчивая связь между украинским движением и социализмом, как ведущей идеологией XX века.

Но вернёмся к Гомельской партийной конференции 1919 г. Напомним, что Коммунистическая партия (большевиков) Украины самостоятельно просуществовала лишь до апреля 1918 г., когда была провозглашена резолюция о её подчинении РКП(б). Этот факт подтвердил III съезд КП(б)У, который состоялся в начале марта 1919 г. в Харькове. На съезде представитель РКП(б) Свердлов требовал ликвидации областных комитетов КП(б)У, а саму КП(б)У провозгласил областной организацией РКП(б), хотя и со своим собственным Центральным комитетом.

Зависимый статус КП(б)У был утверждён VIII съездом РКП(б), который состоялся в Москве 18–23 марта 1919 г. В резолюции по вопросу подчинения акцентировалось внимание на «единственной централизированной коммунистической партии, которая должна руководить всей партийной работой, а все решения РКП(б) и её руководящих структурных единиц являются обязательными для всех отделов партии независимо от национального состава» [4; с. 41].

Это постановление Москвы очень не понравилось укапистам и боротьбистам. Первые слишком уж решительно выступили против российских сотоварищей. Кроме того, много было нареканий и в самой партийной среде укапистов. Поэтому, «Соломоновым решением» и стало проведение тайного партийного заседания в Гомеле в ноябре 1919 г. Тайного потому, что заседание официально было запрещено ЦК РКП(б).

В Гомеле в критике соревновались между собой группа федералистов под руководством Юрия Лапчинского и группа Дмитрия Мануильского. Больше всего внимания было уделено национальному вопросу. Свой взгляд на национальный вопрос укаписты и боротьбисты изложили в Меморандуме к ЦК РКП(б): «Главной ошибкой в политике КП(б)У было отсутствие ведущего центра, который бы имел органичную связь с революционными массами Украины… Центр, который имеем, не смог справится с поставленным заданием по причине своей оторванности от украинской революционной стихии. Он смотрит на всё с позиции узкого централизма, упуская из поля зрения, что ход революции был далеко не одинаков, что Украина не может принять готовые формы жизни, которые были разработаны и апробированы в России и Россией. Сквозь всю политику КП(б)У красной нитью проходит большое недоверие к украинским группам и ориентация на украинские группы, хотя и некомммунистические, но не зараженные «сепаратизмом….. Получается, что Украина была лишь объектом для выкачивания материальных ресурсов» [5, с. 184–185].

Практические предложения Меморандума содержали, в частности, идею объединения укапистов и боротьбистов «для возобновления советской власти в Украине». Но при этом отмечалось, что ведущая роль при этом должна принадлежать украинскому, а не московскому центру.

Гомельская конференция имела все предпосылки собрать воедино распыленные силы Украинской революции. Но из Москвы пришла телеграмма с указанием Затонскому и Косиору немедленно распустить конференцию, а когда это оказалось невозможным, то любую правомочность Гомельской конференции уничтожить принятием решения о создании в Москве Всеукраинского революционного комитета в составе трех большевиков, одного боротьбиста и одного борьбиста (Раковский, Мануильский, Затонский, Качинский, Гринько). Одновременно Ленин подписал решение о создании мобильного партийного центра, который должен взять на себя руководство партийной работой в Украине. Таким образом, Ленин сумел заблокировать деятельность украинских национальных коммунистов и возросшую угрозу социального взрыва в Украине под антибольшевистскими лозунгами,

который, в силу своего воздействия и авторитета, могли возглавить именно национальные коммунисты. Не считаться с этой опасностью большевики не могли. В этих условиях полностью проявилось коварство, иезуитский характер ленинской политики. Московский центр взял курс на организационное разъединение боротьбистов, борьбистов и укапистов. Среди лидеров украинских национальных коммунистов велась активная пропаганда за их переход в ряды большевиков. В то же время по всему фронту развернулась атака на тех украинских коммунистов, которые выступали за независимость Украины от России.

В 1920 г. Ленин с триумфом провозгласит: «Раз враг двигается зигзагами, а не по прямой линии, то мы должны идти за ним следом и ловить его на зигзагах. Мы обещали боротьбистам максимум уступок, но с тем, что они будут вести коммунистическую политику. Таким образом мы доказали, что ни малейшей нетерпимости нет. И что эти уступки сделаны вполне правильно, доказывается тем, что все лучшие элементы боротьбистов вошли теперь в нашу партию. Мы эту партию перерегистрировали и вместо восстания боротьбистов, которое было совершенно неминуемым, мы получили благодаря правильной линии ЦК, прекрасно проведенной т. Раковским, то, что все лучшее, что было среди боротьбистов, вошло в нашу партию под нашим контролем, по нашему признанию, а остатки исчезли с политической сцены. Эта победа стоит пары хороших битв» [6].

Таким образом, Гомельская партийная ноябрьская конференция 1919 г. стала предвестником планомерного наступления Москвы на Украинское Возрождение, о чём не единожды и не в единственном лице предупреждала украинская эмиграция 1920-х гг.

Список использованных источников и литературы

1 Нестеренко, В. А. Діяльність УКП(б) на Правобережній Україні. Історія. Збірник праць [Електронний ресурс] / В. А. Нестеренко. – Джерело доступу: http://politics.ellib.org.ua/pages-5003.html.

2 Мейс, Джеймс. Великий эксперимент. К истории национального коммунизма в Украине / Д. Мейс // http://www.day.kiev.ua 26 ноября 1996 г.

3 Симон, Петлюра. Главный атаман. В плену несбывшихся надежд / Симон Петлюра ; под редакцией М. Поповича и В. Мироненко. «Библиотека украинской мысли». – М.–Санкт-Петербург: Изд-во «Летний сад», 2008. – 480 с.

4 Голуб, В. (Голубничий). Конспектний нарис історії КП(б)У / В. Голуб. – Мюнхен, 1957. – 240 с.

5 Гунчак, Т. Україна. Перша половина XX століття: Нариси політичної історії / Т. Гунчак. – К.: Либідь, 1993. – 288 с.: іл.

6 Мейс, Джеймс. Великий эксперимент. К истории национального коммунизма в Украине / Д. Мейс // http://www.day.kiev.ua 26 ноября 1996 г.

Olga Zubko. **Gomel conference in November 1919 the left wing of the Ukrainian socialist-revolutoonaries through the eyes of Ukrainian political emigration of the 1920s**. *The report contains information about attempts to resolve national and social issues supporters of the left wing of the Ukrainian party of socialist revolutionaries. In particular unspoken Gomel party conference in November 1919 and the impact of this conference in the future of Ukrainian national Communists. Evaluation of the outcome of the Gomel conference was given as a professional researcher of Ukrainian national Communist movement by James Mace, the Ukrainian political emigration of the 1920s. Both sides agreed that Ukrainian national communism unique phenomenon – experiment provoked against the peasant and anti-Ukrainian policy of the Bolsheviks.*

УДК 321.011(476) "192"

А. А. Райчонак

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны універсітэт

ПРАЦЭС СТАНАЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў 20-Х ГГ. XX СТ.: АСНОЎНЫЯ ПРАБЛЕМЫ І ЗДАБЫТКІ

Публікацыя прысвечана разгляду праблем станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове, ў перыяд 20 гг. XX ст. Разглядаюцца падыходы прадстаўнікоў разных плыняў беларускага нацыянальнага да працэсу увасаблення беларускай дзяржаўнасці. Асвятляецца працэс дзяржаўнага будаўніцтва ў азначаны перыяд. Робіцца спроба абгрунтаваць перыядызацыю станаўлення беларускай дзяржаўнасці ў 20-х гг. XX ст., вызначыць змест і сутнасць яе асноўных этапаў.

Перыяд 1920-х гадоў у гісторыі беларускай дзяржаўнасці характарызуецца: працягам вайны з Польшчай; спробамі стабілізаваць становішча ў стомленым вайной рэгіёне; падпісаннем Рыжскага мірнага дагавора з падзелам Беларусі; фіксацыя беларускай дзяржаўнасці ў выглядзе II-ой ССРБ і нядоўгім часам існавання Беларусі як фармальна незалежнай дзяржавы; утварэннем СССР, вяртаннем ў склад БССР усходніх тэрыторый: самаліквідацыя Рады міністраў БНР і прыняцце II-й Канстытуцыі БССР. Па насычанасці падзей дадзенае дзесяцігоддзе можа лічыцца адным з самых нагружаным у гісторыі Беларусі.

Пасля уздыму 1918–1919 гг. у 1920–1921 гг. падзеі разгортваліся для Беларусі не лепшым чынам. Сцэнарый, які здзейсніўся, быў

найгоршым з магчымых (зразумела за выключэннем поўнай ліквідацыі ўсякай формы беларускай дзяржаўнасці), нацыянальна-дэмакратычны кірунак фактычна вычарпаў сабе, адзіная наяўная форма беларускай дзяржаўнасці – БССР існуе ў межах 6 паветаў Мінскай губерні, тэрыторыя падзеленая паміж Польшчай і Расіяй, грамадства расколатае. Але да станоўчага можна аднесці: па-першае, сам факт наяўнасці хаця б якой дзяржаўнасці; па-другое – барацьба за кансалідацыю Беларусі не была спынена, што ў далейшым дало свае станоўчыя вынікі. Рыжскі мір правёў своеасаблівую рысу пад першай спробай рэалізацыі ідэі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці, між тым з працэсам утварэння СССР, распачынаецца і новы этап.

Праблема існавання беларускай дзяржаўнасці пасля ўтварэння СССР да сённяшняга моманту не атрымала дастатковага тлумачэння ў нацыянальнай гістарычнай навуцы. Пасля змены гістарычнай парадыгмы ў канцы 80-х – пачатку 90-х гадоў узнікла некалькі накірункаў у даследаванні праблемы беларускай дзяржаўнасці, кожным з якіх прадпрымаліся спробы выпрацаваць пэўны метадалагічны падмурак для сваёй канцэпцыі, але гэтыя спробы, на наш погляд, нельга лічыць удалымі. Асаблівыя цяжкасці ўзнікаюць пры тлумачэнні статусу БССР у складзе СССР. Калі савецкая гістарычная школа адназначна сцвярджала, што БССР – гэта цалкам незалежная дзяржава, якая добраахвотна ўвайшла ў СССР і, нягледзячы на перадачу пэўных паўнамоцтваў цэнтральнаму кіраўніцтву, захоўвала ўсе прыкметы дзяржаўнага суверэнітэту, то іх апаненты ўвогуле не былі схільны разглядаць БССР у якасці дзяржаўнага ці пераддзяржаўнага ўтварэння. Здаецца, і тое, і другое з’яўляецца перабольшваннем. Зразумела, поўным суверэнітэтам БССР не валодала, але нельга адмаўляць і той факт, што пасля распаду СССР атрымаць і замацаваць незалежнасць змаглі толькі тыя краіны, якія на момант распаду мелі статус саюзнай рэспублікі.

Беларускае кіраўніцтва, пачынаючы з другога абвяшчэння ССРБ, прадпрымала спробы вярнуць усходнія тэрыторыі. Прыведзеная пастанова распачала новы этап на гэтым накірунку, які ў рэшце рэшт скончыўся поспехам.

Тут трэба зазначыць, што хаця ініцыятыва і зыходзіла з Беларусі, вырашэнне дадзенай праблемы было цалкам у руках цэнтральнага кіраўніцтва, што і прадвырашыла непаслядоўнасць канкрэтных крокаў пры ўзбуйненні тэрыторыі рэспублікі. У выніку так і не ўдалося вярнуць тры паветы Віцебскай губерні (Веліжскі, Невельскі і Себежскі), тое ж самае тычыцца і беларускай часткі Смаленскай губерні (паветы, далучаныя да яе, раней уваходзілі ў Магілёўскую губерню). Кіраўніцтва СССР пры вырашэнні дадзенага пытання зыходзіла не столькі

з этнаграфічных, колькі з эканамічных меркаванняў, звязаных з гаспадарчым раяніраваннем СССР. Зразумела, улічваліся і палітычныя фактары, напрыклад, негатыўная рэакцыя беларускай замежнай інтэлігенцыі на пастанову Дзяржплана аб прызначэнні Смаленска, а не Мінска цэнтрам Заходняй вобласці.

Усё гэта выклікала разнастайную рэакцыю сярод беларускай інтэлігенцыі. Большая частка ўспрыняла гэтыя падзеі станоўча, але значная частка палічыла дадзены працэс незавершаным. Так В. Ластоўскі ў артыкуле «Новы падзел Беларусі» пісаў пра тое, што, на яго погляд, па самых мінімальных падліках, нягледзячы на першае ўзбуйненне, па-за межамі Беларусі засталося 74 320 тыс. кв. верст этнічных тэрыторый з 3 326 тыс. насельніцтва [1, с. 335].

Нягледзячы на гэта, узбуйненне Беларусі можна лічыць перамогай беларускіх камуністаў, якім удалося пераламіць супраціўленне губернскіх улад і пераканаць цэнтральнае кіраўніцтва ў палітычнай і эканамічнай мэтазгоднасці ўзбуйнення. Фактычна з гэтага часу БССР магла прэтэндаваць на ролю адзінага беларускага цэнтру, што на фоне пагаршэння становішча беларусаў у Польшчы выглядала зусім натуральна. Акрамя таго, беларускае кіраўніцтва не пакідала спроб па вяртанню застаўшыхся тэрыторый.

Другое ўзбуйненне (1926 г.) для беларускага кіраўніцтва было не такім паспяховым. З 9 паветаў, на якія прэтэндавала Беларусь, было вернута толькі два, і на гэтым цэнтральнае кіраўніцтва канчаткова вырашыла закрыць пытанне. Такое рашэнне па сутнасці было палітычным і зыходзіла з таго мінімуму, які мог бы задаволіць зацікаўленыя бакі.

Увогуле ўзгаданы час характарызуецца супярэчлівымі тэндэнцыямі ў развіцці беларускага нацыянальнага руху. З аднаго боку, назіраецца збліжэнне часткі нацыянальна-дэмакратычнага накірунку з прадстаўнікамі савецкай арыентацыі, а з другога – адбываецца канчатковы разрыў камуністаў з той часткай нацыянал-дэмакратызму, з якой не атрымалася дамовіцца, што прывяло да паступовай дыскрэдытацыі нацыянальнай ідэі ў БССР.

Трэба адзначыць, што ў гэтым працэсе назіраліся пэўныя хістанні. Так у заяве прадстаўніка Беларусі на Х Усерасійскім з’езде Саветаў А. Чарвякова ў снежні 1922 г. прадстаўнікі Беларускай Рады прама залічваліся ў здраднікі беларускага народа [3, с. 203], а ўжо ў наступным годзе для прадстаўнікоў эміграцыі, якія не выступалі са зброяй у руках супраць савецкай улады, абвяшчаецца шырокая амністыя.

Акрамя таго, да супярэчнасцяў можна аднесці і той факт, што страта значнай часткі суверэнітэту пасля стварэння СССР не прывяла

да згортвання нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў дадзены перыяд ў БССР, болей таго, ажыццяўленне палітыкі беларусізацыі ва ўзгаданый час прывяло да ўздыму беларускай культуры і згуртавання беларускіх сіл на савецкай аснове.

Што тычыцца сітуацыі ў Савецкай Беларусі, то яна была не менш, а можа і больш складанай. Сярод кіраўніцтва БССР было шмат сапраўдных патрыётаў сваёй краіны, таму яны не маглі без болю ўспрыняць падзел Беларусі які адбыўся ў Рызе. У гэтай абстаноўцы даволі лёгка было страціць веру ў перспектыву беларускага руху. Але адбываецца ўзбуйненне тэрыторыі рэспублікі, якое выклікала ўздым спадзяванняў ва ўсіх беларускіх палітычных колах на хуткае, канчатковае вырашэнне беларускага пытання.

У дадзеных абставінах БССР пачынае выглядаць як ядро, вакол якога павінны гуртавацца ўсе палітычныя сілы Беларусі. З другога боку, палітыка беларусізацыі аб’ектыўна стварала спрыяльныя ўмовы для развіцця беларускай культуры, што на фоне яўна антыбеларускай палітыкі польскага ўрада ў Заходняй Беларусі вабіла да сябе ўсе нацыянальна-культурныя колы па той бок мяжы. У дадатак, новая эканамічная палітыка савецкага ўрада выклікала спадзяванні на паступовую эвалюцыю расійскага камунізму ў бок сацыял-дэмакратызму.

Акрамя таго, трэба было прыстасоўвацца да новай сітуацыі, а неабходна заўважыць, што тэарэтычна, у юрыдычна-дзяржаўным аспекце, нішто не замінала лічыць БССР незалежнай дзяржавай, якая знаходзіцца ў раўнапраўным саюзе з іншымі савецкімі рэспублікамі. У главе другой, пункце 3 першай Канстытуцыі СССР было запісана: «Суверэнітэт саюзных рэспублік абмежаваны толькі ў рамках, вызначаных у дадзенай Канстытуцыі, і толькі па пытаннях, аднесянных да кампетэнцыі Саюзу. Па-за гэтымі межамі кожная саюзная рэспубліка ажыццяўляе сваю дзяржаўную ўладу самастойна; Саюз Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік ахоўвае суверэнныя правы саюзных рэспублік» [3].

Што ж тычыцца беларускага замежжа, то яно не ўяўляла сабой адзінага цэлага, а прадстаўляла цэлы шэраг звязаных паміж сабой палітычных груповак. Гэтыя групы не былі аднароднымі ні па складу, ні па становішчу ўнутры краіны знаходжання, ні па ўплыву на падзеі. Фактычна яны групаваліся вакол трох цэнтраў. Найбольш шматлікай была групоўка ў Заходняй Беларусі, якая таксама распадалася на некалькі накірункаў пераважна па прынцыпу знешнепалітычнай арыентацыі і метадах палітычнай барацьбы. Нягледзячы на тое, што фактычна ўсе яны мелі агульную палітычную платформу, якая грунтавалася на непрызнанні Рыжскай мірнай дамовы

і неабходнасці развіцця нацыянальнага жыцця беларусаў у ІІ Рэчы Паспалітай, меліся паміж імі і значныя адрозненні.

1923 г. з'явіўся пераломным і ў гісторыі БНР. 15 красавіка Савет паслоў Антанты прымае дадатковы пратакол да Версальскага дагавору, які замацаваў міжнароднае прызнанне межаў, усталяваных Рыжскім мірным дагаворам. Як ужо казалася вышэй, стабілізацыя палітычнага і эканамічнага становішча ва Ўсходней Еўропе прывяла да таго, што беларускае пытанне пачынае разглядацца як нешта непатрэбнае ці нават небяспечнае.

З гэтай нагоды прадстаўнікі БНР і арыентаваныя на яе партыі паступова страчвалі падтрымку з боку ўрадаў іншых краін. Даўжэй за ўсіх яны атрымлівалі падтрымку з боку кіраўніцтва Літвы, але пасля канчатковага далучэння ў 1923 г. «Сярэдняй Літвы» да Польшчы і яно паступова страчвае цікавасць да беларускага пытання. Увогуле палітыка літоўскага ўрада ў гэтым годзе рэзка пачынае мяняцца, сведчаннем чаго могуць быць наступныя радкі з ліста старшыні рады БНР П. Крачэўскага, напісанага 30 ліпеня 1923 г. прадстаўніку БНР у Чэхаславакіі: «Беларуская акцыя ў Літве лопнула. Свядома ці не свядома Літва адмовілася даць правы і адпаведную дапамогу жыхарству Віленшчыны, а тым самым і злажыла з нас абавязкі падтрымліваць братнія суседскія адносіны ў стасунку да Літвінаў» [4, с. 1420]. У выніку гэтага 1 лістапада 1923 г. Прэзідыум Рады і ўрад БНР былі вымушаны пакінуць Літву і пераехаць у Чэхаславакію. З гэтага часу цэнтрам беларускай палітычнай эміграцыі становіцца Прага.

У 1925 г. кіраўніцтвам БССР фактычна быў распрацаваны план, скіраваны на ліквідацыю БНР. Распачало гэты працэс пасяджэнне бюро ЦК КП(б)Б, якое адбылося 6 студзеня 1925 г., на якім было прызнана мэтазгодным ліквідаваць «беларускі народны ўрад», аднак такім чынам, каб гэта суправаджалася дэкларацыяй дадзенага ўрада на карысць Савецкай Беларусі [5, арк. 6]. Дакладней кажучы, такая ініцыятыва зыходзіла з Масквы, паколькі дакладваў па гэтаму пытанню М. Ітві, які з'яўляўся ўпаўнаважаным наркамата замежных спраў СССР пры ўрадзе БССР, а ў маі абмяркоўвалася пасылка прадстаўнікоў БССР на нараду ў Маскву пры НКЗС па беларускаму пытанню.

Але на практыцы адбывалася не ўсё так гладка. Спачатку бальшавікі апасаліся супрацьдзеяння канферэнцыі групы Ластоўскага, потым узнікла непаразуменне з самім А. Цвікевічам. Складанасць абстаноўкі выявілася яшчэ і ў тым , што падрыхтоўка да дадзенай канферэнцыі вялася патаемна ад старшыні Рады БНР П. Крачэўскага, які адмаўляў ідэю любых перамоў, калі яны не вяліся зыходзячы з прынцыпу «незалежнасці і непадзельнасці» Беларусі.

Вось на такіх умовах 15 кастрычніка 1925 г. адбываецца II Ўсебеларуская канферэнцыя ў Берліне, на якой прысутнічалі 17 дэлегатаў. Дадзеная канферэнцыя прыняла пастанову Рады Народных Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі, у якой казалася: «У свядомасці таго, [што] улада сялян і работнікаў, замацаваная ў Менску – сталіцы Радавай Беларусі, запраўдна імкнецца адрадзіць Беларускі народ культурна, эканамічна і дзяржаўна, што Радавая Беларусь ёсьць адзіная рэальная сіла, якая можа вызваліць Заходнюю Беларусь ад польскага іга, у поўным паразуменьню з краявымі арганізацыямі, ПАСТАНАВІЛІ: спыніць існаваньне Ўраду Беларускай Народнай Рэспублікі і прызнаць Менск адзіным цэнтрам нацыянальна-дзяржаўнага адраджэння Беларус» [5, с. 1632].

Фармальна прадстаўнікі Савецкай Беларусі дабіліся свайго, але на самой справе ўсё было не так гладка, паколькі Прэзыдыум Рады БНР рашэнні канферэнцыі не прызнаў. Па-першае, гэта супярэчыла ранейшым пастановам Рады, па водле якіх урад не мог прымаць самастойныя рашэнні, а таксама збірацца паасобна ад Прэзідыума Рады БНР. Па-другое, Цвікевіч быў толькі выконваючым абавязкі Старшыні Рады Міністраў. Больш таго, напярэдадні канферэнцыі яе ўдзельнікі склалі з сябе афіцыйныя абавязкі і прымалі ў ёй удзел як прыватныя асобы.

Такім чынам, цалкам ліквідаваць стуктуры БНР не атрымалася. Але пасля 1925 г. усё болей і болей прадстаўнікоў эміграцыі перабіраецца ў Беларусь ці паступова адыходзіць ад палітычнай дзейнасці. Фактычна толькі невялікая група беларускай палітычнай эміграцыі, што гуртавалася вакол Старшані Рады БНР П. Крачэўскага, засталася вернай Беларускай Народнай Рэспубліцы і так і не прызнала Савецкую Беларусь. Між тым беларуская дзяржаўнасць канчаткова замацоўваецца ў выглядзе савецкай рэспублікі, што знайшло сваё адлюстраванне ў II другой канстытуцыі БССР 1927 г.

Такім чынам, падсумоўваючы вышэй сказанае, можна зазначыць, што ўвасабленне беларускай нацыянальнай ідэі адбылося не ў поўным аб’ёме. Гэта абумоўлівалася і адноснай слабасцю нацыянальна-дэмакратычнай плыні беларускага руху, і своеасаблівым разуменнем праблем дзяржаўнасці сярод беларускіх камуністаў, якія былі схільныя ставіць на першы план класавыя, а не нацыянальныя пытанні. З другога боку, культурніцкая складаючая нацыянальнай ідэі была рэалізавана амаль у поўным аб’ёме. Гэта і адкрыццё беларускіх школ, і стварэнне сістэмы вышэйшай адукацыі, і падтрымка беларускай культуры з боку дзяржавы, і шмат іншае, што атрымала абагульняючую назву – беларусізацыя. У нейкім сэнсе гэта дэзарыентавала прадстаўнікоў беларускага руху як нацыянальна-демакратычнага, так і савецкага лагера, што, у сваю чаргу,

з усталяваннем у СССР таталі-тарнага рэжыму прывяло да таго, што іх сталі разглядаць у якасці ворагаў улады, а потым менавіта на іх прыйшоўся галоўны ўдар сталінскіх рэпрэсій на Беларусі.

Спіс выкарыстанных крыніц і літаратуры

1 Ластоўскі, В. Новы падзел Беларусі / В. Ластоўскі // Выбраныя творы ; уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск: Бел. кнігазбор, 1997. – 514 с.: іл.

2 По воле народа: Из истории образования БССР и создания КПБ: Документы и материалы. – Минск: Беларусь, 1987. – 256.

3 Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1987. – 367 с.

4 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : у 2 кн. ; уклад. С. Шупа. – Вільня – Нью-Ёрк – Менск – Прага: БІНіМ. Тав-ва бел. пісьменства, 1998. – Т. 1, кн. 2. – С. 851–1721.

5 НАРБ. – Ф. 4. – Воп. 3. – Спр. 6. – Арк. 6.

***Alaksandr Raychonak.* The process of Belarusian statehood formation in the 1920s: key issues and heritage.** *The publication is devoted to the problems of formation and development of Belarusian statehood on the Soviet basis in the 1920s. Representatives' approaches based on the various trends of the Belarusian national process of the Belarusian statehood embodiment are analyzed in the article. It illuminates the process of state-building in the mentioned period. An attempt to justify the periodization of formation of the Belarusian statehood in the 1920s as well as to determine the content and essence of its main stages has been made.*

УДК 94(477)"1924-1940"

В. А. Тучинський, О. В. Садовнік

Вінницький державний педагогічний університет
ім. М. Коцюбинського

МОЛДАВСЬКА АВТОНОМНА РАДЯНСЬКА СОЦІАЛІСТИЧНА РЕСПУБЛІКА У СКЛАДІ УРСР 1924–1940 РР. І АДМІНІСТРАТИВНІ ЗМІНИ НА ТЕРИТОРІЇ ПРИДНІСТРОВ'Я

У статті досліджуються територіально-адміністративні зміни, що відбулися на лівобережжі Дністра в період утворення та ліквідації Молдавської Автономної Радянської Соціалістичної Республіки. В ній простежується еволюція чисельності та національного складу населення регіону.

Українсько-молдавське порубіжжя є надзвичайно цікавим та мало вивченим історико-етнографічним регіоном. На лівобережжі Дністра із давніх часів проживають представники двох сусідніх народів – українського і молдавського, що доповнюють та збагачують один одного.

Особливе місце в історії обох народів займає Молдавська Автономна Радянська Соціалістична Республіка, що існувала в складі УРСР на лівобережжі Дністра із 1924 до 1940 рр. її утворення призвело до значних змін адміністративно-територіального устрою в регіоні.

Питання пов'язані із утворенням МАРСР та формуванням її території мало привертали увагу істориків як України, так і Молдови. В Україні цю проблему досліджували В. Боєчко, О. Ганжа та Б. Захарчук [1]. У науковій розвідці В. Сергійчука [2] досліджується процес формування адміністративних кордонів у Придністров'ї в міжвоєнний період. Із істориків Молдови відмітимо монографію А. Репіди [3], в якій досліджуються історичні передумови утворення Республіки. Окремі проблеми історії МАРСР вивчаються істориками самопроголошеної Придністровської Молдавської Республіки [4]. Однак, багато проблем розглядаються ними тенденційно. Це стосується, зокрема, місця і ролі молдавського населення Придністров'я в утворенні Молдавської Автономної Республіки.

Автори статті ставить завдання дослідити адміністративно-територіальні зміни, що відбулися на лівобережжі Дністра в період утворення та ліквідації МАРСР.

Територія лівобережного Придністров'я остаточно була приєднана до Росії після Ясського мирного договору між Російською і Османською імперіями 1792 року. З кінця XVIII і до початку XX століття Придністров'я не складало єдиної територіально-адміністративної одиниці. Південна його частина входила до складу Тираспольського повіту Херсонської губернії, а північна – Балтського та Ольгопільського повітів Подільської губернії. У відповідності до постанови Всеукраїнського Ревкому від 28 січня 1920 року Тираспольський повіт було включено до новоствореної Одеської губернії, а у березні 1920 року до її складу було передано і Балтський повіт [5, с. 4]. Ще раз адміністративні зміни меж повітів було проведено у травні 1920 року, коли до Балтського повіту було передано більшість волостей розформованого Ананьївського повіту.

На початку березня 1923 року у зв'язку із ліквідацією повітів і волостей та утворення округ і районів лівобережні райони Придністров'я входили до складу Одеської та Балтської округ Одеської губернії і Тульчинської округи Подільської губернії [6, с. 88].

Рішення про утворення МАРСР було прийнято на III сесії Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету восьмого скликання 12 жовтня 1924 року в Харкові – тодішній столиці України. Молдавську делегацію на сесії очолювали Г. Старий та П. Кіор-Янакі. Із доповіддю на сесії виступив голова Раднаркому Української РСР В. Чубар. Він з більшовицькою прямотою заявив, що керівництво України, враховуючи тимчасову окупацію Бессарабії, вирішило включити до складу Автономної Республіки населені пункти та адміністративні райони, в яких молдавське населення не складає більшості. На завершення В. Чубар висловив надію, що обрана форма державності буде сприяти розвитку соціалістичної Молдавії і мати велике значення для трудящих Бессарабії в їх боротьбі за воз'єднання з радянською батьківщиною [7, с. 5–6].

Сесія ВУЦВК прийняла постанову про утворення Молдавської Автономної Республіки та визначила її кордон. З північного-заходу він проходив по межі населених пунктів Грушка та Окниця Велико-Кісницького району Тульчинської округи Подільської губернії, далі по межі Кам'янського району Тульчинської округи. Із сходу по східному кордону с. Михайлівки в напрямку м. Ананьїва та Тирасполя, далі по Кучурганському лиману. З заходу та південного-заходу по державному кордону СРСР [8, с. 53]. Пізніше лінія адміністративного поділу між Одеською і Подільською губерніями УРСР та МАРСР кілька разів уточнювалась і остаточно була встановлена лише у травні 1926 року.

До складу Молдавської Автономної Республіки увійшла також частина районів Балтської та Одеської округ Одеської губернії та декілька населених пунктів Тульчинської округи Подільської губернії. Від Балтської округи до МАРСР відійшли Балтський, Олексіївський та Крутянський райони, а також три населених пункти Валегуцулівського району, від Одеської округи – Дубосарський, Григоріопольський, Тираспольський та Слободзейський райони, від Тульчинської округи – Кам'янський район. На початку свого існування територія республіки була поділена на 12 районів: Балтський, Олексіївський, Бирзульський, Рибницький, Ставровський, Ананьївський, Крутянський, Кам'янський, Дубосарський, Григоріопольський, Тираспольський та Слободзейський. У відповідності до постанови ВУЦВК і РНК УРСР від 13 травня 1925 року Ставровський район було розформовано, Олексіївський перейменовано у Красно-Окнянський, Крутянський в Кодимський. Загальна площа республіки склала 8,1 тис. кв. км [9, с. 41–42].

На заході та південному-заході кордон Автономної Республіки, як зазначалося вище, співпадав з лінією державного кордону СРСР. Це означало, що до складу Молдавської АРСР де-юре включалась

і територія Бессарабії. Виступаючи 26 жовтня 1924 року на одному із мітингів, народний комісар юстиції Української РСР М. Скрипник заявив: “Ми вважаємо кордон не по річці Дністер, а Прут. Нехай тимчасово капіталісти тримають в своїх руках Бессарабію – це питання факту, але не права. Право на нашому боці. На нашій карті червоною лінією обведена і Бессарабія, бо Бессарабія повинна стати частиною МАРСР” [10, с. 2].

Розподіл матеріальних цінностей між Автономною Республікою з одного боку, Одеською та Подільською губерніями – з іншого, відбувався на засіданнях спеціально створених паритетних комісій. На території, що увійшла до складу Республіки, було збережено структуру міських, районних та сільських адміністративних одиниць, установ та організацій, що перейшли у підпорядкування Ревкому МАРСР з усім обслуговуючим персоналом та майном [11, с. 69].

Досліджуючи адміністративно-територіальні зміни в період створення Автономної Республіки, не можна залишити поза увагою чисельність та національний склад її населення. В офіційних документах організатори утворення Республіки шляхом фальсифікацій завищили долю молдавського населення. Голова Раднаркому УРСР В. Чубар, виступаючи на сесії ВУЦВК про необхідність утворення Автономної Республіки, вказав, що молдавани складають 58 % населення Придністров’я [7, с. 48]. Через рік після утворення Республіки голова її Ревкому Г. Старий, опираючись на матеріали спеціальної комісії, дав таку характеристику національного складу МАРСР: українці – 38,8 %, молдавани – 32,1 %, росіяни – 11,7 %, євреї – 11,3 %, представники інших національностей – 6,1 % [4, с. 95]. Однак, найточніші данні, що реально відображали національний склад Автономної Республіки, були отримані за наслідками перепису населення 1926 року. Загальна чисельність її населення склала 572,5 тис. осіб, із них українців – 277,5 тис. (48,5 %), молдаван – 172,4 тис. (30,1 %), росіян – 48,9 тис. (8,5 %), євреїв – 48,6 тис. (8,5 %), представників інших національностей – 24,9 тис. (4,4 %). Молдавани складали більшість лише у трьох районах республіки із 12, а саме: Дубосарському – 67 %, Слободзейському – 64,7 % та Григоріопольському – 45,7 % [12, с. 19–20].

Відразу після утворення Автономної Республіки виникли проблеми пов’язані із неможливістю розміщення у Тирасполі керівних органів влади та управління через відсутність необхідних приміщень та надзвичайно складну ситуацію, що склалася на кордоні СРСР і Румунії по р. Дністер. Більшовицька влада рішуче не визнавала такого кордону. Тому 26 листопада 1924 року керівництво УРСР прийняло рішення про розформування Балтської округи Одеської губернії та включення

Балтського району з м. Балта до складу МАРСР. Місто було столицею Автономної Республіки з 1924 по 1929 рік. При цьому варто зауважити, що доля молдавського населення у Балтському районі складала лише 2,5%, а у м. Балті – 1,6 % [12, с. 105]. У 1929 році столиця Молдавської АРСР була перенесена до Тирасполя. Цьому сприяла нормалізація відносин між СРСР та Румунією і взаємне визнання кордонів.

Великі адміністративні зміни відбулися у Придністров'ї влітку 1940 року, коли МАРСР була ліквідована, а її частина приєднана до створеної Молдавської Радянської Соціалістичної Республіки. В серпні 1940 року, у зв'язку із звільненням Бессарабії від румунської окупації та возз'єднанням її з СРСР, Молдавська АРСР припинила своє існування. Ще раніше,10 липня 1940 року ЦК ВКП(б) і РНК СРСР прийняли постанову "Про утворення союзної МРСР", 20 липня Політбюро ЦК ВКП(б) остаточно вирішило питання адміністративно-територіального розмежування між УРСР та МРСР. У відповідності з цим рішенням 2 серпня 1940 року VII сесія Верховної Ради СРСР прийняла закон "Про утворення союзної Молдавської Радянської Соціалістичної Республіки".

До складу нового державного утворення із столицею у м. Кишиневі увійшли шість районів колишньої МАРСР – Григоріопольський, Дубосарський, Кам'янський, Рибницький, Слободзейський та Тираспольський площею 3,9 тис. кв. км, де проживали 310,7 тис. мешканців, що складало 45,9 % території та 51,9 % населення Автономної Республіки. Інші вісім районів – Ананьївський, Балтський, Валегуцулівський, Кодимський, Котовський, Красно-Окнянський, Пісчанський, та Черка-нівський були передані до складу Одеської області [13, с. 162–163].

Приєднання частини Придністров'я до Бессарабії у 1940 році було типовим прикладом більшовицької революційної творчості і знаходилось у протиріччі з існуючим законодавством СРСР та УРСР. Вищі органи державної влади Союзу РСР, УРСР та МАРСР не прийняли всіх необхідних правових актів. Питання про кордони нової Республіки вирішувалось командно-адміністративними методами. Остаточно питання кордонів було вирішено указом Президії Верховної Ради СРСР "Про встановлення кордонів між Українською та Молдавською РСР", який був підписаний М. Калініним 4 листопада 1940 року. У ньому є посилання на відповідне рішення Президії Верховної Ради МРСР, однак, цей орган було обрано значно пізніше – 8 лютого 1941 року на першій сесії Верховної Ради МРСР.

В основу розмежування у Придністров'ї було покладено пропозиції українського партійно-радянського керівництва. Об'єднання частини

Придністров'я з Бессарабією в єдину Республіку переслідувало ціль швидкими більшовицькими темпами довести Бессарабію до радянських стандартів, провівши індустріалізацію, колективізацію та культурну революцію.

Таким чином, утворення Молдавської Автономної Радянської Соціалістичної Республіки призвело до значних змін адміністративно-територіального устрою на півдні лівобережного Придністров'я. Бажаючи вплинути на внутрішню ситуацію у Бессарабії та приєднати її до СРСР, більшовицьке керівництво прийняло рішення збільшити територію Автономної Республіки за рахунок районів населених переважно українцями. Територіальні зміни без урахування етнічного складу населення заклали передумови придністровської проблеми, яка залишається не вирішеною і сьогодні.

Джерела і література

1 Боєчко, В. Д. Формування державних кордонів України / В. Д. Боєчко, О. І. Ганжа, Б. І. Захарчук. – К., 1991.

2 Сергійчук, В. Етнічні межі і державний кордон України / В. Сергійчук. – К., 2000.

3 Репида, А. Образование Молдавской АССР / А. Репида. – Кишинев, 1974.

4 История Приднестровской Молдавской Республики : в 2 т. – Тирасполь, 1996. – Т. 1.

5 Иванова З. М. Левобережные районы Молдавии в 1918–1924 гг. Исторический очерк / З. М. Иванова. – Кишинев, 1978. – С. 4.

6 Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (1919–1920). Збірник документів і матеріалів. – К., 1967.

7 III сесія Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету VIII скликання 8–12 жовтня 1924 року. – Харків, 1924.

8 Начало большого пути. Сборник документов и материалов к 40-летию образования Молдавской ССР и создания Компартии Молдавии. – Кишинев, 1964.

9 Лисенко, В. Г. Шляхами братерського єднання (До 50-річчя утворення Молдавської РСР) / В. Г. Лисенко. – К., 1974.

10 Скрыпник Н. Митинг трудящихся Тирасполя /Правда. – 1924. – 28 октября.

11 Известия Одесского губкома. – 1924. – 11 ноября.

12 Всесоюзная перепись населения 1926 года. УССР. Итоги по республике. – М, 1930. – Т. 26.

13 Лазарев, А. М. Воссоединение молдавского народа в единое Советское государство / А. М. Лазарев. – Кишинев, 1965. – С. 162–163.

Vitaliy Tuchinsky, O. V. Sadovnik. **Moldavskaya Autonomous Soviet Socialist Republic as a part of the USSR 1924–1940 gg. and admiistrativnye changes in Transnistria.** *The article examines the territorial and administrative changes on the left bank of the Dniester River during the formation and liquidation of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic. It traces the evolution of the size and composition of the national population of the region.*

УДК 94(73)091

Э. Б. Ершова

Московский финансово-юридический университет

НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ БЕЛОРУССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

В статье рассматривается проблема формирования и развития национал-демократических идей в Белоруссии в начале XX в., основой которых были взгляды европейских мыслителей, белорусских деятелей XIX в., события начала XX в. в России, а затем и революций 1917 г. Национально-демократические стремления белорусской интеллигенции не получили своего претворения в жизнь, а многим из её представителей пришлось пережить тяжелые времена в 1930-е гг. И только с распадом СССР в 1991 г. Белоруссия получила возможность собственного национально-государственного строительства.

Изменение государственного устройства бывших республик СССР после его ликвидации и создания СНГ не умаляет значения исторических исследований тех процессов, которые протекали в течение столетий на территориях Европейской части России. Особенно большое внимание уделяется событиям XX века, которые вихрем войн и революций пронеслись над Российской империей, позднее над республиками Советского Союза и государствами после его развала. Их анализ приводит к мысли, что предтечей настроений национальной государственности в республиках бывшего СССР, в частности, в Белоруссии, было рождение в умах интеллигенции в начале XX века идеи революционного демократизма и независимости от кого бы то ни было. Позднее в советской историографии оно получило название национал-демократического движения.

В результате трех переделов Екатериной II Польши, куда входила часть белорусских земель, эти территории вошли в состав Российской империи. По типу экономического развития Белоруссия была западной

аграрной окраиной России, на территории которой постоянно происходили военные действия. Через белорусские города и села шли то захватчики с Запада, то российские войска отражали нападения иностранных армий. Белоруссия фактически никогда до Советской власти не была целостной территорией, так как её время от времени делили между собой наиболее сильные соседние государства: Литва, Польша, Россия. Это способствовало формированию особого склада характера белорусов, на исследование которого, на наш взгляд, должны обратить внимание социологи и этнографы.

Помимо вышеуказанных факторов, способствовавших возникновению революционно- и национал-демократических идей в Белоруссии была ее близость к Западу, откуда шли многие идеи переустройства мира, куда наиболее обеспеченная шляхта и интеллигенция отправляла своих детей на учебу. Они воспринимали новые веяния общественно-политической мысли и жизни Западной Европы и надеялись на их реализацию в Белоруссии.

Многое в идейных взглядах национал-демократов было унаследовано из национальной программы Кастуся Калиновского, одного из руководителей польского восстания 1863 г. [1, с. 20]. Отсутствие исторических условий для осуществления мечты создания самостоятельного Литовско-Белорусского государства, расправа над восставшими привели к снижению активности тех, кто разделял взгляды К. Калиновского.

Эти и другие факторы позднее подготовили почву для возрождения национально-демократического движения, наиболее ярко проявившего себя в ходе Первой российской революции 1905–1907 гг. С 1907 г. стали выходить на белорусском языке газеты «Наша Ніва», «Гоман», «Вольная Беларусь», в которых печатались произведения известных уже в то время белорусских поэтов и писателей М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа, Т. Гартного, Я. Мавра и других, кто связал свое творчество и деятельность с национально-освободительным движением, и кто руководствовался в своей деятельности мечтой об обретении национальной государственности [2, с. 15].

Социальной базой национал-демократического движения была белорусская шляхта и интеллигенция, вышедшая из мелкопоместного дворянства. Она была немногочисленной, но страстно любила свою белорусскую землю, мечтала о просвещении народа, своей государственности и развитии национальной белорусской культуры, национального самосознания народа.

Национал-демократическое движение Белоруссии не было организационно оформленным. Идеи национал-демократизма выражала и поддерживала основная масса белорусской интеллигенции, и в большей

степени представители литературных кругов. Но по политическим взглядам она входила в различные партии – Бунд, социал-демократов, эсеров, Белорусскую социалистическую Громаду, Центральную войсковую белорусскую раду, Белорусскую партию народных социалистов и т. д., в программах которых находила для себя приемлемые положения о государственном устройстве будущей Белоруссии.

В годы Первой российской революции в рядах национально-демократически настроенной интеллигенции образовалось революционно-демократическое крыло, идейными руководителями которого стали поэты-демократы А. Пашкевич, М. Богданович, Я. Купала, Я. Колас и другие [3, с. 37]. Их революционный демократизм основывался на теоретическом, эстетическом и нравственном осмыслении действительности: тяжелого положения белорусского народа в условиях царизма, несовместимости интересов трудового народа и «панства», пагубности существовавшей системы угнетения. Представители революционного демократизма были одержимы идеями свободы и всеобщего равенства, прав человека на самостоятельное и независимое существование в противовес классовому, сословному и духовному неравенству, преобладавшему в дореволюционной России. Они утверждали, что только труд является основной и важнейшей формой человеческого бытия. По сути своей это было отражением уравнительного наивного крестьянского социализма. Многие из них оценивали мир сквозь призму «идеальное – реальное», в котором понятие свободы выступало критерием оценки явлений социальной действительности. По этой причине они неоднозначно отнеслись к революционным событиям 1917 г. – Февральским и Октябрьским, ожидая решения назревших проблем не только в Белоруссии, но и во всей России.

Часть старой белорусской интеллигенции, перешедшей на сторону революции, рассматривала все последовавшие события сквозь призму своих интересов, связанных с приоритетным развитием национальной культуры, языка, подготовки кадров из представителей коренной национальности. Некоторой частью этой интеллигенции в определенной мере абсолютизировалось национально-специфическое, преломлялось в контексте только национальных условий. Они связывали осуществление социальных изменений, прежде всего, с упрочением национального суверенитета республики, развитием и обогащением национальных традиций белорусского народа, его языка и литературы.

Отражение таких точек зрения у художественной интеллигенции проявлялось в создании произведений, наполненных заботой о родном крае, единстве Родины и человека. Родной белорусский край поэтизировался как высшая ценность, сбереженная и переданная по

наследству [4]. Идея единства Родины и человека, надежда на лучшее будущее – вот главный философский смысл идеологии национал-демократизма в 1920-е гг., в конце которых особая приверженность идеям национального возрождения белорусского народа вызывала настороженность большевистских руководителей и расценивалось ими в качестве проявления национализма.

Белорусское национал-демократическое движение и его идеи в советской историографии долгие годы преподносились в качестве враждебных коммунистической идеологии, а его носители и деятели не только критиковались в печати, на многочисленных конференциях, дискуссиях, но и обвинялись в пособничестве буржуазной идеологии, ее распространении и во всех грехах, вплоть до шпионажа в пользу иностранных государств, что приводило к прямому их уничтожению.

В 1930-е гг. в практику вводились установки и принципы, искажавшие природу и гуманистические ценности национального строительства. Приверженность этим идеям расценивалась как идеология, враждебная Советской власти, как практика контрреволюционного националистического течения, ставившего своей целью реставрацию капитализма в Белоруссии. В дальнейшем политические оценки национал-демократизма становились все более острыми и в результате большая группа белорусской интеллигенции, служившая верой и правдой новой власти, была объявлена «врагами» советского власти и репрессирована. Под лозунгом борьбы с «нацдемовщиной» и «национал-уклонизмом» был нанесен удар по многим группам творческой интеллигенции: писателям, художникам, композиторам, актерам, режиссерам и т. д. Из 206 числившихся в 1934 г. членов и кандидатов Союза советских писателей БССР к 1939 г. было репрессировано 153. Все они были обвинены в «национал-демократизме», «национал-уклонизме» вплоть до фашизма. Остальным была также уготована эта судьба, от которой их спас первый секретарь ЦК КПБ(б) П. К. Пономаренко [5].

Неодобрение каким-либо критиком художественного произведения могло послужить обвинением в национал-демократизме, как это было, например, с гравером Я. Мининым. Он продемонстрировал на пятой Всебелорусской художественной выставке экслибрис (книжный знак), изготовленный для Витебского краеведческого музея, за который его обвинили в национал-демократизме [6, с. 7]. Минин вынужден был бежать и скрываться в Москве, чтобы не быть репрессированным. Однако и там его настиг арест и обыск квартиры, после чего она была опечатана. О дальнейшей судьбе художника ничего неизвестно. Композитора Григория Пуксто защитил от необоснованных обвинений секретарь Гомельского обкома партии большевиков А. А. Эльман [7].

Политизированное искажение истинного смысла национально- и революционно-демократических идей, выражавшихся белорусской интеллигенцией как стремление к своей государственности, возрождению национальных традиций культуры, языка приводило к тому, что с помощью средств массовой информации, пропаганды и агитации однопартийная система формировала в сознании общества их восприятие как враждебных, буржуазных, а историческая наука долгие годы не имела возможности объективно проанализировать и оценить белорусское национал-демократическое движение, роль и участие в нем общественно-политических деятелей и творческой интеллигенции, что представляет большой научный и практический интерес в современных условиях, в определенной степени объясняет события распада СССР и создание национально-независимых государств на его территории.

В 1990-е гг. и в первые десятилетия XXI в. наметилась тенденция к пересмотру взглядов на идеи национал-демократов, их движение и деятельность многих его представителей. Этот процесс возрождения исторической правды предоставляет ученым возможность дать наиболее объективный анализ его истоков, пути развития, результатов, трагедии личностей и нового возрождения, но уже в XXI в.

Список использованных источников и литературы

1 Ершова, Э. Б. Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии. 1917–1941 гг. / Э. Б. Ершова. – М., 1994. – С. 20.

2 Літаратура і мастацтва. 1989. 23 сент. – С. 15.

3 Сташкевич, Н. С. Приговор революции // Крушение антисоветского движения в Белоруссии 1917–1925 гг. / Н. С. Сташкевич. – Минск, 1989. – С. 37; Біч Міхась. Канцепцыя праўды // Літаратура і мастацтва, 1989, 8 сент.

4 Наша Ніва, 1907, 28 апреля, 21 июня, 3 августа, 12 октября.

5 РГАЛИ. – Ф. 631. – Оп. 6. – Д. 174. – Л. 1–2.

6 Вальфсон С. Навука на службе нацдэмаўскай контревалюцыі. Ідэалогія і метадалогія нацдэмакратызма / С. Вальфсон. – Мінск, 1931. – С. 7.

7 ГА Гомельской обл. – Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 23. – ЛЛ. 2–4.

Elvira Ershova. **The national-democratic ideas in the liberation movement of Belarus in the first third of the twentieth century.** *In the article the problem of formation and development of the national-democratic movement in Belarus in the early twentieth century, which were the views of European thinkers, Belarusian figures of the nineteenth century, events of the early twentieth century in Russia, and then the revolutions of 1917, the National democratic aspirations of the Belarusian intelligentsia have not been*

implemented, and many of its representatives had to go through hard times in the 1930-ies. And only with the collapse of the USSR in 1991, Belarus has got the possibility of their own national-state construction creation.

УДК 947.6

И. А. Пушкин

Могилёвский государственный
университет продовольствия

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ БССР В КАРЕЛО-ФИНСКУЮ ССР В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В первое послевоенное десятилетие органами государственного управления активно проводилась работа по переселению ***сельскохозяйственного населения БССР*** в колхозы *Карело-Финской ССР. К 1959 г. численность белорусов в Карелии составила 71,9 тыс. человек (или 11 % от населения республики), лишь немногим уступая титульной национальности – карелам. На основании архивных материалов реконструирован процесс переселения белорусов в Карелию и дана объективная картина тех сложных проблем, которые приходилось решать в процессе переселения.*

В 1930-е гг. в СССР возникла система организованного набора рабочей силы. За годы довоенных пятилеток посредством оргнабора из БССР в районы Сибири, Урала, Казахстана и Европейского Севера было направлено 1 млн 629 тыс. человек для участия в создании крупных промышленных центров. В послевоенное время основными направлениями оргнаборов рабочей силы из БССР являлись Карело-Финская ССР, Архангельская, Пермская, Томская, Тюменская, Иркутскую области, Красноярский и Хабаровский край, КазССР, Сахалин, Дальний Восток. Призванные по оргнабору работали на предприятиях лесной и бумажной, угольной, горнорудной, металлургической промышленности, Министерства путей сообщения, рыболовецких хозяйствах, строительстве ГЭС, участвовали в освоении целинных земель Казахстана и Сибири.

Исследователь Н. Барабаш делает вывод, что оргнабор осуществлялся государственными органами при значительной материальной и финансовой поддержке переселенцев через систему льгот и надбавок. Оргнабор охватывал все возрастные и социальные группы населения и имел широкую географию вселения. Количественно оргнабор

(в послевоенные годы из БССР выехало 500 тыс. человек) значительно превышал число переселившихся по общественным призывам (на освоение целинных земель, строительство ГЭС выехали свыше 250 тыс. человек). Начиная с середины 1950-х гг. и оргнабор и общественные призывы проводились одновременно, "вымывая" из Беларуси наиболее трудоспособное, энергичное и репродуктивное население [1, с. 207].

В послевоенное время с конца 1940-х гг. основным правовым документом, который регулировал миграционные процессы белорусского населения в Карело-Финскую ССР, было постановление Совета Министров (СМ) БССР № 191 «О переселении семей колхозников и другого сельского и городского населения в Карело-Финскую ССР и организованном наборе рабочих для постоянной работы на лесозаготовительных предприятиях Карело-Финской ССР». Оно было принято 7.03.1949 г. и отменено постановлением СМ БССР от 21.11.1984 г. № 405 [3].

В первые послевоенные годы для руководства и координации миграционными процессами в СССР при СМ было создано Главное переселенческое управление. В Белоруссии этими вопросами занималось переселенческое управление при СМ БССР (с 1953 г. управление переселения Министерства сельского хозяйства и заготовок БССР, с 1954 г. Главное Управление по переселению и организованному набору рабочих) и переселенческие отделы при облисполкомах. В 1950-х гг. они подверглись структурным изменениям. До 1951 г. это были отделы по делам переселения и репатриации облисполкома, в 1952 г. – отделы по делам переселения облисполкома, с 1953 г. – отделы переселения областного Управления сельского хозяйства и заготовок. Так, с января 1946 г. существовал отдел по делам переселения и репатриации Могилёвского облисполкома, в 1952–1953 гг. – отдел по делам переселения Могилёвского облисполкома, с августа 1953 г. по январь 1955 г. – отдел переселения областного Управления сельского хозяйства и заготовок.

Непосредственная работа по переселению колхозников и другого населения в колхозы Карело-Финской ССР началась во исполнение постановления СМ БССР № 137 от 27.01.1950 г. и распоряжения СМ БССР от 13.03.1950 г. № 191. Именно на основании этого распоряжения облисполкомы приняли решения, обязывающие райисполкомы переселять в мае месяце 1950 г. семьи в колхозы Карело-Финской ССР.

Планировалось переселить в Карелию в течение 2 лет 25 тыс. семей. Однако при наборе переселенцев руководство республики и переселенческие органы столкнулись с трудностями по выполнению планов.

Так, из планируемых к переселению в колхозы Карело-Финской ССР в 1950 г. 1400 семей переселенцев к 01.11.1950 г. удалось отправить только 582 семьи. В 1951 г. из Могилёвской и Гомельской областей необходимо было переселить 1000 семей. Однако руководство областей смогло направить в Карелию только 893 семьи. Невыполнение планов объяснялось не удовлетворительной работой местных органов власти по переселению (не желанием отпускать хороших работников из колхозов) и крайне неудовлетворительными хозяйственно-бытовыми условиями жизни переселенцев.

Принципы отбора семей допускаемых к переселению устанавливались постановлением СМ БССР от 19.01.1951 г. № 40. Не допускались к переселению семьи, имеющие в своем составе менее двух трудоспособных членов семьи (вполне пригодных для выполнения физических работ), инвалиды, одиночки и искусственно созданные семьи.

Нормативными документами запрещалось исполкомам районных и сельских Советов депутатов и правлениям колхозов препятствовать переселению семей изъявивших желание на переселение и отвечающих всем условиям отбора и отправки на переселение. Заведующие областными торговыми отделами обязывались обеспечить переселенцев продуктам питания на станциях погрузки во время отправки переселенцев. Начальники управлений сельского хозяйства должны были обеспечить прием скота от переселенцев. Заведующие облздравотделами обязывались назначать медицинские комиссии в районах, проводящих отбор и отправку переселенцев, а также своевременно производить профилактические прививки, санитарную обработку и обслуживание в пунктах посадки переселенцев в вагоны. Исполкомы райсоветов обязаны были своевременно подготовить семьи и доставить их к месту отправки. Запрещалось утверждение семей на переселение без личного ознакомления с каждой отобранной семьей работников отдела переселения. Заведующие областными отделами культурно-просветительных учреждений должны были организовать во всех сельских избах читальнях столы справок и проведение массово-разъяснительной работы по отбору переселенцев.

В целом по республике план переселения выполнялся крайне неудовлетворительно. К 22.05.1951 г. было отобрано на переселение семей 41 % от запланированного, а переселено только 27,5 % к плану. Особенно плохо велась работа по переселению в Гомельской, Минской, Брестской, Могилевской, Гродненской и Барановической областях. В то же время в решении коллегии Главного переселенческого управления при СМ СССР от 7.05.1951 г. № 14 отмечалось, что в 1951 г.

в ряде областей БССР (Полесская, Полоцкая, Молодеченская) несколько улучшилась работа по отбору и отправке переселенцев по сравнению с прошлым годом [4, л. 21–24].

Стремление выполнить план приводило к тому, что в некоторых областях отмечались случаи нарушения постановления СМ БССР о принципах отбора семей на переселение. В Гомельской, Брестской, Пинской и других областях на переселение отбирались семьи, не имеющие двух трудоспособных, пенсионеры, инвалиды, не способные к физическому труду. Были факты администрирования, когда местное руководство стремилось избавиться от неугодных и насильственно принуждали отдельных колхозников к переселению, о чём имеются косвенные свидетельства [2, л. 2–6]. Недостаток архивных документов не позволяет раскрыть данный вопрос в полном объёме и это требует дополнительного исследования.

Можно отметить серьёзные недостатки в организации перевозок переселенцев [6, л. 35–37]. График отправки эшелонов систематически нарушался. В марте 1951 г. из 10 эшелонов, предусмотренных графиком, в установленные сроки отправили только 5; в апреле из 11 эшелонов отправлено в срок лишь 2 эшелона. Заявки на вагоны не обеспечивались наличием отобранных семей на переселение, в связи с чем, план перевозок за март–апрель был выполнен только на 46 % и недоиспользовано 362 плановых вагона.

Всего за 1 полугодие 1951 г. было использовано вагонов, выделенных для перевозки переселенцев по Могилевской области на 41 %, Минской – 44 %, Брестской – 15 %, Гродненской – 54 %, Барановической – 54 %, Бобруйской – 55 %, Гомельской – 62 %, Пинской – 62 %, Полесской – 94 %.

Во многих случаях перевозка переселенцев производилась мелкими группами и отдельными вагонами, отчего средний состав эшелона за 1 полугодие 1951 г. составлял по Гомельской области – 19 вагонов, Могилевской – 21, Минской – 25, Полоцкой – 25, Брестской – 26, Барановической – 31, Гродненской – 31, Пинской – 31, Полесской – 36, Бобруйской – 38, Молодечненской – 48. Отправка переселенцев не полносоставными эшелонами, мелкими группами и отдельными вагонами, особенно на дальние расстояния приводила к длительным задержкам в продвижении, ухудшала условия переезда и обслуживание переселенцев в пути, а также увеличивала расходы по обслуживанию эшелонов. Кроме того допускалась отправка вагонов с неполной загрузкой, чем удорожалась стоимость перевозок. Средняя загрузка вагонов по областям составила 11–13 человек, а по Пинской и Минской – 9 человек (при норме 25 человек).

Не уделялось должного внимания внешнему оформлению эшелонов. Имели место факты отправки переселенцев в необорудованных вагонах, без освещения и без обслуживающего персонала. В зимний период отмечались случаи не обеспечения вагонов в местах формирования топливом и свечами, отправки эшелонов без начальников и соответствующего количества медицинского персонала. Не всегда в местах выхода обеспечивалось снабжение продуктами переселенцев на путь следования.

Из Полесской, Гомельской, Могилевской областей много переселенцев отправили, не проведя санитарную обработку, что категорически запрещалось.

Не надлежащим образом оформлялись переселенческие документы. Некоторые областные отделы переселения (Гомельский, Минский и др.) не сами заполняли бланки переселенческих билетов и ведомости на выдачу переселенцам единовременного денежного пособия, а рассылали не заполненные, но подписанные бланки этих документов в районы, что приводило к злоупотреблениям.

В результате коллегия Главного переселенческого управления при СМ СССР отметила неудовлетворительное выполнение плана переселения в БССР в 1951 г. Предполагалось организовать работу представителей Карело-Финской ССР в БССР для оказания практической помощи по отбору переселенцев.

Несмотря на ряд мер, принятых в августе и сентябре 1951 г., план переселения в установленные сроки не выполнили. По состоянию на 1.10.1951 г. план переселения по БССР был выполнен на 73 % [5, л. 38–40]. Барановическая область недовыполнила план переселения на 420 семей, Брестская – на 350, Гродненская – на 280, Пинская – на 150, Мододеченская – на 130, Могилевская – на 110, Гомельская – на 100 и Минская – на 100 семей.

Начальник управления переселения и репатриации при СМ БССР И. Барков потребовал от начальников отделов переселения при облисполкомах переселить в октябре месяце из Барановичской области – 420 семей, Брестской – 350, Гродненской – 280, Пинской – 150, Молодеченской – 130, Могилевской – 110, Гомельской – 100, Минской – 100 семей.

Постановлением СМ БССР Могилевской области на 1951 г. был установлен план отбора и отправки колхозников-переселенцев в колхозы Карело-Финской ССР в количестве 500 семей. На 15.05.1951 г. было отобрано и отправлено всего 208 семьи, т. е. 40,6 % к плану. На 01.01.1952 г. 435 семей или 87 % плана.

Безусловно, что было характерным для того времени, во всем обвинили местные органы власти. Якобы председатели райисполкомов

передоверили этот важный участок работы второстепенным лицам, не взяли под свой личный контроль и этим самым, по сути, сорвали план переселения.

На самом деле в районах просто не были созданы условия для работы районным организаторам отбора, не оказывалась практическая помощь сельским организаторам отбора. В результате население районов, где планировалось отобрать переселенцев, не знало о льготах, представляемых правительством переселенцам, агитационная литература, характеризующая условия жизни и природные богатства Карело-Финской республики до населения не доводилась. Отдел переселения подготовил статью в газету и разослал всем районам, но её ни в одной газете не поместили до тех пор, *пока она не была* помещена в областной *газете* «За Родину». После этого выпустила *заметку* в *районной* газете только *Круглянская* редакция.

Массовыми были факты, когда семьи не пускали на переселение, при этом заявляя, что нет желающих. *Подобное утверждали как председатели сельсоветов (например, Усушкинского и Сущевского* в *Чаусском районе), так и* председатели райисполкомов Чериковского, Хотимского и Климовичского. *В Круглянском районе* старший *инспектор отдела переселения вывесил объявление* о *переселении колхозников в колхозы Карело-Финской ССР, а секретарь райисполкома* лично сорвал это *объявление.*

Активно препятствовали переселению хороших работников. В Чаусском районе председатель Сухаревского *сельсовета Романов и председатель колхоза «18 партсъезд»* этого же совета Рыжиков отказались выдать необходимые документы колхозникам Сидоренко Ф., Сидоренко П., Баклановой, Шевкунову, изъявившим согласие на переселение, а *Бутленкова Н. А. просто не пустили. Председатель колхоза «Новая жизнь» Осиновского сельсовета отказал в выдаче справки на получение документов Кондратенко А. Р., Федорову Т. А., в результате этого более 15 семей колхозников, изъявивших желание переселиться, вынуждены были отказаться от своего намерения.*

В Шкловском районе Александрийского сельсовета деревня Слобода колхозники Клюнь Е. М., Ермолович П. А., Веремьев П. М. изъявили желание на переселение, подали заявление, но председатель колхоза не дал им справки на получение документов и они несколько раз ходили в райисполком с жалобой, но вразумительного ответа не получили и в результате отказались переселяться.

В Могилевском районе (Мостоцкий сельсовет, колхоз «имени В. И. Ленина») колхозника – бывшего председателя колхоза Храмцова Н. Е. который изъявил желание на переселение и подал заявление,

райисполком утвердил на переселение. Отдел переселения выдал ему документы, но новый председатель колхоза подал заявление прокурору района и его задержали, за то, что он не отчитался за одну овцу и передали дело в суд. Храмцов не допустил до суда и внес 200 руб. за овцу колхозу, этого оказалось мало и его снова не допустили на переселение под разными предлогами.

В Краснопольском районе два члена ВКП(б), рядовые колхозники Шевалдин Г. М. из колхоза «Кирова» и Моторин И. И. из колхоза «Свердлова» изъявили желание на переселение. Были утверждены райисполкомом, им выдали документы, но райком КП(б) Белоруссии не отпустил их на переселение.

В Мстиславльском районе группа колхозников в 13 чел. из колхоза «Им. Сталина» изъявила желание на переселение, но райисполком не отпустил их. Колхозники обратились в управление переселения при Совете Министров БССР и только после вмешательства управления, часть из них уехала в Карело-Финскую ССР [8, л. 27–29].

Предпринятые меры по улучшению процесса переселения привели к положительным результатам. В 1952 г. ряд переселенческих отделов областей БССР полностью выполнили план переселения, установленный на 1952 г., или были близки к его завершению.

Так, переселенческий отдел при Пинском облисполкоме на 112,3 %, при Полесском облисполкоме – 110,3 %, при Полоцком облисполкоме – 77,2%.

В то же время в ряде областей работа по отбору и отправке переселенцев проводилась неудовлетворительно. В этот «чёрный» список попали отделы при Молодечненском (27,2 %) и Барановичском (39,6 %) облисполкомах.

Особо отличились организаторы отбора: Пастернак из Ганцевичского района Пинской области, выполнив план на 104,0 %, Шапко из Могилевского района и области – 132,0 %, Соболевский из Щучинского района Гродненской области – 106,0 %, Пудов из Видзовского района Полоцкой области – 170,0 %, Лагунов из Дисненского района Полоцкой области – 100,0 %, Желудов из Свислочского района Гродненской области 110,0 % и другие.

Многие переселенческие отделы в 1952 г. более организовано проводили отправку переселенцев, хорошо организовали обслуживание переселенцев в пути следования, прием и размещение переселенцев в местах вселения. Среди прочих стоит отметить начальников эшелонов Шершнева (Полоцкая область) и Ридзевского (Могилевская область), которые хорошо организовали обслуживание переселенцев в пути и своевременно информировали о продвижении эшелонов

и подходе к пунктам назначения, а также обеспечили организованную выгрузку переселенцев, их имущества и скота [7, л. 34–36].

Тем не менее, БССР с трудом справлялась с выполнением плана оргнабора. Особенно в 1960-е гг., на это сильно повлияли такие социально-экономические факторы как значительное промышленное и гражданское строительство на территории БССР, улучшение материально-бытового положения рабочих и колхозников в БССР, рост заработной платы.

Таким образом, правовые и нормативные документы по государственному регулированию миграционных процессов, которые действовали в ССР и БССР, предусматривали условия и возможности массового переселения населения из БССР в Карело-Финскую ССР для участия в создании крупных промышленных центров и освоении сельскохозяйственных земель. Это обеспечивалось, в первую очередь, значительной материальной и финансовой поддержкой переселенцев через систему льгот и надбавок. Для руководства и координации миграционными процессами создавались соответствующие управленческие структуры при исполнительных органах власти. В результате проводимого переселения сельскохозяйственного населения из БССР в Карело-Финскую ССР в первое послевоенное десятилетие из обездоленной войной Белоруссии вывозилось трудоспособное население, а также скот, чем подрывалось материальное благосостояние республики.

Список использованных источников и литературы

1 Барабаш, Н. Организованный набор рабочих и общественные призывы в БССР (1946–1965 гг.) / Н. Барабаш // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск: “Беларуская навука”, 2015. – Выпуск 30. – С. 203–209.

2 Положение об управлении переселения Министерства сельского хозяйства и заготовок БССР // Государственный архив Могилевской области (ГАМог). – Фонд 339. – Оп. 7. – Д. 1. – Л. 2–6.

3 Постановление СМ БССР от 21.11.1984 г. № 405 // Правовая библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/bazaby09/sbor92/text92516.htm. – Дата доступа 20.05.2015.

4 Приказ № 53 по Управлению переселения и репатриации при СМ БССР от 22.05.1951 г. // ГАМог. – Фонд 828. – Оп. 3. – Д. 6. – Л. 21–24.

5 Приказ № 106 по Управлению переселения и репатриации при СМ БССР от 03.10.1951 г. // ГАМог. – Фонд 828. – Оп. 3. – Д. 6. – Л. 38–40.

6 Приказ № 78 по Управлению переселения и репатриации при СМ БССР «Об устранении недостатков в организации перевозок переселенцев» от 28.07.1951 г. // ГАМог. – Фонд 828. – Оп. 3. – Д. 6. – Л. 35–37.

7 Приказ № 92 от 26.07.1952 г. Главного переселенческого управления при СМ СССР // ГАМог. – Фонд 828. – Оп. 3. – Д. 11. – Л. 33–38.

8 Служебная записка секретарю Могилевского областного Комитета КП(б) Белоруссии от 17.05.1951 г. // ГАМог. – Фонд 828. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 27–29.

Ihar Pushkin. Relocation of agricultural population from the BSSR to the Karelo-Finnish SSR in the first postwar decade. *In the first postwar decade bodies of state administration took an active part in the relocation of agricultural population of the BSSR to the collective farms of the Finnish SSR. By 1959 the number of Belarusians in Karelia had come to 71.9 thousand people (or 11 % of the population of the Republic) and was slightly behind only the titular nationality – Karelians. On the basis of archival materials there was reconstructed the process of the relocation of Belarussians to the Republic of Karelia and the challenges that had to be solved during the relocation were impartially assessed.*

УДК 94:328(410:94:327)410+438«1923»

Е. Н. Дубровко

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О МЕЖДУНАРОДНОМ ПРИЗНАНИИ ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ ПОЛЬШИ В 1923 Г.

В статье выявлено и охарактеризовано участие британского парламента в процессе принятия решения по вопросу о международном признании восточных границ Польши в 1923 г., раскрыты обстоятельства, обусловившие содержание и характер парламентских обращений по этому вопросу. Сделан вывод о том, что рост обращений оппозиции к вопросу о восточных польских границах стимулировал Форин офис к его решению, а также к поиску формулы, которая позволила бы поддержать авторитет правительства внутри страны.

Заключение 18 марта 1921 г. мирного договора в Риге между Польшей, с одной стороны, и Советской Россией и Украиной, с другой, означало установление линии польско-советской границы путём заключения двустороннего соглашения. Это противоречило обязательству Польши, государства-подписанта Версальского мирного договора, признать право Главных союзных и Объединившихся Держав на установление её восточных границ. Стремясь снять указанное противоречие и упрочить своё положение в системе послевоенных международных отношений польское государство начало активно ставить

перед Союзными державами вопрос о признании в качестве его восточных границ линии, зафиксированной в тексте Рижского мирного договора, а также линии, фактически оформившейся вследствие присоединения Срединной Литвы к Польше. Реализовать эту внешнеполитическую задачу польским политикам удалось в марте 1923 г., когда было подписано и обнародовано решение Конференции послов в Париже в отношении восточных границ Польши. В соответствии с ним Главные союзные Державы признали восточные границы Польши в целом по границам договоров, заключённых между нею и её восточными соседями. Ключевую роль в появлении этого признания сыграла позиция Великобритании, ставшая на тот момент благосклонной по отношению к Польше [1, с. 81–86].

Решение Великобритании о признании восточных границ Польши способствовало закреплению в межвоенные годы польско-советской «рижской» границы, проходившей по территории компактного проживания белорусского (а южнее – украинского) народа. Анализ механизма принятия указанного решения интересен для белорусской исторической науки с точки зрения выявления обстоятельств, позволивших британскому политическому руководству пренебречь в данном случае «этнографическим» принципом, широко декларируемым им на исходе Первой мировой войны. Как известно, решающее значение в определении внешней политики Великобритании и её осуществлении имел Кабинет, который состоял из премьер-министра и других официальных лиц (министров и государственных секретарей). Современные английские исследования показывают, что в годы Первой мировой войны наметилась тенденция к постепенному росту возможностей членов парламента Великобритании участвовать в обсуждении вопросов внешней политики и усилению роли парламента как форума для публичных дискуссий на внешнеполитические темы. Парламентские дебаты создавали возможность поиска компромисса и консенсуса, что было очень ценно для национальной внешней политики [2, p. 2–4].

В данной статье предпринята попытка выявить и охарактеризовать участие британского парламента в процессе принятия решения по вопросу о международном признании восточных границ Польши в 1923 г. Источниковая база исследования включает материалы официальных отчётов о заседаниях парламента, публицистические работы членов парламента, участвовавших в обсуждении вопроса о признании польских восточных границ, политические рапорты польского посольства в Лондоне.

Впервые после подписания 12 октября 1920 г. прелиминарного мира между Польшей и Советской Россией и Украиной вопрос о признании

и гарантии Великобританией восточных границ Польши в том виде, «как они очерчены в Русско-польском договоре в Риге» был поставлен перед премьер-министром Д. Ллойд Джорджем в палате общин уже 25 октября одним из его оппонентов либералом Джозефом Кенворси. При этом последний показал себя явным противником такого варианта, задав тон дальнейшим обращениям членов палаты к указанному вопросу [3]. Собственно, именно в формулировке «Восточные границы Польши» вопрос об их признании в 1923 г. поднимался в парламенте ещё только один раз – 16 мая в палате лордов, когда главе внешнеполитического ведомства маркизу Дж. Керзону был задан вопрос о том, какое же решение было принято в деле определения восточных границ Польши и их признания союзными Державами [4].

Между двумя указанными обращениями проблема оформления восточных границ Польши оказывалась на повестке дня палаты общин преимущественно в связи с вопросом о статусе Восточной Галиции. По итогам Парижской мирной конференции Польша была уполномочена лишь на военную оккупацию этого региона, однако во второй половине 1922 г., готовясь ко всеобщим выборам, польское правительство стало добиваться включения восточногалицийского населения в состав избирателей, что предполагало рассмотрение Восточной Галиции в качестве составной части польского государства [5, s. 203]. Именно с этим фактом связаны обращения депутатов палаты общин (Освальда Мосли, Джошуа Веджвуда, Ноэля Бакстона) к заместителю главы Форин офис с вопросами о позиции и действиях Великобритании в связи с подготовкой и проведением в Восточной Галиции выборов в польский сейм. Указанные депутаты выказывали недовольство действиями Польши, ссылаясь на тот факт, что в соответствии со статьей 91 Сен-Жерменского договора с Австрией, Главные союзные Державы обладали исключительным правом на определение государственной принадлежности этого региона [6], а также указывая, что оккупация Польшей Восточной Галиции не должна привести к её аннексии вопреки воле населения [7]. Озвучивались критичные замечания в адрес Верховного совета союзных Держав, и правительства Великобритании в частности, по поводу отсутствия протестов и вообще каких-либо заявлений с их стороны в адрес Польши в связи с её восточногалицийской политикой [8; 9; 10].

Наибольшее число обращений депутатов британского парламента к проблеме признания восточных границ Польши приходится на март 1923 г., то есть на время обсуждения этого вопроса Конференцией послов Главных союзных держав в Париже, принятия по нему решения и непосредственно после него. В это время помимо уже названных

членов парламента с вопросами о процедуре признания восточных границ Польши выступали Чарльз Бакстон, Джордж Куртхоуп, Джон Саймон, Чарльз Тревельян, Эдмунд Морел, Гарри Британ, и Артур Понсонби.

Анализ обращений депутатов палаты общин к проблеме признания восточных границ Польши в марте 1923 г. показывает, что чаще всего ими ставился вопрос о статусе Восточной Галиции. До публикации решения Конференции послов, депутаты поднимали вопрос о процедуре его принятия: является ли большинство голосов достаточным для принятия решения, или необходимо единогласие; предполагается ли решение вопроса о границе между Польшей и Восточной Галиции и судьбе этого региона без учёта мнения его населения, или делегации, заявляющей, что она представляет восточногалицийское население, будет предоставлена возможность изложить свои взгляды [11].

После обнародования решения 15 марта суть обращений свелась к уточнению обстоятельств его принятия и активной его критике. Английские депутаты проявили интерес к следующим аспектам: пришла ли Конференция послов к решению о будущем статусе Восточной Галиции и судьбе Виленщины; что это за решение; какой властью наделена Конференция послов для решения этого вопроса; кто был британским представителем на Конференции и действовал ли он исходя из инструкций правительства; является ли решение временным или окончательным; на каких принципах базируется решение послов и есть ли среди них принцип самоопределения наций; какие статистические материалы использовались Конференцией послов; были ли консультации с советским российским правительством; будет ли дана возможность палате обсудить этот вопрос и принять либо отвергнуть его решение, принятое в Париже; несёт ли Великобритания какую-либо ответственность за обеспечение неприкосновенности этой новой границы Польши [12; 13; 14; 15; 16; 17]. Соответствующие вопросы поступали в адрес парламентского подсекретаря Форин Офис (один из заместителей главы внешнеполитического ведомства, присутствующий на заседаниях парламента – Авт.) и премьер-министра. В их же адрес высказывалась критика по указанным аспектам: критиковалось рассмотрение вопроса о Восточной Галиции без изучения «дела галичан» [11]; правительство упрекали в отказе от учёта мнения «пятиста тысяч британских граждан украинского происхождения, проживающих в доминионе Канада», которые «выступили в Министерстве по делам колоний за независимость Восточной Галиции» [18; 13]; политику британского правительства в вопросе Восточной Галиции характеризовали как «оскорбление русского (советского – Авт.) правительства»,

так как «население Восточной Галиции преимущественно украинское, а Украина является одной из республик Российской федерации» [15]; выказывалось недовольство отсутствием явной власти палаты общин «над решениями, принимаемыми нашим (британским – Авт.) представителем на Конференции послов» [12].

Постановка в ходе заседаний палаты общин британского парламента вопросов, связанных с международным признанием восточных границ Польши в 1923 г., и характер этих вопросов обусловлены, по нашему мнению, следующими обстоятельствами.

Анализ партийного состава группы депутатов, которые инициировали указанные вопросы, показывает, что большинство из них принадлежали в рассматриваемый период к оппозиционным коалиционному правительству Д. Ллойд-Джорджа, а с октября 1922 г. консервативному правительству Э. Бонар Лоу, партиям лейбористов (Ч. Бакстон, Н. Бакстон, А. Понсонби, Дж. Веджвуд, Ч. Тревельян, Э. Морел, О. Мосли (в 1922–1923 г. – независимый член оппозиции, с 1924 – лейборист) или независимых либералов (Дж. Кенворси, Дж. Саймон), что вызывало с их стороны постановку вопросов, направленную на критику политики Кабинета. Более того, многие из указанных депутатов, непосредственно принадлежали к Союзу демократического контроля (СДК) – организации, созданной в 1914 г. радикально настроенными членами либеральной партии, после войны присоединившимися к лейбористам, и выступавшей за расширение полномочий парламентариев в области принятия решений, касающихся международных отношений. В неё входили А. Понсонби, Ч. Тревельян, Дж. Веджвуд, Ч. и Н. Бакстоны, Э. Морел, Дж. Кенворси, проявлявшие значительный интерес к международным проблемам.

СДК ещё в июле 1917 г. выдвинул собственные условия будущего мирного урегулирования, среди которых, был и пункт, касающийся судьбы Польши: «Польша должна быть свободной и независимой. Население австрийской Польши и польских районов Пруссии должно решить, желает ли оно быть в составе Польши» [19, р. 29, 81–82, 150]. В послевоенные годы члены СДК в парламенте не только проявляли особый интерес к международным делам, но и использовали все доступные процедурные стратегии, чтобы преодолеть ограниченную роль парламента в решении внешнеполитических проблем, одной из которых была проблема восточных границ Польши. В частности, они сочетали постановку внешнеполитических вопросов в парламенте перед членами исполнительной власти, о чём писалось выше, с активной публицистической деятельностью. В рамках последней они отмечали, что территория польского государства на востоке растянулась

далеко за этнографические границы, что неприемлемо с точки зрения интересов России и приведёт «через 10 или 15 лет» к пересмотру линии восточных границ Польши [20, p. 32, 40, 61]; указывали, что Польша проводит «империалистическую политику», которая способствует сохранению напряжённости в её отношениях со всеми соседними государствами [21, p. 26–27]; обвиняли поляков в шовинизме и «политической недееспособности» [22, p. 5].

Особый акцент на проблеме статуса Восточной Галиции, звучащий в вопросах членов парламента, также присущ публицистической деятельности СДК, в которой передача этого региона Польше характеризовалась как санкционирование там «ига» и «ужасов польского террора» [23, p. 4]. Однако интерес к восточногалицийкой проблеме со стороны парламентариев был, очевидно, обусловлен не только их приверженностью политическим взглядам СДК. Стимулировался он значительной информированностью в этом вопросе британских законодателей в силу активной постановки его в Лиге Наций как представителями восточногалицийского населения [24], так и представителем британского доминиона Канада Ч. Дж. Дохерти [25, p. 656]. Заинтересованность Канады в решении вопроса о статусе Восточной Галиции была вызвана проживанием в доминионе значительного числа лиц украинского происхождения, проходивших процесс натурализации, при этом выходцы из Восточной Галиции до принятия окончательного решения о её статусе рассматривались как «чужеродные враги», поскольку они прибыли из «Германской Галиции», что получило общественный резонанс [26, p. 3922]. Привлекали внимание британских парламентариев к восточногалицийской проблематике также Англо-еврейская ассоциация и Английская федерация сионистов, активно информировавшие общественность о тяжёлом положении еврейского населения на территории, находившейся под властью польского правительства [27, p. 119–142]. Их деятельность способствовала рассмотрению проблемы статуса Восточной Галиции также сквозь призму положения еврейского мньшинства.

Анализ обращений членов британского парламента от консервативной партии (Дж. Куртхоуп, Г. Британ) позволяет выделить также экономические интересы в качестве стимула к постановке вопросов по восточногалицийской проблеме: будет ли украинское большинство на этой территории обладать полными правами в распоряжении ресурсами страны, а также неограниченной свободой торговли с гражданами других стран, или польское правительство имеет право регулировать галицийский экспорт [28; 15].

На все вышеназванные обращения парламентариев следовала реакция со стороны правительства, и прежде всего Форин офис. При этом

с ростом интенсивности постановки вопросов по проблеме восточных границ Польши, заметно значительное улучшение качества ответов на них: если летом 1922 г. подсекретарь Форин офис в парламенте чаще ссылался на отсутствие точной информации и необходимость наведения справок, то с конца 1922 г. ответы становятся более информативными и продуманными. Как показывают рапорты польских представителей из Лондона Форин офис проявляло озабоченность «ростом интеллектуального уровня лейбористов» и как следствие возможным ростом интерпелляций с их стороны, как и со стороны Д. Ллойд Джорджа, в «литовском и восточногалицийском вопросах», что стимулировало его к тщательному продумыванию собственной тактики в парламенте. Последняя в конце 1922 г. сводилась к акцентированию незавершённости процесса принятия решения по указанным вопросам и вовлеченности Великобритании в текущий момент в иные дела [29, s. 286–290]. Вместе с тем активизация публичных запросов оппозиции способствовала осознанию чиновниками внешнеполитического ведомства Великобритании необходимости обращения «в ближайшее время Держав Антанты» к проблеме польских восточных границ с целью принятия по ней окончательного решения, «иначе интерпелляции будут постоянными» [30, s. 312–321].

Актуализировали для Форин офис проблему реакции оппозиции на внешнеполитические решения также запросы о соотнесении политики Великобритании с содержанием парламентских выступлений, поступавшие во внешнеполитическое ведомство от польских дипломатов в Лондоне. Последние, скрупулёзно отслеживая изменения во внутриполитической ситуации на рубеже 1922–1923 гг., пришли к выводу, что правительство Э. Бонар Лоу стремится «избежать конфликта с оппозицией» [31, s. 19–24]. Постоянно сталкиваясь с указанными запросами, глава Северного департамента, курирующего политику в отношении Восточной Европы, Дж. Д. Грегори вынужден был специально подчеркнуть польским дипломатам, что «не стоит обращать внимание на заявления оппозиции. Сейчас всё решает Форин офис» [30, s. 286–290].

Таким образом, оппозиционно настроенные члены палаты общин британского парламента в конце 1922 г. – марте 1923 г. в ходе заседаний выступали с вопросами по проблеме международного признания восточных границ Польши и критикой политики правительства преимущественно в вопросе о статусе Восточной Галиции. Рост обращений оппозиции к проблеме польских восточных границ стимулировал Форин офис к её разрешению, а также к поиску формулы, которая позволяла бы поддержать авторитет правительства внутри страны.

Список использованных источников и литературы

1 Дубровко, Е. Н. Международное признание польских восточных границ в 1923 г. и позиция Великобритании / Е. Н. Дубровко // Геополитические трансформации в Восточной Европе между двумя мировыми войнами (к 90-летию подписания Рижского мирного договора) : материалы междунар. научн.-практ. конф., г. Брест, 17–18 марта 2011 г. / Брестский гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест, 2011. – С. 81–86.

2 Ihalainen, P. The British Parliament and Foreign Policy in the 20th Century: Towards Increasing Parliamentarisation? / P. Ihalainen // Parliamentary History. – 2016. – Vol. 35. – Pt. 1. – P. 1–14.

3 Poland (eastern frontiers) // House of Commons Debates [далее HC Deb – Авт.]. 25 October 1920 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/oct/25/poland-eastern-frontiers. – Date of access : 13.03.2016.

4 Eastern frontiers of Poland // House of Lords Debates. 16 May 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/lords/1923/may/16/eastern-frontiers-of-poland. – Date of access : 01.03.2016.

5 Historia dyplomacji polskiej : w 5 t. / pod red. G. Labuda [i inn.]. – Warszawa : Wyd-wa Naukowe PWN, 1995. – T. 4: 1918–1939 / P. Lossowski [i inn.]. – 718 s.

6 Eastern Galicia // HC Deb. 06 July 1922 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1922/jul/06/eastern-galicia#S5CV0156P0_19220706 _HOC_103. – Date of access : 02.03.2016.

7 Eastern Galicia // HC Deb. 02 August 1922 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1922/aug/02/eastern-galicia#S5CV0157P0_1922080 2_HOC_181. – Date of access : 02.03.2016.

8 Eastern Galicia // HC Deb. 10 July 1922 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1922/jul/10/eastern-galicia#S5CV0156P0_19220710 _HOC_120. – Date of access : 02.03.2016.

9 Eastern Galicia // HC Deb. 03 August 1922 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1922/aug/03/eastern-galicia#S5CV0157P0_1922080 3_HOC_150. – Date of access : 02.03.2016.

10 Eastern Galicia // HC Deb. 14 December 1922 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/ 1922/dec/14/eastern-galicia#S5CV0159P0_1922121 4_HOC_185. – Date of access : 02.03.2016.

11 Eastern Galicia // HC Deb. 12 March 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1923/mar/12/eastern-galicia#S5CV0161P0_19230312 _HOC_133. – Date of access : 02.03.2016.

12 Vilna // HC Deb. 19 March 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1923/mar/19/vilna#S5CV0161P0 _19230319_HOC_92. – Date of access : 02.03.2016.

13 Eastern Galicia // HC Deb. 20 March 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1923/mar/20/eastern-galicia#S5CV0161P0_1923032 0_HOC_40. – Date of access : 02.03.2016.

14 Poland // HC Deb. 21 March 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/written_answers/1923/mar/21/poland#S5CV0161P0_19230321_CWA_71 . – Date of access : 02.03.2016.

15 Eastern Galicia // HC Deb. 21 March 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1923/mar/21/eastern-galicia. – Date of access : 02.03.2016.

16 Vilna and Eastern Galicia // HC Deb. 22 March 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1923/mar/22/vilna-and-eastern-galicia#S5CV0161P0_19230322_HOC_203. – Date of access : 02.03.2016.

17 Eastern Galicia // HC Deb. 12 April 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/written_answers/1923/apr/12/eastern-galicia#S5CV0162P0_ 19230412_CWA_87. – Date of access : 02.03.2016.

18 Eastern Galicia // HC Deb. 15 March 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1923/mar/15/eastern-galicia#S5CV0161P0 _19230315_HOC_126. – Date of access : 02.03.2016

19 Swanwick, H. M. Builders of peace, being ten years' history of the Union of Democratic Control / H. M. Swanwick. – London: The Swarthmore press ltd., 1924. – 191 p.

20 Kenworthy, J. M. Peace or war? / J. M. Kenworthy. – New York: Boni & Liveright, 1927. – 338 p.

21 Buxton, Ch. R. The world after the war / Ch. R. Buxton. – London: G. Allen & Unwin Ltd, 1920. – 172 p.

22 Noel-Buxton, N. E. Oppressed peoples and the League of nations / N. E. Noel-Buxton. – London-Toronto, J. M. Dent & sons ltd., 1922. – 262 p.

23 Wedgwood, J. C. The future of the Indo-British commonwealth / J. C. Wedgwood. – London: Theosophical Publishing House, 1921. – 251 p.

24 League of Nations. Report to the Second Assembly of the League on the Work of the Council and on the Measures taken to Execute the Decisions of the First Assembly. 18 August 1921. [Electronic resource]. – Mode of access : http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D 7737810#imageViewerLink. – Date of access : 02.02.2016.

25 West Ukrainian Republic. 26 February 1923 // Official reports of the debates of the House of Commons of the Dominion of Canada [Electronic resource]. – Mode of access : http://parl.canadiana.ca/view/oop.debates_HOC1402_01/1?r=0&s=1. – Date of access : 12.02.2016.

26 The Naturalizacion Act, 1914, Amendment // Official reports of the debates of the House of Commons of the Dominion of Canada [Electronic resource]. – Mode of access : http://parl.canadiana.ca/view/oop.debates_HOC1304_04/1?r=0&s=1. – Date of access : 12.02.2016.

27 Davies, N. Great Britain and the Polish Jews, 1918-20 / N. Davies // Journal of Contemporary History. – 1973. – Vol. 8. – №. 2. – P. 119–142.

28 Eastern Galicia // HC Deb. 15 March 1923 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/written_answers/1923/mar/

15/eastern-galicia#S5CV0161P0 _19230315_CWA_163. – Date of access : 02.03.2016.
29 Raport polityczny № 52/22, ściśle tajne, Londyn, 24.11.1922 // Archiwum Act Nowych w Warszawie. – Zespół 463. – Sygn. 61. – S. 286–290.
30 Raport polityczny № 55/22, Londyn, 16.12.1922 // Archiwum Act Nowych w Warszawie. – Zespół 463. – Sygn. 61. – S. 312–321.
31 Raport polityczny № 10/23, Londyn, 06.03.1923 // Archiwum Act Nowych w Warszawie. – Zespół 322. – Sygn. 5068c. – S. 19–24.

***Alena Dubrouka.* British parliament and decision on the issue of Poland's eastern borders international recognition in 1923.** *In the article the participation of the British Parliament in the decision-making process on the issue of the eastern borders of Poland international recognition in 1923 is found out and characterized, the circumstances that led to the content and nature of parliamentary appeals on this issue are revealed. It is concluded that the growth of the opposition appeals to the question of the eastern Polish borders has stimulated Foreign Office to its decision as well as to search for a formula that would allow the government to maintain credibility within the country.*

УДК 94(476)"1939":94:314.151-054.73(438)"1939"

Д. М. Толочко

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ПОЛЬШИ В СЕНТЯБРЕ 1939 Г. В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

Большинство простых жителей республики относились к беженцам с сочувствием. Люди видели их бедственное положение Нередко (это относится к еврейским организациям региона), они оказывали им материальную и иную помощь. Представители органов власти воспринимали беженцев в большинстве совсем как обузу, которую повесили на них.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев, в основном еврейской и польской национальности, двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. 17 сентября 1939 г. началась операция Красной Армии в Польше. В этой связи большинство беженцев – поляков бросилось из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, частично в Румынию,

Литву. Однако и оставшихся в западном регионе Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населенных пунктов Западной Украины и Западной Беларуси. Более того, беженцы большими группами продолжали прибывать в Западную Беларусь вплоть до конца сентября 1939 г., т. е. до установления окончательной границы между СССР и Германией.

В основной своей массе это были представители еврейской национальности, которые пытались найти убежище в СССР. В этой связи 6 октября 1939 г. в донесении начальника политического управления Белорусского фронта Иванова армейскому комиссару Л. Мехлису отмечалось следующее: «В городе Соколов и на дороге к реке Буг в течение 3–5 дней наблюдается беспрерывный поток беженцев, едущих и идущих с детьми на территорию Западной Беларуси. Евреи – беднота со слезами на глазах говорят: «Только при Красной Армии с нами стали говорить как с людьми» [1, л. 22–25]. Данное обстоятельство было неудивительным. В докладной записке секретаря Бресткого обкома КП(б)Б Н. Киселева в ЦК КП(б)Б указывалось: «Немецкие военные власти издеваются над еврейским населением, выгоняют из городов и местечек, старикам обрезают бороды, запрещают ходить по улицам и заниматься какой-либо торговлей. Кроме того, евреев используют на черновых работах по очистке города…» [2, л. 3].

Необходимо отметить, что евреи подвергались гонениям не только со стороны немецких властей, но и со стороны поляков. Так, в упомянутом нами письме П. Варгафтер приводится следующий факт: «…После прихода немцев в Варшаву сильно чувствовался антисемитизм среди польских рабочих. Они помогали немцам в угнетении евреев…». Аналогичные примеры отмечали и другие беженцы [3, л. 1–13].

Начиная с октября 1939 г., поток беженцев с немецкой территории значительно сократился, т.к. советские пограничные части задерживали этих людей и, несмотря на слезные просьбы, выдворяли их обратно. Только 24 октября 1939 г. около 700 беженцев, в основном женщины и дети, с криками: «Бейте нас, но обратно мы не пойдем», пытались перейти советскую границу. 28 сентября 1939 г. аналогичную попытку предприняли 340 беженцев. Все эти попытки решительно пресекались советскими пограничными частями [4, л. 236, 239, 255].

Несмотря на принимаемые советскими пограничниками меры, беженцы продолжали нелегально прибывать на территорию Западной Беларуси вплоть до конца года, тем более что, как отмечали сами беженцы, сделать это было несложно [3, л. 2]. О массовости нарушения беженцами советско-германской границы свидетельствует такой факт.

Начиная с 13 октября 1939 г., дислоцировавшимся в районе г. Бреста советским пограничным отрядом, за нелегальный переход границы ежесуточно задерживалось 100–120 беженцев. Первоначально вопросами, связанными с расселением и трудоустройством беженцев в Западной Беларуси, занимались созданные при городских и областных временных управлениях комиссии по устройству беженцев. Они размещали их в школах, синагогах, на частных квартирах, пытались устроить их на работу. Большую помощь оказывали местные еврейские общины, которые отдавали беженцам синагоги под интернаты. Только в г. Белостоке им было передано 30 синагог, а в целом по области – 63 [5, л. 179].

Однако прибывших в Западную Беларусь беженцев было так много (по некоторым данным их насчитывалось порядка 125 тысяч человек), что местные органы власти оказались не в состоянии в полной мере осуществить данные мероприятия. В оперативной сводке Л. Цанавы П. Пономаренко, датированной 13 октября 1939 г., отмечалось, что в г. Белостоке беженцы проживают чрезвычайно скученно, в одной из еврейских школ, максимальная вместимость которой составляла 1500 человек, проживает 3000 человек [6, л. 79–80]. Скученность населения вызывало угрозу инфекционных заболеваний. Только среди прибывших в г. Белосток было выявлено 40 человек больных тифом.

Ситуация осложнялось тем, что нередко беженцы прибывали в Западную Беларусь без теплой одежды, обуви и иных средств к существованию. Имели место случаи, когда местные жители грабили колонны с беженцами. Подобные факты фиксировались не только на территории Западной Беларуси, но и в Западной Украине. Например, 26 сентября 1939 г. Военный совет Украинского фронта принял постановление «О случае мародерства и изнасилования со стороны красноармейца 59-го кавполка 14-й кавдивизии Фролова Егора Ефимовича». В ночь на 21 сентября в Езерно Фролов задержал беженцев, запугав их, присвоил часть вещей и изнасиловал женщину. Фролов был осужден к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение [7, с. 374].

14 октября 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б принимает решение просить ЦК ВКП(б) разрешить разместить 20 тысяч беженцев на территории БССР [8, л. 24–25]. 21 октября 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР удовлетворили эту просьбу [9, л. 218]. К 14 ноября 1939 г. в БССР прибыло около 22 тысяч беженцев. По национальному признаку евреев было – 17 803, поляков – 432, русских – 318, белорусов – 119, украинцев – 77, прочих – 7. Среди указанных данных дети не показаны [10, л. 274].

Отношение рядовых жителей республики к беженцам было неоднозначным. Можно было встретить жалость к этим людям, удивление

их желанию приехать в БССР, отмечались даже негативные эмоции по отношению к ним.

Немало было случаев, когда жители БССР, в основном еврейской национальности, помогали беженцем трудоустроиться, пытались оказать им материальную помощь. Так, 16 января 1940 г. в одной из Минских синагог, как сообщали органы НКВД БССР, «состоится сборище еврейских клерикалов в количестве 30–35 человек… На указанном вечере предполагается сбор денежных средств в пользу семей … беженцев из Западной Белоруссии… На вечере будут присутствовать беженцы из бывшей Польши» [10, л. 92–94]. В протоколе заседаний Дрибинского райкома от 6 декабря 1939 г. отмечен следующий факт: «…Председатель Роснянского сельсовета, Дрибинского района т. Петров и директор спиртзавода т. Покосенко, допустили сбор пожертвований с рабочих завода и жителей местечка Рясна в пользу беженцев, прибывших на жительство в Дрибинский район. Райкомом предложено Петрову и Покосенко возвратить собранные деньги…».

Некоторые жители БССР встретили беженцев с удивлением. В основном такую реакцию демонстрировали те, кто был недоволен советской властью или знал действительное экономическое положение в Польше. Эти люди не могли понять, почему беженцы бегут из сытой Польши в СССР, где в магазинах зачастую не было самого необходимого. Так, согласно донесениям органов НКВД по Полесской области, среди некоторых жителей региона имели место в отношении беженцев такие высказывания: «Зачем вы сюда приехали, в России нет ни мануфактуры, ни сахара, и вообще ничего нет», – заявила беженцам некто Ракитская, муж, брат и племянник которой были репрессированы в 1937 г. Колхозница колхоза «3 Решающий» Мозырского района среди беженцев говорила: «Что вы сюда приехали, вы тут с голоду умрете, вас тут будут кормить пополам с водой» [11, л. 280–281].

Часть жителей БССР была недовольна приездом беженцев. Эти люди считали приезжих нахлебниками, которые не хотят работать, а требуют предоставления им квартир, создания хороших бытовых условий и т. д. Как доносили органы НКВД Могилевской области первому секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко, среди жителей области имело место недовольство приездом в область беженцев. Так, «некоторые жители г. Костюковичи с сопротивлением отнеслись к приему и размещению прибывших беженцев из Западной Белоруссии, о чем свидетельствуют следующие факты. 9 ноября с. г. на совещании в Горсовете по вопросу размещения по квартирам беженцев с резким протестом выступил член сапожной артели «Красный богатырь»

Мотянко С., беспартийный белорус. Спустя два дня, т. е. 11 ноября в городе появились местные анонимные письма с протестом против размещения беженцев, кроме того, обнаруженные письма носят явно антисоветский, шовинистический характер» [12, л. 134].

Среди Жителей Полесской области органы НКВД БССР регулярно отмечали высказывания подобные на заявление колхозника Головача в кругу других колхозников: «Кто-то воевал и голову положил и когда потребуется оказать какую-либо помощь колхознику, то ему нет, а как евреи, то все переехали в Советский Союз, им выдают пособия, предоставляют работу, в колхоз ни один не пошел, это все на нашу шею; колхозник должен хлебом всех кормить…» [11, л. 281]. В конце ноября 1939 г. некоторыми жителями г. Минска было захвачено часть синагог города. «Захватчики ночью врывались в синагоги, выдавая себя за работников милиции и насильственным путем, в отдельных случаях применяя физическое воздействие, занимали синагоги под квартиры. Сторож синагоги, оказавший при захвате сопротивление, был избит и от нанесенных побоев умер. Один из участвующих в захвате на предложение освободить синагогу ответил: «Не боюсь, кто приехал из Западной Белоруссии, получили хорошие квартиры, а рабочих выбрасывают на улицу… Наши церкви закрыли, а синагоги оставили, для них все оставляют…» [10, л. 339–342].

Со стороны ответственных лиц очень часто проявлялось бездушное, черствое отношение к беженцам. Эти люди нередко воспринимали беженцев как дополнительную обузу [18, с. 29]. В Гомельской области имели место случаи, когда отпускаемые беженцам продукты питания были недоброкачественными (гнилой картофель, вместо гороха выдавался семенной материал). Заведующая Жлобинским райздравом отказалась оказать помощь заболевшему беженцу, мотивируя это тем, что, якобы, нет бензина [13, л. 324]. В Скрыгаловском сельском совете Мозырского р-на в связи с антисанитарным состоянием жилищ для беженцев наблюдались случаи вшивости [11, л. 267]. Заведующий учебной частью по подготовке механизаторских кадров Полесской области не обеспечил надлежащие бытовые условия для учебы беженцев. Когда они начали обращаться к нему с жалобами по поводу плохого питания, он отвечали им: «Если вам плохо, уезжайте домой». Рабочий Мозырской ГЭС беженец Чернович не получал заработную плату в течение 1,5 месяца. Когда он обратился по поводу отсутствия денег на пропитание к директору, получил следующий ответ: «А для чего вам кушать, можно и без этого обойтись» [14, л. 21]. Рабочий – беженец Познанский, работая с местным монтером Супруненко, указал ему на недостатки в работе, на что последний немедленно выразился

в антисемитской форме. Беженка Заурберман, работавшая на лесозаводе «Пролетарий», несколько раз обращалась в городской совет Мозыря с просьбой по состоянию здоровья перевести ее на более легкую работу, однако в помощи ей было отказано [15, л. 129–130].

К директору мебельной фабрики «Профинтерн» г. Мозыря обратился беженец Айзенберг с просьбой поселить его в отдельную комнату в общежитии в связи с тем, что он собирается жениться. На это он получил отказ (директор намеревался заселить в комнату некую М. Савенко). После самовольного заселения по приказу директора он был выселен из общежития. При этом директор неоднократно публично заявлял: «Не могу я работать с этими евреями» [16, л. 321, 393].

По этому поводу среди беженцев нередко отмечались высказывания такого рода такого рода: «К беженцам здесь относятся хуже, чем к собакам, в каждом из нас видят шпиона», – заявил один из них в беседе с рабочими мозырского завода «Пролетарий» [15, л. 130].

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить следующее. Значительная часть еврейских беженцев, прибывших в БССР, не встретила к себе достойного отношения со стороны местных органов власти в устройстве на работу, обеспечении жильем и т. д. Более того, нередко со стороны местных жителей имело место проявление антисемитизма. Как результат, только к 7 февраля 1940 г. около 4 308 беженцев (не считая детей) бежали в Западную Беларусь, на Украину, другие регионы Советского Союза, даже в Польшу оккупированную Германией. Из них более 90 % были представителями еврейской национальности и незначительная часть поляков.

Список использованных источников и литературы

1 Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 21. –Д. 1739.

2 Там же. – Д. 1585.

3 Там же. – Д. 1777.

4 Там же. – Д. 1689.

5 Там же. – Д. 1942.

6 Там же. – Д. 1683.

7 Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М., 2001.

8 НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 870.

9 Там же. – Оп. 21. – Д. 1486.

10 Там же. – Д. 2075.

11 Государсвенный архив общественных объединений Гомельской области (далее: ГАООГом.обл). – Ф. 702. – Оп.1. – Д. 64.

12 НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1682.
13 Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1230. – Оп. 1. – Д. 13.
14 ГАОО Гом. обл. – Ф. 702. – Оп.1. – Д. 126.
15 Там же. – Д. 127.
16 Там же. – Д. 128.
17 Лазько, Р. Р. Паход Чырвонай Арміі на Захад у верасні 1939 г.: погляд з Усходу / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны сшытак. – Беласток, 2000. – № 13. – С. 21–32.

Dzmitry Tolochka. Refugees from Poland in September 1939. In the public perception of Soviet Belarus. *The majority of simple inhabitants of republic concerned refugees with sympathy. People saw their distress Quite often (it concerns the Jewish organizations of region) they rendered them material and other help. Representatives of authorities perceived refugees in the majority just as a burden which have hung up on them.*

УДК94:329.18:351.746.1(474.3)"1941-1944":94:329.18:355.716(476.1)"1941-1944"

А. П. Богданова

Белорусский государственный университет

ЛАТЫШСКАЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ОХРАНЕ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ ТРОСТЕНЕЦ

С первых дней оккупации Минска и его окрестностей нацистами был установлен режим кровавого террора и насилия. Пособниками военных преступлений были латышские коллаборационистские формирования. Команда СД Арайса принимала непосредствоенное участие в систематическом уничтожении советских военнопленных, партизан, подпольщиков и мирного гражданского населения, а также несла охрану узников Тростенецкого лагеря и мест массового уничтожения в его окрестностях.

В годы Великой Отечественной войны на территории оккупированной Беларуси в войсках вермахта, формированиях СС, полиции безопасности и СД, а также в других оккупационных вспомогательных частях и командах находились представители различных национальностей. За период оккупации Беларуси, нацистами и пособниками нацистского режима было совершено огромное количество преступлений против человечности: массовые и одиночные казни мирного населения и военнопленных, уничтожение граждан еврейской национальности, карательные экспедиции против партизан и подпольщиков, а также

созданная нацистами целая система концентрационных лагерей и мест массового уничтожения.

Одним из звеньев в этой системе уничтожения был Тростенецкий лагерь смерти, созданный нацистами в одиннадцати километрах к юго-востоку от Минска. На протяжении всего периода функционирования здесь осуществлялось систематическое истребление советских военнопленных и мирного населения.

Значительную роль в реализации планов геноцида сыграли различные формирования, созданные нацистами из числа советских граждан. В нацистских злодеяниях на территории Беларуси непосредственное участие принимали латышские коллаборационисты: «команда Арайса» («латышская вспомогательная полиция безопасности») и более 20 полицейских батальонов (впоследствии частично сведенные в 3 полицейских полка); эпизодическое – 15-я латышская дивизия Вафен-СС; опосредованное – пограничные полки и латгальские строительные батальоны [13, с. 19–20].

«Команда», носившая имя своего создателя – Виктора Арайса, была сформирована летом 1941 г. и насчитывала к концу января 1943 г. около 1200 карателей [13, с. 19]. Члены «команды Арайса» проходили трехмесячную подготовку в специализированной школе СД в Фюрстенберге в Германии. Целью обучения в школе было – подготовка кадров полиции и СД для последующей засылки на оккупированные территории Советского Союза. Однако, со временем тех, кто окончил Фюрстенбергскую школу использовали в ходе карательных экспедиций против партизан и подпольщиков [3, л. 152]. В ходе обучения они проходили строевую и стрелковую подготовку, обучались восточным единоборствам, криминальному и фотоделу, основам топографии, изучали историю и идеологию НСДАП, немецкий язык. После окончания трехмесячных курсов, все участники Фюрстенбергской школы СД принимали присягу на верность служения германской армии [6, л. 106].

Следует заметить, что в Фюрстенбергской школе, обучение проходили не только латыши, а также литовцы и эстонцы, но они проходили обучение отдельным курсом [3, л. 152].

Первые сведения о присутствии членов «команды Арайса» в Минске относятся к апрелю 1942 г. Прибывшие поступали в расположении Минского СД, а точнее, в распоряжение IVA отдела, занимавшегося выявлением и уничтожением коммунистов, организаторов и участников подполья, партизанских формирований и их сторонников, о чем показал бывший член команды «Арайса» Ансис Киселис в ходе допроса от 4 июня 1948 г.: «На службе при полиции СД г. Минска находился

с первых чисел апреля по сентябрь 1942 г., служил при отделе «4-а», который занимался вопросом борьбы с советскими партизанами» [4, л. 27]. «Команда Арайса» непосредственно подчинялась командиру службы безопасности и СД обершмурмбаннфюреру СС Эдуарду Штрауху [5, л. 25], который возглавлял Управление полиции безопасности и службы безопасности по Беларуси в Минске.

К маю 1942 г. оформилась структура ведомства Штрауха, которая была аналогичной устройству Главной канцелярии имперской безопасности и подразделялась на пять отделов с ответственными руководителями: отдел I занимался кадрами, II – всеми вопросами организации снабжения. Отдел III являлся службой безопасности (СД), его работа состояла в идейном надзоре и политическом сыске, контроле над всеми существовавшими учреждениями и предприятиями, частными лицами, выявлении неблагонадежных [15, s. 117]. Отдел IV занимался непосредственной расправой с противниками режима. Возглавлял отдел Георг Хойзер. Он же был заместителем Эдуарда Штрауха. И хотя официально нигде не упоминалось слово «гестапо», но именно так этот отдел называли сотрудники ведомства [11, л. 24].

В отделе Георга Хойзера имелись литерные подразделения. Отдел IVA, который упоминался выше, во главе с оберштурмфюрером СС Куртом Буркхардом, а после его гибели 14 июня 1942 г. – комиссаром криминальной полиции оберштурмфюрером СС Иоханесом Федером.

Функция отдела IVБ состояла в реализации «окончательного решения еврейского вопроса», в его распоряжении находилось Минское гетто и лагерь смерти Тростенец. Шефом отдела IVБ первое время был оберштурмфюрер Эрих Липенгус, в конце 1942 г. его сменил оберштурмфюрер Герхард Мюллер [12, л. 15–16].

И в последующем, вновь прибывшие участники «команды СД Арайса», направленные в Минск из Риги, находились в распоряжение IV отдела. Приезд в Минск, описывают по-разному: «В апреле 1942 г. я в составе охранной роты «команды СД Арайса» был направлен в г. Минск и по приезде туда находился в городе около одного месяца. В течение этого месяца я в составе роты проходил строевую и стрелковую подготовку, а также нес охрану гаражей, зданий СС и СД и дежурил в расположении казарм» [4, л. 23 (оборот) –24].

По показаниям другого участника команды, их группа в количестве примерно сорока человек под командованием старшего лейтенанта Кушкис и лейтенанта Озолса была направлены в Минскв конце мая 1942 г. на автобусе [7, л. 24]. Еще один из участников тех событий сообщил, что в середине июня 1942 г. их команда, под руководством

старшего лейтенанта Карлиса Озалса, на поезде выехала в г. Минск, где поступила в распоряжение Минского СД [8, л. 45].

Всего, по имеющимся данным, в период с апреля по октябрь1942 г. в распоряжение Минского СД прибыло около 800 участников «команды СД Арайса». Данное предположение основывается на анализе документов и материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Латвии в Риге. Однако, имеющиеся сведения являются разрозненными и эпизодическими, что не позволяет сделать однозначные выводы и могут потребовать некоторых уточнений.

По прибытию в Минск участников «команды СД Арайса» разделили на взводы, численностью до 25 человек и перед каждым взводом ставились определенные цели и задачи. Одна часть была задействована в проведении карательных операции против советских партизан и мирных жителей. В задачи других входило несение охраной службы штабов полиции СД, военных объектов, а также охрана Минского гетто и лагеря с арестованными советскими и иностранными гражданами еврейской национальности, расположенного «примерно в семи километрах от города Минска, в постройках (бывшего – *пр. автора*) совхоза» [4, л. 34 (оборот)].

Данные сведения представляют огромный интерес для исследователей, потому что до сегодняшнего дня среди историков нет единого мнения относительно времени создания и охраны лагеря смерти Тростенец. Известно лишь то, что в деревне Малый Тростенец, на землях довоенного колхоза имени Карла Маркса, весной 1942 г. было создано «подсобное хозяйство СД Тростенец» Это было так называемое имение начальника полиции безопасности и СД [14, с. 118].

На момент формирования будущее «имение командира» насчитывало несколько сараев и амбаров, в этот момент Штраух решил использовать «хозяйство СД» в качестве дополнительного места заключения и получение прибыли от принудительной работы заключенных, тем более подобный опыт практиковался в Риге при создании лагеря в Саласпилсе. В конце апреля сюда были доставлены первые принудительные рабочие – 22 белоруса из минской тюрьмы, их разместили в одном из амбаров и приказали выполнять строительные работы.

Для охраны только что созданного Тростенецкого лагеря были привлечены члены «команды СД Арайса». Из протокола допроса обвиняемого Августа Лиепиньш от 14 марта 1949 г.: «В начале апреля 1942 г., в составе специально сформированной карательной роты под командованием лейтенанта Лацис, был послан в Минск, где и находился до августа 1942 г… По прибытии в Минск, расположились в городе в специально оборудованном для нас помещении. Штаб роты находился

постоянно в Минске, а состав роты посылался отдельным караулом, численностью около двадцати человек, на охрану лагеря политических заключенных, расположенного в окрестностях Минска на расстоянии десяти-двенадцати километров, в котором содержались в заключении, преимущественно, евреи. Лагерь был расположен в колхозе, или бывшем совхозе, где для заключенных были отведены специальные помещения. Ограждения лагерь не имел и только охранялся пятью наружными постами нашей роты. При лагере находился постоянно помощник коменданта из немецких унтер-офицеров, а сам комендант только приезжал в лагерь из Минска для наблюдения за евреями» [3, л. 88–89].

Как видим из этого документа, оформление трудового лагеря при «подсобном хозяйстве СД Тростенец» было начато в апреле 1942 г., а охрану лагеря составили латыши, из числа прибывшей в распоряжение минского СД участников «команды СД Арайса».

В конце мая 1942 г. в Минск из Риги была командирована еще одна группа сотрудников «команды СД Арайса», в обязанности которой входило несение охранной службы в «немецком имении» советских военнопленных и лиц еврейской национальности [7, л. 149]. Вот выдержки из протокола допроса: «Я назначался на охрану арестованных граждан еврейской национальности, которые занимались сортировкой вещей, отобранных немцами у еврейских граждан. Эти вещи находились здесь же, в имении, в сараях. Мне приходилось охранять также и указанные сараи с вещами. Названное место находилось, примерно, в 13 км от Минска, в сторону Москвы. Туда мы направлялись, примерно, на одну–две недели, затем возвращались в Минск, там день–два отдыхали, после чего снова отправлялись на охрану указанного имения. Название этого имения я не знаю. Туда мы выезжали на автомашинах. Это имение тогда было превращено в подсобное хозяйство СД. Он располагалось, примерно, в километре от шоссе, идущего из Минска, в правую сторону. Там находилась плотина, пруд и водяная мельница, которая тогда не работала. По дороге, ведущей от шоссе к имению, справа находилась укрепленная точка (бункер), где постоянно находился наш пост. Кроме того, вокруг имения было около трех постов, где мне и приходилось находиться» [8, л. 231–232].

В мае 1942 г. после довольно длятельного перерыва, возобновились депортации иностранных евреев из Западной Европы в Минск. Депортированные евреи, за исключением очень немногих, отобранных для работы, уничтожались сразу же после прибытия в окрестностях Тростенца, у специально вырытых ямах-могилах в урочище Благовщина [16, s. 10].

Для уничтожения еврейского населения, прибывавшего эшелонами из стран Европы, а также содержавшегося в Минском гетто привлекались и латыши, о чем свидетельствует протокол допроса: «В город Минск доставлялись евреи почти со всей Европы. Они привозились из Франции, Румынии, Германии, Австрии, Польши и других мест…».

За период, с июля месяца 1942 г. по сентябрь 1943 г., пока там находилась наша рота, происходило систематическое уничтожение евреев: их расстреливали мы, их душили в специальных газовых камерах. Я лично участвовал в конвое по доставке евреев на автомашине к газовой камере, которая была установлена в лесу. Туда загонялись евреи, герметически закрывались двери и пускался в действие мотор. Отработанными газами люди умерщвлялись, трупы их выбрасывались и специальные команды арестованных их зарывали в могилы. Эта газовая камера представляла из себя обыкновенную автомашину со специальными устройствами для выхода отработанных газов во внутрь кузова, который, как я сказал выше, герметически закрывался. В Минске эта машина умерщвляла людей, больше действуя мотором на месте, только изредка она умерщвляла людей при перевозке» [5, л. 25 (оборот) – 26].

Душегубки применялись по особому приказу минского ведомства охранной полиции и СД с начала июня 1942 г. В день одна душегубка делала от 4-х до 6–7 таких рейсов и вмещала в себя около 100 человек [16, s. 32].

Одновременно с проведением массовых казней иностранных евреев, в окрестностях Тростенца уничтожались и евреи из Минского гетто. Так, в период с 28 по 31 июля 1942 г. узников Минского гетто вывозили в урочище Благовщина, в охране места уничтожения находились служащие «команды СД Арайса». Об этом на следствии говорил бывший участник команды СД Арайса: «Утром, в один из дней конца июня или июля, точно сейчас за давностью времени вспомнить не могу, в 1942 г., нас примерно в количестве 60 человек в полном вооружении собрали перед зданием СД и сообщили, что будем посланы на выполнение одного задания, на какое не сказали. Затем нас посадили на автомашины, и мы поехали по Смоленскому шоссе из г. Минска. Доехав имения, о котором я сообщал ранее, наши автомашины свернули со Смоленского шоссе налево, в лес, и по лесу проехали примерно метров пятьсот и остановились…

В метрах двухстах от автомашин я увидел свежевырытую яму, с примерными размерами три на двадцать метров, какой глубины не видел…

После того как нас по два человека расставили по постам, нам объяснили, что здесь будет происходить расстрел граждан еврейской национальности, а в нашу задачу… входит не допускать к месту расстрела никого посторонних, смотреть за тем чтобы никто из привозимых евреев не сбежал…

Само место казни нам не было видно, но стрельба слышалась отчетливо. Примерно, в часов десять – одиннадцать, началась стрельба, и в течение всего времени расстрелов, слышны были сплошные крики, стоны, рыдания расстреливаемых людей. Расстрел людей продолжался до темноты без перерыва. После возвращения в казармы вечером и на следующий день, другие участники команды, которые подвозили к месту расстрела заключенных рассказывали, что они все это время подвозили на автомашинах из Минского гетто евреев, около ямы высаживали, где их, уже другие участники, казнили расстрелами… По рассказам тех участников команды, которые подвозили к месту расстрела евреев, то за этот день было привезено примерно три тысячи человек, где их расстреляли. Расстрелы продолжались три дня, за эти три дня было расстреляно, по рассказам других участников команды, примерно (около) десяти тысяч человек, граждан еврейской национальности» [8, л. 45–50].

Однако помимо охраны мест массового уничтожения, некоторые сотрудники «команды Арайса», принимали активное участие в акциях уничтожения и не скрывали этого: «Расстрелы мы производили в четырнадцати километрах от г. Минска, в лесу, название места сейчас сказать не могу, забыл… Кроме того, что я истреблял партизан, борющихся против немецких захватчиков, я также принимал активное участие в истреблении еврейского населения. В городе Минске находилось несколько тысяч евреев и плюс много тысяч было привезено из других городов, которых мы последовательно расстреливали и душили газами в машине «душегубка».

Когда начались расстрелы евреев, мы расстреливали два-три дня в неделю, а потом три–четыре дня в неделю. С утра и до вечера из лагерей и с вокзала автомашины возили детей, стариков, молодых женщин, девушек, мужчин, мы их подводили к приготовленным могилам и расстреливали, в некоторых стреляли по несколько раз, в силу того, что были пьяными плохо попадали, вернее за раз не убивали; тут же стоял немецкий доктор и указывал, кто еще не добит, последних мы добивали» [9, л. 167–168].

В июне–июле 1942 г. акции уничтожения иностранных и местных евреев носили систематических характер. Депортированные прибывали с большим количеством вещей, которые отбирались прямо на

станции и отвозились в Тростенецкий лагерь для сортировки, а людей сажали в грузовые автомашины и отвозили к месту расстрела в урочище Благовщина [4, л. 28].

Чтобы доставлять депортированных и обреченных на смерть людей ближе к месту уничтожения, в августе 1942 г. был сооружен небольшой временный вокзал с платформой на месте, где производилась разгрузка и сортировка обреченных. Таким образом, начиная с 16-го эшелона, прибывшего 10 августа 1942 г. из Терезиенштадта, поезда останавливались в непосредственной близости от деревни Большой Тростенец. Пути, которые прежде шли до Михановичей, заканчивались несколько сотен метров севернее Тростенца [1, с. 45].

Затем по известному «сценарию» людей конвоировали от места прибытия к ближайшим могилам. Уничтожение производилось посредством отравления газами и в незначительном количестве путем расстрела.

Кроме того, в окрестностях Тростенца совершались казни подпольщиков и лиц, подозреваемых в связях с подпольем, партизан, взятых в плен в ходе карательных экспедиций [4, л. 28], мирных горожан, схваченных в ходе «облав», после крупных операций подполья, которых после беглой проверки отправляли на расстрел к Благовщинским рвам [10, с. 5]. В том числе, систематически проводились «чистки» среди узников лагеря смерти Тростенец [2, л. 88]. Непосредственное участие в этих казнях принимали члены «команды СД Арайса».

С первых дней оккупации Минска и Минской области нацистами и пособниками нацистского режима проводилось систематическое истребление советских военнопленных и мирного гражданского населения. Для осуществления своих человеконенавистнических планов, весной 1942 г. в окрестностях Минска был создан «конвейер смерти» Тростенец, самый крупный по количеству уничтоженных из созданных нацистами на территории бывшего СССР.

В исторической памяти белорусского народа о латышских полицейских батальонах, которые в разное время оперировали на территории Беларуси, остались негативные сведения – как о карателях, многие из которых говорили по-русски и отличались жестокостью по отношению к белорусам. Нам представляется, что необходимо дальнейшее исследование вопросов, связанных с созданием, структурой и деятельностью на территории Беларуси всех, в том числе «прибалтийских», формирований. Без их объективного освещения неизбежно будет умаляться глубина и величина истинной трагедии, постигшей народы в годы Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Список использованных источников и литературы

1 Геноцид во Второй мировой войне: проблемы исследования (в память о жертвах Тростенца) : материалы междунар. науч. конф., Минск, 25–27 апреля 2002 г. / Изд. центр Белорус. гос. ун-та ; редкол.: К. И. Козак, А. М. Литвин, У. Н. Сидорцов. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2003. – 278 с.

2 Государственный архив Латвии (ГАЛ). – Ф. 1986. – Оп. 1. – Д. 2782. – Т. 1. – Л. 87–94.

3 ГАЛ. – Ф. 1986. – Оп. 1. – Д. 2782. – Т.2. – Л. 150–208.

4 ГАЛ. – Ф. 1986. – Оп. 1. – Д. 2891. – Л. 27–37.

5 ГАЛ. – Ф. 1986. – Оп. 1. – Д. 28445. – Л. 23–28.

6 ГАЛ. – Ф. 1986. – Оп. 1. – Д. 29685. – Л. 105–106.

7 ГАЛ. – Ф. 1986. – Оп. 1. – Д. 44853. – Т. 1. – Л. 24–27, 147–151.

8 ГАЛ. – Ф. 1986. – Оп. 1. – Д. 44853. – Т. 2. – Л. 45–50.

9 ГАЛ. – Ф. 1986. – Оп. 1. – Д. 44853. – Т. 4. – Л. 165–170.

10 Жумарь, С. В. Тростенец / С. В. Жумарь, Р. А. Черноглазова. – Минск : 2003. – 104с.

11 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 370. – Оп. 4. – Д. 13. Л.

12 НАРБ. – Ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 15–16.

13 Уничтожить как можно больше…: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941–1944 гг. : сб. док. / Фонд «Историческая память»; редкол.: А. Р. Дюков [и др.]. – М. : Фонд «Историческая память», 2009. – 360 с.

14 Хеккер, К. Немецкие евреи в Минском гетто / К. Хеккер. – Минск : 2007. – 154 с.

15 Gerlach, Christian Kalkulierte. Morde die deutsche Wirtschafts-und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944 / Ch. K. Gerlach. – Hamburg : 2000. – 1232 S.

16 Kohl, Paul Das. Vernichtungslager Trostenez: Augenzeugenberichte und Dokumente / Paul Kohl. – Dortmund : 2003. – 112 S.

17 Rentrop, Petra. Tatorte der «Endlösung»: Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin : 2011. – 256 S.

***Hanna Bahdanava*. Latvian auxiliary security police as guards of the Trostenets death camp.** *From the first days of the occupation of Minsk and the surrounding area the regime of bloody terror and violence was established by the Nazis. Latvian collaborationist formations were accomplices of war crimes. The Arajs Command took a direct part in the systematic extermination of Soviet prisoners of war, partisans, underground fighters and innocent civilians, as well as in guarding prisoners of the Trostenets camps and places of mass destruction in the surrounding area.*

УДК 94(477) (092) «1941/1942»

О. Л. Кір'янова

Національний технічний університет України
«Київський політехнічний інститут»

ПЕРЕБУВАННЯ РОМАНА ШУХЕВИЧА НА ТЕРИТОРІЇ БІЛОРУСІ (БЕРЕЗЕНЬ–ГРУДЕНЬ 1942 Р.): КОНТРАВЕРСІЙНІСТЬ ОЦІНОК

Метою дослідження є встановлення об'єктивних відомостей та спростування міфів про перебування Р. Шухевича на території Білорусі під час Другої світової війни. Нами доведено, що перебування на території Білорусі Р. Шухевич сприймав, як підготовчий етап за визволення України; встановлено, що Р. Шухевич не брав участі у каральних операціях проти цивільного населення, а лише протидіяв збройним нападам радянських партизан та спецслужб НКВС; підтверджено, що під час цієї служби він не отримував від нацистських окупантів ніяких нагород та звань.

Президент України В. Ющенко (2005–2010) своїм указом від 2007 р. присвоїв посмертно звання Героя України Роману Шухевичу (1907–1950), якому саме тоді мало би виповнитися сто років. Цей указ спирався на Положення про надання звання Героя України, яке приймалося ще Президентом Л. Кучмою (1994–2005), у якому було зафіксовано цілу низку вимог до претендента, у тому числі й мати статус українського громадянства. Водночас юристи періоду правління президента В. Ющенка не надали великої уваги цим правовим деталям. Як відомо, Р. Шухевич ніколи не мав офіційного українського громадянства, оскільки народився він в Австро-Угорській імперії, потім був громадянином Другої Речі Посполитої (1925–1939), згодом підлеглим Третього Райху (1939–1942), а з 1943 по 1950 рік – борцем за Українську державність. Здавалося цього досить, але юридичні деталі не були відрегульовані з правовими нормами положення Л. Кучми. З приходом до влади нового Президента В. Януковича (2010–2014), ці правові невідповідності були успішно задіяні й Р. Шухевича позбавили звання Героя України.

У зв'язку з цим, актуальність дослідження цієї теми полягає в тому, щоби спробувати надати науково-виважену оцінку військовій діяльності Р. Шухевича та відновити історичну справедливість у питанні його перебування в Білорусі (березень–грудень 1942 р.). Оскільки щодо цього періоду в житті Р. Шухевича було створено найбільше міфів, які частково посприяли позбавлення його почесного звання.

Тому, доцільність нашої наукової розвідки, також проявляється в намаганні спростувати псевдонаукові точки зору щодо біографії українського патріота, які успішно поширюються на пострадянському просторі.

Метою даної статті є вивчення контраверсійних точок зору щодо періоду життя, коли Р. Шухевич перебував на території Білорусі протягом березня–грудня 1942 р. Реалізація мети визначає завдання статті: об'єктивно простежити відомості про період життя, коли Р. Шухевич ніс службу у 201-му поліцейському батальйоні на території Білорусі; спираючись на дискусійні точки зору щодо військової діяльності Р. Шухевича в період 1942 р. дати їй оцінку.

Проведений аналіз досліджень і публікацій, в яких було започатковано розв'язання даної проблеми засвідчив, що заявлена проблематика потребує подальшого фахового вивчення. Отже, оприлюднимо різні точки зору щодо Р. Шухевича та його перебування у складі 201-го поліцейського батальйону, який ніс службу на території Білорусі.

Тривалий час в СРСР та в пострадянський період пересічним громадянам України та Білорусі нав'язувалася в науковій літературі, ЗМІ, Інтернет-ресурсах думка про те, що українські «буржуазні націоналісти» та «бандерівці», серед яких особливо виділяли Р. Шухевича, були вірними прислужниками фашистів під час Великої вітчизняної війни, і брали участь у каральних операціях проти мирного населення та відзначилися своєю жорстокістю та злочинами проти людяності. Особливо брутальна брехня про діяльність Р. Шухевича стала поширюватися в ЗМІ після оприлюднення указу президента В. Ющенка про присвоєння йому героя України. Найбільш типовими стають так звані «розвінчувальні» публікації про те, що Р. Шухевич був кавалером двох лицарських орденів нацистської Німеччини. Йому приписували спільні каральні операції з військами Вермахту проти цивільних. Ось як красномовно описано в одній з таких статей: «Между тем нет ни одного документа, свидетельствовавшего, что отряды УПА воевали с крупными силами вермахта. А вот документов о совместных действиях украинских националистов с нацистами – хоть отбавляй. И ещё больше документов рассказывают об изуверствах, которые творили «национальный герой» Роман Шухевич и его братья по оружию» [8].

Особливу увагу в такого роду публікаціях приділяли перебуванню Р. Шухевича в 1942 році в Білорусі, оскільки цей період в його військовій біографії є найменше вивченим дослідниками. Зокрема, ось таку «правду» автори поширюють своїм читачам через мережі Інтернету: «Ещё один «героический» этап в истории украинских

националистов и лично командира УПА Романа Шухевича – борьба с белорусскими партизанами. … Даже сами бандеровцы прямо указывают, чем занимался «национальный герой» Шухевич в Белоруссии. За какую Украину он боролся против братского белорусского народа – остаётся только гадать …» [8]. Такого роду публікацій дуже багато, і всі вони акцентують увагу на звірствах Р. Шухевича проти цивільного населення, а не проти ворогів та катів українського народу.

Зрозуміло, що метою цих публікацій є розпалювання міжнаціональної ворожнечі між українцями та білорусами. Оскільки в них події з життя Р. Шухевича будуються на тенденційній інформації, яка не підтверджена ні документально, ні здоровим глуздом. Ось окремі уривки з такої пропагандистської статті, яка цілеспрямовано штовхає на втрату нормальних сусідських відносин з білорусами, з якими українці ніколи не мали прямих збройних конфліктів: «Роман Шухевич уничтожал белорусов…. 201-й Schutzmanschaft батальон был сформирован Шухевичем на базе добровольцев из карательных подразделений «Nachtigal» и «Rolland». В Белоруссии нацисты собрали 35 тысяч украинских «вояк», создав из них 101, 102… 118 (Хатынь) и другие батальоны, но 201-й выделялся. Именно его назовет лучшем из всех главный каратель Белоруссии генерал СС Бах-Залевский. В 201-м собралось все ядро будущей УПА: Шухевич (Чупрынка), Шелест, Савур, Линда и т. д. Этот батальон отличался от других «ШУМов» тем, что последние либо просто охраняли что-то, либо проводили карательные акции против мирных жителей. 201-й же изначально предназначался только для активных боевых действий в лесах». Далі автор підсумовує: «…После Белоруссии, награжденный лично Гиммлером железным кресто м и званием Hauptmann, Шухевич по заданию Абвера начинает формировать в конце 1942 г. Украинскую повстанческую армию (УПА) [9].

Що ж насправді відбувалося в 1942 році у військовій діяльності Р. Шухевича? Про цей етап у боротьбі Р. Шухевича за національне визволення українського народу розповідають дослідники, які спираються в своїх працях на широкий масив архівних документів та спогадів учасників тих подій. В. В’ятрович зазначає, що дійсно «Шухевич воював у 1941–1942 рр. у німецькій формі, але це не означає, що вдягаючи її він перебирав на себе відповідальність за всі злочини, вчинені вояками німецької армії. Як свідчать історичні дослідження, ще нікому не вдалося довести вчинення Шухевичем злочинів, хоч таких спроб було дуже багато. На його рахунок намагалися списати знищення польських професорів у Львові, участь

в антиєврейському погромі, каральні акції проти білоруських сіл. Проте всі ці звинувачення залишилися необґрунтованими документально, а тому безпідставними» [2].

Головна мета, яка спонукала Р. Шухевича вдягти німецьку форму, це «забезпечити реалізацію важливого політичного кроку ОУН – проголошення відновлення незалежності України. Цей крок не узгоджувався із німецькими силами, він мав поставити німців перед доведеним фактом (проти фюрера використали його ж улюблений прийом у політиці) існування української держави. Значною мірою українцям це вдалося – ввечері 30 червня 1941 р. оголошено Акт відновлення української державності, вже через кілька годин владу на місцях почали перебирати заздалегідь підготовлені кадри. Німці зайняті швидким просуванням на схід не зуміли швидко прореагувати на цей крок» [1].

У зв'язку з тим, що нацисти вважали українців, як і інші народи СРСР унтерменшами, і бачили їх лише як засіб боротьби з комуністами, тому вони після Акту 30 червня швидко розформували українські військові підрозділи «Нахтігаль» і «Роланд». Вище керівництво ОУН-революційної прийняло рішення, тимчасово припинити активний спротив нацистам, і перевести своїх побратимів на пів-нелегальне становище. Для збереження військового потенціалу, було рекомендовано всім колишнім солдатам «Нахтігаль» і «Роланд» перейти на службу в допоміжні військові частини Вермахту. Ось так Р. Шухевич і його побратими стали вояками 201-го поліцейського батальйону, який розташовувався в Білорусі. Підписавши річний контракт в грудні 1941 р., в березні 1942 р. вони розпочали охоронну службу.

За даними дослідників, уже 16 березня 1942 р. цей батальйон направили в околиці м. Боровки (Білорусь), для охорони військових об'єктів та боротьби проти совєтських партизанів [7]. Він не був сконцентрований в одному місці. Солдати його чотами й сотнями розсіювалися по різних опорних пунктах. Для цього його розташували на просторі уявного квадрату зі сторонами по 50 кілометрів. Відділам, що перебували в містечках (там головним чином квартирували чоти після боїв у лісах), було також доручено охороняти місцеву німецьку адміністрацію [2].

«… Пізніше Роман Шухевич розповідав своєму другові Богданові Чайківському такий випадок. Якось він звернувся до одно білоруського сільського голови і зажадав зустрічі з керівником червоного білоруського підпілля. «Ми не хочемо з вами воювати, бо ми не зброд німецької застави» – сказав тоді Шухевич. Білоруси влаштували йому зустріч з командиром партизан, де вони домовилися, що партизани

не чинитимуть диверсій на території, яку охороняє «Нахтігаль», а «Нахтігаль» не воює з партизанами...» [3].

Водночас, сучасні дослідники підтверджують факт сутичок підрозділу Р. Шухевича з білоруськими радянськими партизанами [1; 2; 3; 4; 5; 6]. З цього приводу В. В'ятрович зауважує: «… Проте не бачив жодних матеріалів, які б говорили про боротьбу українського підрозділу з білоруськими національними партизанами …» [2].

У свою чергу, С. Грабовський підсумовує: «Що ж стосується 201-го батальйону, то науковці і публіцисти з діаметрально протилежними ідеологічними поглядами сходяться на тому, що він не рвався у бій, часом ішов на домовленості про нейтралітет з партизанами (це робив, зокрема, і Шухевич), хоча, безумовно, були й бойові зіткнення та жертви з обох боків» [4].

І саме головне питання, яке стоїть перед істориками, це спростування «доказів» прихильників тоталітарної ідеології участі Р. Шухевича у каральних операціях супроти цивільного населення Білорусі в 1942 р. З цього приводу висловилися майже всі відомі дослідники українського руху опору першої половини ХХ ст. Оперуючи наявною інформацією, почерпнутою з архівів спецслужб СРСР В. В'ятрович пише: «Напевно, якби існували бодай якісь докази участі Шухевича у знищенні мирного населення в Білорусі, ці факти уже давно, ще в радянські часи були б вписані в історію «українсько-німецьких буржуазних націоналістів», ними б сьогодні завзято оперували противники визнання УПА» [2].

Висловили свою точку зору дослідники і щодо німецьких нагород Р. Шухевича, які він нібито отримав особисто з рук Гімлера, мова йде про так званий «Залізний хрест». На переконання більшості дослідників, «… період життя Романа Шухевича, пов'язаний зі службою у вермахті, нині обріс пропагандистськими вигадками. Однак, істориками доведено, що жодної німецької нагороди Шухевич не мав. В 1946-му він, як генерал УПА, отримав «Золотого хреста Васкул» від Української Головної визвольної ради, і посмертно – «Золотий хрест бойової заслуги», знов-таки, від УГВР, що до німців жодного відношення не мала... [3]. Підверджує міфічність особистих нагород вищого керівництва Райху Р.Шухевичу і В. В'ятрович, який стверджує, що «Найвище військове звання, яке мав Роман Шухевич – це генерал-хорунжий УПА… Це було легко перевірити. За кілька років жодних документів, які б це підтверджували, не було. Інформація про нагороджених залізним хрестом є. Є і списки, у яких відсутній Роман Шухевич. «Автором» цієї нагороди є історик Анатолій Чайковський. Він першим написав про це, а потім підхопили комуністи на чолі з Петром Симоненком. Це суто політична гра» [2] .

Через рік, 1 грудня 1942 р. закінчився підписаний бійцями батальйону контракт, а продовжити його вони відмовилися. На той час в Україні вже розгорталася діяльність загонів УПА, тому вони розуміли, що їх знання та вміння саме там будуть вкрай необхідними [2].

Таким чином, спираючись на контраверсійні точки зору нами встановлено: по-перше, перебування на території Білорусі Р. Шухевич сприймав, як підготовчий етап визволення України; по-друге, доведено, що Р. Шухевич не брав участі у каральних операціях проти цивільного населення, а лише протидіяв збройним нападам радянських партизан та спецслужб НКВС; по-третє, підтверджено, що під час цієї служби він не отримував від нацистських окупантів ні нагород, ні звань, про які розповсюджують інформацію в ЗМІ та Інтернет-ресурсах прихильники пострадянської тоталітарної ідеології; по-четверте, простежено, що інсинуації про перебування Р. Шухевича на території Білорусі в 1942 р. були здійснені з метою розпалювання міжнаціональної ворожнечі між українцями і білорусами, а об'єктивне висвітлення діяльності майбутнього головнокомандуючого УПА посприяє налагодження добросусідських взаємин між братніми народами.

Джерела та література

1 В'ятрович, В. Роман Шухевич: солдат [Електронний ресурс] / В. В'ятрович. − Режим доступу: file:///C:/Users/admin/.html.

2 В'ятрович, В. Що робив Роман Шухевич у Білорусі? [Електронний ресурс] / В. В'ятрович. − Режим доступу: http://zhzh.info/blog/2011-10-11-2732.

3 Віхров, М. Нескорений генерал. Пам'яті Романа Шухевича [Електронний ресурс] / М. Віхров. − Режим доступу: http://ar25.org/article/neskorenyy-general-pamyati-romana-shuhevycha.htmlfile:///C:/Users/admin/.html.

4 Грабовський, С. Так проти кого ж воював Шухевич у Білорусі? [Електронний ресурс] / С. Грабовський. − Режим доступу: http://www.ukrcenter.com.

5 Дзьобак, В. В. Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Історичні нариси / В. В. Дзьобак. − Національна академія наук України; Інститут історії України / Відп. ред. С. В. Кульчицький. − К.: Наукова думка, 2005.

6 Кальба, М. «Нахтігаль» (Курінь ДУН) у світлі фактів і документів / М. Кальба. – Денвер, 1984.

7 Кук, В. Генерал-хорунжий Роман Шухевич головний командир Української повстанської армії. Видання друге, доповнене [Електронний ресурс] / В. Кук. − Режим доступу: http://coollib.com/b/158936/read.

8 Леденящие душу преступления ОУН-УПА и героя Украины Р. Шухевича в Белоруссии [Електронний ресурс]. − Режим доступу: file:///C:/Users/admin/Desktop/.html.

9 Майдан-Бандера-Шухевич-Беларусь [Електронний ресурс]. − Режим доступу: file:///C:/Users/admin/Desktop/.html.

O*lena Kiryanova.* Residence Roman Sgukhevych in Belarus (march–december 1942): kontraversiynist assessment. *The aim of the study is to establish the objective information and refute myths about R. Shukhevych stay in Belarus during World War II. We proved that stay in Belarus R. Shukhevych perceived as a preparatory stage for the liberation of Ukraine; found that R.Shukhevych did not take part in punitive operations against the civilian population, but only opposed armed attack Soviet partisans and NKVD secret services; confirmed that during the service he did not receive from the Nazi occupiers any awards and titles.*

УДК 94 : 322 : 271.2(476.2)»194/196

А. Д. Лебедев, О. В. Друзенко

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ГОМЕЛЬЩИНЫ В СЕРЕДИНЕ 1940–1960-Х ГГ. 20 В. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ (ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ)

В статье охарактеризован социальный портрет старообрядческого духовенства на Гомельщине в середине 1940–1960-х гг. Показано отношение со стороны института уполномоченного по делам религиозных культов к священникам белокриницкого согласия. На конкретных примерах из биографий священнослужителей охарактеризованы такие аспекты как: социальное происхождение, профессия до рукоположения, наличие судимости, участие в войнах.

Издавна за территорией Гомельщины закрепился статус региона устойчивого проживания представителей старообрядческого религиозного течения. Спасаясь от преследований царского правительства староверы, обретя пристанище на гомельских землях, дополнили и без того многообразную конфессиональную структуру края, став одним из немаловажных ее компонентов.

С течением времени в этой конфессии выделились два основных направления: поповцы и беспоповцы, которые в свою очередь делились на множество различных толков. Беспоповцы отвергали церковную иерархию, были более отдалены от официального православия и отличались радикальным характером убеждений [1].

Поповцы, в свою очередь, являлись более умеренным течением старообрядчества и признавали духовенство, принимая даже священнослужителей, пришедших к ним из господствующей православной церкви. С 17 века на территории Гомельщины проживали представителей как одного так и другого течения [2].

В данной работе речь пойдет о старообрядческих священнослужителях, что естественным образом затронет лишь поповское направление данной конфессии, а учитывая установленные рамки рассматриваемого периода, непосредственно представителей белокриницкого согласия.

Во время своего существования старообрядчеству пришлось столкнуться со многими препятствиями и проблемами. Гонения и преследования царского правительства с отдельными периодами так называемого снисхождениями, сменились жесткой политикой советской власти. Закрытие и национализация храмов, репрессии среди верующих и священников, целый комплекс ограничительных мероприятий по отношению к религиозным общинам староверов.

Великая Отечественная война стала переломным моментом в отношениях государства и церкви. С целью налаживания контактов между ними 14 сентября 1943 г. был создан Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР, который возглавил Г. Карпов. Для решения вопросов различного характера, касающихся представителей других конфессий, в том числе и старообрядческого населения, в мае 1944 г. был образован Совет по делам религиозных культов, главой которого стал И. Полянский. Свою деятельность вышеупомянутые организации осуществляли через институт уполномоченных [3].

Восстановление деятельности старообрядческих общин Гомельщины началось еще во время немецкой оккупации и продолжалось после ее окончания. Советские руководящие органы, осуществляя жесткий контроль за религиозными организациями, огромное значения придавали наблюдению за духовенством, прекрасно осознавая, что «религиозный актив играет решающую роль в жизни и деятельности религиозных обществ». В секретном документе от 9 ноября 1952 г. Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР требовал от каждого уполномоченного проявлять политическую бдительность, особенно в отношении практической деятельности религиозного актива и духовенства, «приступить к более тщательному персональному изучению религиозного актива и зарегистрированного духовенства, […] религиозных обществ с целью выявления социально-политического лица этого актива и духовенства, сведение о судимости…» [4].

Согласно сведениям уполномоченного Совета по делам религиозных культов А. Боголюбского, в 1945 г. на территории Гомельщины

действующими являлись 4 молитвенных здания старообрядцев. Их обслуживали 2 священника.

Первый из них – *Мурыгин Иван Дмитриевич* осуществлял свою деятельность в 3-х из вышеупомянутых молитвенных домах – в Гомеле, Новобелице и д. Жгунь-Буда. Они возобновили сою деятельность еще во время войны, на оккупированной территории [5]. В Новобелице Мурыгин вынужден был проводить службы в своей собственной квартире [6] по причине того, что храм Покрова Богородицы, находящийся по улице Карла Маркса № 30, был сожжен при отступлении немецкой армии в 1943 г. [7]. Мурыгин неоднократно обращался в вышестоящие инстанции, предлагая различные решения о восстановлении церкви. Он ходатайствовал о передаче новобелицкой старообрядческой общине каплицы, находящейся на православном кладбище [8], а также о постройке новой церкви [9], однако властями было принято решения в данных ходатайствах отказать [10].

Летом 1946 г. Мурыгин как служитель культа был снят с регистрации, в связи с тем, что старообрядческим архиепископом Московским и всея Руси Иринархом ему было запрещено священнослужение [11], и уже осенью на его место был прислан новый священник – Абрамов Игнат Иванович [12]. Какова же истинная причина отстранения Мурыгина? Располагаемые сведения не дают ответа на этот вопрос, поэтому на данный счет можно лишь высказывать предположения. Возможно, на сложившуюся ситуацию повлиял тот факт, что священник начал проводить свою деятельность еще при немцах и на оккупированной территории. Впрочем, в своем отчете уполномоченный по Гомельской области Боголюбский предоставляет о Мурыгине следующую характеристику: «С Мурыгиным мне приходилось […] встречаться мало, однако, можно сказать, что это посредственный человек занятый своим делом ради существования. Во время оккупации он оставался на территории Белоруссии. В вопросах направленности придерживается советских настроений. В сборе средств в Фонд РККА принимал участие и проводил работу в сборе средств сиротам. Специально законченной подготовки не имеет», что характеризует священника как лояльно настроенный элемент по отношению к советской власти. Также уполномоченный сообщает об отсутствии противозаконных действий в деятельности священнослужителя [9]. Вероятно истинная причина отстранения Мурыгина, касается внутренних разногласий в рядах старообрядческого духовенства, но прямого подтверждения этого предположения в располагаемых источниках не найдено. Однако в 1947 г. ему было разрешено продолжить службу, но уже только в Новобелице [12].

Указание на наличие либо отсутствие жалоб на органы советской власти служителей культа и в обратном отношении являлось неотъемлемым компонентом отчетов уполномоченных. В большинстве случаев в данном пункте документа указывалось именно об их отсутствии. Однако в одном из отчетов уполномоченного Боголюбского за 1945 г. фигурировал факт подачи старообрядческим священником заявления на органы местной власти в связи с завышением налогов. Составителем заявления оказался именно вышеупомянутый Мурыгин. Примечательным остается и то, что возникшая спорная ситуация была решена в пользу последнего, что считается достаточно редким явлением в государственно-религиозных отношениях. В документе отсутствуют подробные детали подачи и рассмотрения заявления, однако кратко и четко указан итог – «заявление разобрано, доход учтен правильно» [13].

Вторым священником был *Беспаликов Кир Петрович,* рукоположенный еще в 1933 г. Епископом Новозыбковским Фловианом и Архиепископом Московским Милитием [13]. С 1941 г. он обслуживал старообрядческую Никольскую церковь в Добрушском районе, в Слободе Огородне [5]. А уже летом 1946 г. он был переведен на службу в Черниговскую область, однако продолжал проводить, без выданного на то разрешения властей, службы в Гомеле, чем вызвал их озабоченность и недовольство [14]. Как уже упоминалось выше, летом 1946 г. был отстранен Мурыгин, а на его место Абрамов был прислан только в октябре, поэтому можно высказать предположение, что Беспаликов именно по причине отсутствия в Гомеле священника совершал там богослужения проездом и именно летом 1946 г.

С 1949 по 1956 гг. священником от старообрядцев белокриницкой иерархии в Ильинскую церковь Гомеля являлся Вологжанин Иван Поликарпович [15], 1886 года рождения. Уполномоченный по Гомельской области Максимов в своей докладной записке сообщает о лестной оценке Благочинным Клинцовской церкви Малеванкиным Гомельской общины, указывая на то, что «она значительно окрепла и возросла», называя Вологжанина «достойным руководителем». Сам Максимов также указывает на отсутствие неправомерных действий священника, даже принимая во внимание тот факт, что тот в 1931 г. был выслан на север «как кулак».

Что касается староверов Новобелицы, то здесь после смерти Мурыгина в 1952 г., в его квартире проводил службу «отколовшийся от Гомельской общины» дьякон Роговцов Кондрат Семенович,1884 года рождения, являющийся по специальности печником. В адрес Роговцова неоднократно поступали предупреждения местных представителей власти

о незаконных действиях и прекращении службы, однако он продолжал осуществлять свою деятельность не смотря на данные запреты [16].

В Ильинской церкви Вологжанина в 1956 г. сменил 65-летний уроженец Костромской области, выходец из семьи крестьянина-середняка, Богатырев Феодор Иванович. Начальное образование он получил в сельской школе, являлся участником Первой Мировой войны. 9 лет прослужив дьяконом, в 1930 г. Богатырев был возведен в сан священника. Также как и другие священнослужители попал под массовые аресты 1930-х гг. С 1937 по 1947 гг. Богатырев отбывал срок в исправительно-трудовых лагерях, выполняя различные работы и был освобожден «без поражения прав». Впоследствии был арестован еще дважды. В отличии от предыдущих, последний арест сопровождался высылкой. Окончательно Богатырев освободился в 1955 г. и после службы в Винницком приходе был направлен в Гомель [17].

Согласно архивным сведениям в конце 60-х гг. 20 века, на территории Гомельщины, была зарегистрирована только одна старообрядческая община [18], которую обслуживал священник Худяков Василий Иванович, 1887 года рождения. Выходец из семьи гомельского плотника, он и сам занимался строительными работами, являясь учеником печника. После отсрочки от армии, Худяков устраивается слесарем на железную дорогу. В годы Великой Отечественной войны не был призван в армию. Во время оккупации проживал в городе Ботайске. Чем занимался во время оккупации нам точно не известно. В своей автобиографии Худяков кратко указал, что в это время «нигде не работал». После смерти жены служил в Иваново, а потом вернулся на родину, в Гомель [19].

Таким образом, учитывая реалии рассматриваемого периода, допустимо говорить о соответствии социального портрета старообрядческого священника портрету типичного советского гражданина рабоче-крестьянского происхождения, знакомого с тяжелым физическим трудом, перенесшего на своих плечах тяготы войны, прошедшего советские лагеря.

Список использованных источников и литературы

1 Короткая, Т. П. Старообрядчество в Беларуси / Т. П. Короткая, Е. С. Прокошина, А. А. Чудникова ; под ред. А. С. Майхровича, Т. П. Короткой. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 117 с.

2 Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях : монография / А. А. Горбацкий. – Брест: Изд-во УО «БрГУ им. А. С. Пушкина», 2004. – 237 с.

3 Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: ВП “Экаперспектыва”, 1998. – 340 с.

4 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 3. – Д. 4. – Л. 8–9.

5 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 6. – Л. 8.
6 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 6. – Л. 2, 2 об.
7 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 1. – Л. 4.
8 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 21. – Л. 16.
9 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 6. – Л. 20–22.
10 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 18. – Л. 16.
11 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 18. – Л. 3.
12 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 21. – Л. 8.
13 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 6. – Л. 4–5 об.
14 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 1. – Д. 20. – Л. 14.
15 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 5. – Д. 38. – Л. 28.
16 ГАООГО. – Ф. 144. – О. 61. – Д. 73. – Л. 79–82.
17 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 5. – Д. 38. – Л. 35–37.
18 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 5. – Д. 91. – Л. 2, 23, 24, 25, 26, 47, 67.
19 ГАГО. – Ф. 1354. – О. 5. – Д. 38. – Л. 122, 122 об.

***Andrej Lebedzeu, Volha Druzianok.* Old believer clergy of the Gomel region in mid-1940–1960-ies 20 century. Social portrait (according to the archival materials).** *The present article deals with the analysis of the historical situation of the old-believers' religious communities in Gomel Region within the period between mid.1940-mid.1960. The mentioned period is considered to be the most favourable for the religious activity of old-believers' communities in comparison with the period of 1920–1930. The process of establishing churches, religious communities and clergy registration prove these facts. Alongside with these facts, we must admit that the old-believers' communities were severely controlled by the commissioners of the Religious Affairs.*

УДК 94:277(477) «1960/1970»

О. І. Височень

ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький
державний педагогічний університет
імені Григорія Сковороди»

ОСОБЛИВОСТІ БОРОТЬБИ РАДЯНСЬКОГО РЕЖИМУ З ЄВАНГЕЛЬСЬКИМИ ХРИСТИЯНАМИ БАПТИСТАМИ БІЛОРУСІ І УКРАЇНИ (60–70-ТІ РР. ХХ СТ.)

У статті йдеться мова про особливості боротьби радянського режиму з євангельськими християнами баптистами Білорусі і України в 60–70-ті роки ХХ ст. У ході проведеного дослідження нами з'ясовано: по-перше, на початку 60-х років ХХ ст. розпочався жорсткий наступ на незареєстровані релігійні

громади ЄХБ СРСР з метою повного підпорядкування тоталітарній владі; по-друге, незважаючи на карально-репресивні заходи правоохоронних органів, т. зв. «ініціативники», не скорилися і організували спротив злочинній владі, і своєю боротьбою відстояли своє Конституційне право на свободу совісті та віросповідання.

Особливості боротьби радянського режиму з однією із найпотужнішою християнською конфесією в СРСР євангельськими християнами баптистами (далі ЄХБ) є малодослідженою, і тому актуальною проблемою модерної історіографії. Адже її вивчення дає змогу довести, що незважаючи на карально-репресивні заходи тоталітарної системи, які були проведені 1960–1970-х рр. з метою підкорення та знищення цієї конфесії, десятки тисяч віруючих ЄХБ завдяки своїй Вірі змогли протистояти їм, сміливо відстоюючи своє Конституційне право на свободу совісті та віросповідання.

Метою дослідження є з'ясування особливостей боротьби радянського режиму з конфесією ЄХБ на теренах Білорусі і України. Згідно мети ставимо такі завдання: охарактеризувати основні методи та засоби, які застосовувала тоталітарна влада щодо віруючих ЄХБ Білорусії та України; показати як віруючі протистояли терору радянського режиму щодо членів ЄХБ, та дати оцінку діям репресивно-каральних органів Білорусі і України.

Євангельські християни-баптисти – це одна із християнських протестантських конфесій, яка відокремилися від католицизму у XVI ст. Ще засновники євангелістсько-баптистського руху першими з християн-протестантів сформулювали принципи відділення церкви від держави. Так, Джон Сміт вказав кредо (визнання) Віри, в параграфі 84 якого зокрема зазначалося: «[Ми послідовно віруємо], що представники влади не повинні використовувати своє службове становище і втручатися в релігію чи справи совісті, заставляючи і силуючи людей до тієї чи іншої форми релігії чи доктрини; а надати християнській релігії право опікуватися громадянськими правопорушеннями, неадекватними діями людей супроти людей в убивствах, перелюбах, крадіжками і т. д., тому, що тільки Христос є Володарем і Законодавцем Церкви і Совісті» [10, p. 42].

Отже, віруючі ЄХБ протягом свого 400-літнього існування безкорисливо і жертовно пропагували Слово Боже і несли його до тих, хто чекав на нього, при цьому відстоювали своє право на свободу совісті, і принципово домагалися невтручання держави в їхні конфесійні справи. Проте, їм на шляху їхнього вірного служіння Богу вагомою перепоною стала деструктивна позиція радянського режиму, який

в 60–70-х рр. ХХ ст. в СРСР, у тому числі Білорусі та Україні особливо активно і безжально протидіяла християнській діяльності баптистів.

Щоби організовано протидіяти втручанню у справи церкви з боку владних структур та забезпечити виконання основних положень своєї Віри частина опозиційних віруючих від'єдналися у 1960−1961 рр. від контрольованого органами влади ВРЄХБ (Всесоюзна Рада Євангельських Християн-Баптистів) та утворила так звану «Ініціативну групу», яка складалася із членів помісних церков ЄХБ [8]. У радянській Білорусі церква ВРЄХБ також пережила розділення [9]. .

Для повного контролю релігійного життя на теренах СРСР, зокрема і БРСР та УРСР радянський режим вдавався до широкого спектру карально-репресивних методів. Серед найпоширеніших методів боротьби з віруючими незареєстрованої Ради Церков ЄХБ були розгони молитовних зібрань, незаконні обшуки помешкань, метою яких було вилучення релігійної літератури, всілякі штрафи, арешти, ув'язнення їх в в'язницях та навіть вбивство. А також з найганеб-ніших методів – це позбавлення батьківських прав віруючих та насильницьке відбирання дітей і відправлення їх на атеїстичне пере-виховання в інтернат.

Типовими в 1970‒ті роки стали випадки, коли каральні органи зненацька нападали на помешкання віруючих ЄХБ та без будь-яких санкцій його обшукували. Віруючі фіксували такі випадки та оприлюднювали їх в самвиданому Бюлетню. Зокрема, за даними джерела, «22 березня 1971 р. в м. Шостка Сумської області УРСР по вул. Молодіжної № 14. був здійснений наліт озброєних осіб на сім'ю віруючої ЄХБ Петренко Діни Григорівни. У дворі Д. Г. Петренко перебував у цей час віруючий ЄХБ М. М. Горєлов та семеро неповнолітніх дітей. «Будинок піддали обшуку, не висунувши санкції на обшук» – написала в листі жінка [2, с. 10]. Такі обшуки з конфіскацією релігійної літератури та особистих речей проводилися у багатьох містах країни Рад, де діяли незареєстровані громади ЄХБ [3, с. 3].

Регулярними у цей період стали такі протизаконні дії правоохоронних органів (міліції, КДБ, прокуратури та суду): залякування віруючих, застосування фізичної сили, арешт та ув'язнення. Так, було засуджено за віру в Бога м. Харкові хлопця 18 років Зінченка Володимира Петровича хворого на ревматизм. У таборі с. Сокиряни Чернівецької області РЧ-328/67-А він працював на важких роботах у кар'єрі. Рада родичів в'язнів неодноразово зверталася до керівників держави щодо помилування хлопця за станом здоров'я, проте все було марно [3, с. 2].

За короткий період з 11 квітня 1971 р. по 15 липня 1971 р. було заарештовано і засуджено 17 віруючих ЄХБ. «В основу всіх типових,

як близнюки схожих один на одного, вироків, у першу чергу лягають релігійні переконання наших братів і сестер...» – вказується в одному з листів до уряду СРСР [3, с. 2-8]. Також у Бюлетнях публікувалися статистичні дані щодо арештів і ув'язнених членів ЄХБ і за інші роки. Зокрема, за шість місяців 1972 р. були арештовано, і засуджено 14 українців [4, с. 3–4]. На 1 грудня 1976 р. в списках ув'язнених було 20 українців і 7 білорусів [5, с. 39–42]. У списках за травень 1980 р. серед ув'язнених налічувалося 21 чол. з України та 1 жінка з Білорусі [7, с. 42–46].

Загалом починаючи з 1961 р. по 1972 р. близько 650 служителів засуджені до позбавлення волі від 1 року до 10 років таборів. Сотні засуджені до малих тюремних термінів до 15 діб. Більш ніж на 200 тисяч рублів оштрафовані віруючі за присутність на Богослужіннях. Тисячі разів молитовні зібрання розганялися міліцією, працівниками КДБ і дружинниками із застосуванням фізичної сили. В рахунок штрафів органи влади вилучали через суди: меблі, худобу, одяг, цеглу, приймачі, швацькі машини, пральні машини та ін. При масових обшуках у будинках віруючих вилучено тисячі священних книг. Велика частина за рішенням судів знищена [4, с. 2].

Водночас тоталітарна система безжально боролася не тільки проти дійсних членів громади, але й їхніх неповнолітніх дітей, яких постійно піддавали допитам, залякуванням, зневазі, приниженню. Адже їхній світогляд суперечив радянській системі шкільного атеїстичного виховання [3, с. 1–2].

В одному з відкритих листів віруючих БРСР до Ради, були зібрана інформація щодо переслідування їхніх дітей в школах. Зокрема повідомлялося, що м. Волковиськ Гродненської обл. учителі пригрожували Артюх Аллі (11 років), (батько якої на той час був в ув'язненні): «Якщо прийдеш без галстука, відірвемо голову, поставимо двійки, якщо не припиниш вірити в Бога – не закінчиш школу» [3, с. 15]. Також в школах Скідельської і Житомлянської Гродненського району неповнолітніх дітей віруючих допитували на релігійні теми спочатку в школі, а потім старший «слідчий прокуратури Гродненської обл. т. Шєстовський викликав ученицю 7 класу Рєвно Ольгу Миколаївну в Житомильську сільраду і допитував протягом 6 годин» [3, с. 15]. Такі «карально-виховні» методи щодо дітей віруючих ЄХБ широко застосовувалися і по всій території УРСР [4, с. 9].

Крім допитів, залякування слідчих прокуратури, «виховних бесід» в школах, каральні органи радянського режиму широко використовували проти дітей віруючих судові органи, які допомагали позбавляти їхніх батьків прав на батьківство, а потім їх силоміць направляли на

атеїстичне перевиховання в інтернати. У одному з листів до Комітету радянських жінок, і зокрема В. Ніколаєвої-Терешкової неповнолітній хлопець Спружєвнік Сергій Іванович з міста Солігорськ Мінської обл. описав нелегкі для свого віку поневіряння, як його за рішенням суду силоміць забрали від віруючої матері, а оскільки батько його виховувати не міг, у зв'язку з тим, що вів аморальний спосіб життя, то хлопця відправили в інтернат. «Невже в нашій країні є такі закони, – пише Сергійко, – щоби дітей відбирали від мами. Я хочу жити, як всі діти з мамою. За те, що я вірую разом з мамою в Бога, мене позбавили дитинства і постійно допитують: то директор, то кореспондент, то прокурор… Прошу Вас допоможіть мені і захистіть від цих злих людей, які мене не люблять і не хочуть, щоб я був щасливий. 6 липня 1972 р. Сергійко Спружєвнік» [3, с. 51]. Схожий випадок стався і м. Саки, коли були засуджені брати Романович і Здоров, у них також відбирали батьківські права [1, с. 2].

Наведені факти свідчили про цілеспрямованість та тенденційність такої політики радянського режиму щодо неповнолітніх дітей віруючих ЄХБ. Хоча таке ставлення щодо дітей порушувало головні принципи Декларації прав дитини, які були прийняті XIV сесією Генеральної Асамблеї ООН 20 листопада 1959 р. Водночас це не заважало радянському режиму у своїх жорстких намірах – проведенні репресій щодо євангельських християн-баптистів та практикувати релігійну дискримінацію їхніх дітей.

У другій половині 1970-х рр. широкомасштабні погроми молитовних зібрань, релігійних весіль і навіть похоронів набрали масовий характер по всій території Білорусі та України. У Бюлетню Ради ЄХБ зафіксовано багато випадків організованого нападу міліції на молитовні зібрання віруючих [5, с. 7–8].

Штрафи за так звані адміністративні порушення широко застосовувалися і щодо білоруських віруючих. Так, «адміністративною комісією міському м. Гродно (БРСР), за присутність на Богослужінні віруючі були оштрафовані на 500 крб. [3, с. 8]. У 1977 р. член церкви ЄХБ м. Бреста В. О. Вєльчинський був оштрафований на суму 50 крб., за те, що в селі Петровичі «був організатором релігійного обряду похорону, і сам взяв активну участь в релігійному обряді» [3, с. 29].

На території БРСР широко практикувалися порушення процесуального кодексу ведення судів над віруючими ЄХБ. Так, у 1972 р. у м. Гродно суд не врахувавши побажання підсудних віруючих – І. Я. Сенкевича, В. М. Буховко, М. М. Буховко надав їм трьох адвокатів, за які сім'ї засуджених мали заплатити 343 крб. За несплату

погрожували родинам конфіскацією майна [3, с. 13]. Крім того, при масових обшуках у віруючого «Буховко М. М. було вилучено – ощадну книжку 3 % облігація. А також накладений арешт на майно: корова, телиця, двоє свиней, швейна машинка, радіоприймач, магнітофон. У Сенкевича Іллі Яковича: радіоприймач, костюм, облігації. У Буховко Володимира Михайловича: мотоцикл «Восход», радіоприймач «Сириус»» [3, с. 13].

Потерпали віруючі і в місцях позбавлення волі. У Бюлетнях зафіксовані та оприлюднені багато фактів, які свідчать про порушення прав ув'язнених, зокрема в одному з листів до Генерального прокурора СРСР Р. А. Руденка від віруючих християн-баптистів м. Бреста вказувалося, що член їхній одновірець Ткаченко П. І. 1952 р.н., який знаходиться в таборі м. Павлограда 12 УАП 162/5 заг. 8., довгий час не отримує листів ні від матері, ні від друзів, оскільки тюремна адміністрація їх знищує [5, с. 21].

Комуно-більшовицька влада не тільки закривала незареєстровані громади, забороняла молитовні зібрання, саджала за грати, а й фізично знищувала євангельських християн-баптистів. 16 липня 1972 р. був убитий солдат Радянської Армії двадцятилітній Іван Моєсеєв, який проходив службу в м. Керчі. За те, що він проповідував Слово Боже, його катували. Побитого, пораненого, обпеченого розжареним залізом, ще живого – втопили у Чорному морі на глибині 156 см, при його зрості 185 см [4, с. 1–21]. У 70-х рр. XX ст. випадки вбивства віруючих-християн почастішали і в цивільному житті. Один з таких диких випадків стався в м. Кривий Ріг 13 вересня 1975 р. Після звільнення з в'язниці було убито міліцією в'язня совісті Бібленко І. В. У 1976 р. був забитий до смерті міліцією Дейнего Н. Я. член церкви с. Іванівці Чернігівської області. Лише на запит його дружини Дейнего Євдокії Степанівни та членів церкви до прокуратури СРСР розпочалося розслідування цього злочину, яке так і не встановило обставини злочину [6, с. 15–16].

Таким чином, характеризуючи особливості боротьби радянського режиму з релігійними громадами ЄХБ Білорусі і України у 60–70-х рр. XX ст. ми прийшли до таких висновків.

По-перше, на початку 60-х рр. XX ст. розпочався активний наступ на релігійні громади з метою повного підпорядкування їх контролю з боку комуно-більшовицького режиму.

По-друге, незважаючи на жорстокі методи боротьби тоталі-тарної системи з членам ЄХБ Білорусі і України, найстійкіші члени конфесії т. зв. «ініціативники», не скорилися і організували супротив владі, оприлюднюючи інформацію про репресії щодо віруючих в самвидавній

літературі. Хоча це протистояння коштувало їм сил, здоров'я, а деяким навіть і життя, але своєю боротьбою вони відстояли своє право на свободу совісті та віросповідання.

Джерела та література

1 Братский листок. – № 5. – 1973. – 2 с.

2 Бюллетень №1 Совета родственников узников христиан-баптистов в СССР. – М., 1971. – 8 с.

3 Бюллетень № 10 Совета родственников узников христиан-баптистов в СССР. – М., 1972. – 9 с.

4 Бюллетень № 2 Совета родственников узников христиан-баптистов в СССР. – М., 1972. – 8 с.

5 Бюллетень № 39 Совета родственников узников христиан-баптистов в СССР. – М., 1977. – 8 с.

6 Бюллетень № 9 Совета родственников узников христиан-баптистов в СССР. – М., 1972. – 21 с.

7 Бюллетень № 81 Совета родственников узников христиан-баптистов в СССР. – М., 1980. – 52 с.

8 Решетников, Ю. Обзор истории евангельско-баптистского братства в Украине / Ю. Решетников, С. Санников. − Оп.: Одесса, Богомыслие, 2000. − 348 с.

9 Союз евангельских христиан-баптистов в Республике Беларусь [Електронний ресурс]. Режим доступу: file://C:/Users/admin/Desktop/ЄХБ%20Білорусь/Союз%20евангельских%20христиан-баптистов%20в%20Республике%20Беларусь%20–%20Энциклопедия%20евангельских%20христиан-баптистов.html.

10 Underwood, A. C. A History to English Baptiss / A. C. Underwood. – London, 1961. – 157 p.

Oxana Vysoven. **Soviet totalitarian regime in struggle against the faithful gospel Christian-baptist Belarus and Ukraine (1960s – 70s).** *The article shows main methods of soviet punitive and repressive governmental sections in the process of struggle against the unregistered Gospel Christian-baptists meetings in 60s of XX century. In the process of investigation we made following conclusions: first of all cruel repression against religion unions of Gospel Christian-baptists began in 1960s – the aim of these repression was to subdue them to the totalitarian government. Secondly, despite punitive and repressive methods of law enforcing services leaders of the creed didn't obey and moreover they struggled against this government by revealing information about repression against believers. In spite of all losses and even bereavement of this resistance, believers defended their constitutional right for freedom of religion.*

УДК 94(477)"1985/1991": 35.084.3

Ю. В. Кузьменко

Ніжинський державний університет
імені Миколи Гоголя, Україна

ПАРТІЙНО-РАДЯНСЬКА НОМЕНКЛАТУРА УКРАЇНСЬКОЇ РСР В УМОВАХ СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ 1985–1991 РР.

Стаття присвячена аналізу партійно-радянської номенклатури УРСР другої половини 80-х – початку 90-х рр. XX ст. Визначено, що під впливом докорінних перетворень у суспільно-політичному житті республіки та змін у кадровій політиці в роки перебудови номенклатура УРСР зазнала суттєвих трансформацій. На основі статистичних даних реконструйовано динаміку кількісних та якісних змін у соціопрофесійній структурі працівників номенклатури, а також встановлено роль неформальних інститутів та практик у функціонуванні номенклатурної системи добору та взаємодії кадрів; простежено еволюцію відносин з неформальним рухом; проаналізовано систему матеріально-побутового забезпечення номенклатури та з'ясовано роль керівних кадрів у соціально-економічних перетвореннях та державотворчих процесах в Україні на початку 90-х рр. XX ст.

Проблема партійно-радянської номенклатури є відносно новою для вітчизняної історичної науки. У радянську добу вона належала до числа табуйованих тем, які розглядалися виключно у межах дисциплін «Партійне будівництво» та «Історія КПРС». Політика гласності та демократизація суспільно-політичного життя в Радянському Союзі наприкінці 80-х – на початку 90-х рр. XX ст. зумовили якісно новий етап осмислення номенклатури. Проте, залежно від зміни кон'юнктури, ця тема залишалася політично заангажованою та сповненою спершу перебудовчо-реформаторською, а згодом антикомуністичною риторикою, що значною мірою обумовлювало вибірковість досліджуваних сюжетів. Лише в останнє десятиліття надмірна емоційність у дослідженнях номенклатури поступилася місцем виваженому науковому аналізу. Проте у сучасному українському історичному доробку висвітлені лише деякі аспекти проблеми номенклатури УРСР років перебудови. Піонерами дослідження становища КПУ в другій половині 80-х – на початку 90-х рр. XX ст. можна вважати М. Карабанова та В. Литвина [4]. Останній у своїй монографії проаналізував кадрову політику років перебудови та простежив еволюцію політичної еліти України. Дослідження В. Лозицького присвячене Політбюро ЦК КПУ

[9]. На основі великого масиву архівних матеріалів у ньому розглядається історія функціонування цього органу, його персональні склади та міжособистісні стосунки. У колективній праці з історії державного управління в Україні Г. Кривчик та С. Серьогін розкрили радянську систему управління на останніх етапах її існування, приділивши особливу увагу питанням кадрової політики та становищу номенклатури в умовах демократизації суспільного життя [6].

В останні роки проблема партійно-радянської номенклатури УРСР активно вивчається на міждисциплінарному рівні. Так, фахівці з державного управління та політологи, особливо транзитологи, відчуваючи нестачу емпіричних знань, «дрейфують» у предметне поле історичної науки. Водночас і сучасні українські історики дедалі більше залучають політологічний інструментарій та транзитологічний понятійний апарат. З-поміж таких досліджень можна назвати праці О. Бойка, Д. Видріна, Г. Касьянова, С. Кульчицького, В. Мороко [1, 2, 5, 7, 10]. Разом з цим, сучасний стан історіографії вказаної проблеми характеризується суттєвими протиріччями, що викликанні використанням різних методологічних засад дослідження правлячого в СРСР прошарку та недостатньою увагою до української специфіки.

У середині 80-х рр. XX ст. партійно-радянська номенклатура УРСР мала розгалужену та чітко ієрархізовану структуру, обумовлену традиційним механізмом призначення на номенклатурні посади. Відповідно до критерію вертикалі влади всі номенклатурні посади призначалися певним партійним органом (чи відділами органу) залежно від ступеня важливості тієї чи іншої посади. Навіть у класичному офіційно прийнятому радянським дискурсом визначенні поняття «номенклатура» вказувалося, що це перелік найважливіших посад, кандидатури на які попередньо розглядаються, рекомендуються і затверджуються відповідним партійним комітетом (райкомом, міськкомом, обкомом партії і т. д.) [13, с. 300]. Номенклатуру ЦК КПРС утворювали чотири складові: номенклатура Пленуму ЦК КПРС – це незначна кількість найвищих партійно-державних посад (Генерального секретаря, членів та кандидатів у члени Політбюро, секретарів ЦК КПРС), що затверджувалася Пленумом ЦК КПРС; номенклатура Політбюро ЦК КПРС – це перелік посад, призначення на які здійснювалося на засіданні Політбюро. Зокрема, до номенклатури Політбюро входили посади перших та (іноді) других секретарів республіканських ЦК Компартій, перших секретарів обкомів та міськкомів найбільших міст, союзних міністрів, вищих військових чинів, послів, директорів найбільших заводів ВПК, керівників творчих союзів, головних редакторів центральних партійних видань;

номенклатура Секретаріату ЦК КПРС – це сукупність посад, що призначалися Секретаріатом ЦК КПРС. До неї входили посади заступників міністрів, секретарів обкомів, перших секретарів облвиконкомів тощо; номенклатура, що призначалася відповідними відділами ЦК КПРС.

Перші три ланки партійно-радянської номенклатури, тобто номенклатура Пленуму, Політбюро і Секретаріату ЦК КПРС, утворювали відносно нечисленну номенклатурну верхівку. В офіційних документах номенклатура Політбюро та Секретаріату об'єднувалися єдиною назвою – «основна номенклатура». Четверта найбільш масова група посад в офіційній документації називалась «обліково-контрольною номенклатурою». Ця модель організації номенклатури дублювалась на республіканському рівні. Номенклатура ЦК КПУ також складалася з номенклатури Пленуму ЦК КПУ (перший, другий секретарі ЦК та секретарі ЦК КПУ); номенклатури Політбюро ЦК КПУ; номенклатури Секретаріату та обліково-контрольної номенклатури [15]. Свої номенклатури мали також обкоми, міськкоми, райкоми партії, а згодом й первинні партійні організації [11].

Структурна організація була спрямована на реалізацію наступних функцій: забезпечення максимальної керованості суспільством; генерація, трансляція управлінських рішень та нагляд за їх виконанням; всеохоплюючий контроль над усіма сферами життя; збереження зрощення партійного та державного апаратів; уніфікація політичної системи у межах всього радянського простору; вироблення системи адміністративних стимулів до праці; забезпечення спадкоємності політичної традиції в республіці; попередження дезінтеграції суспільства. Отже, незважаючи на пом'якшення політичного режиму в Радянському Союзі, коло функціональних обов'язків партійно-радянської номенклатури УРСР залишалося фактично таким же як і у 20–30-ті рр. XX ст., що засвідчує її тоталітарну природу.

Протягом 1985–1991 рр. українська партійно-радянська номенклатура зазнала суттєвих змін, що були обумовлені докорінними перетвореннями у суспільно-політичному житті країни. Відповідно до ключових тенденцій у кадровій політиці (способу рекрутування працівників номенклатури та вимог до них, динаміки кількісних та якісних змін у кадровому корпусі тощо) доцільно виділяти три етапи трансформацій номенклатури Української РСР. Перший етап (квітень 1985 – січень 1987 рр.) – це період відносно сталого становища номенклатури. Воно обумовлювалося сформованим ще у брежнєвський період особистим баченням В. Щербицького кадрового питання, скептичністю у ставленні номенклатурних кіл республіки до новаційних

ідей М. Горбачова та дещо кращою кадровою ситуацією порівняно з всесоюзними показниками, що убезпечило українську партійно-державну верхівку на цьому етапі перебудови від тотальних перестановок. Другий етап (січень 1987 – березень 1990 рр.) ознаменувався дестабілізацією номенклатурної системи, що було наслідком політичної реформи СРСР. Сутність дестабілізації полягала у позбавлені партноменклатури значної частини функцій та повноважень; запровадженні альтернативних виборів; руйнуванні організаційної структури номенклатури, а також втраті ідейної єдності серед керівних кадрів республіки. Третій етап (березень 1990 – серпень 1991 рр.) – це час ослаблення владних позицій партноменклатури в республіці, оформлення розколу на «ортодоксів» і «суверен-комуністів» та пошуку шляхів збереження панівного становища у суспільстві. Найбільш дієвим з них виявилося «пересаджування» значної частини колишніх керівних партійних працівників у кабінети державних структур та господарських підприємств, що стало запорукою збереження ними політичного чи економічного ресурсу після проголошення незалежності.

Кількісні зміни у партійно-радянській номенклатурі УРСР також були суттєвими. Зокрема, протягом 1985–1990 рр. кількість номенклатурних посад зменшилась майже утричі: у 1985 р. загальна кількість посад для працівників номенклатури ЦК КПУ становила 8114 осіб [16, арк. 1], 1986 р. – 8019 [17, арк. 1], 1987 р. – 7562 [18, арк. 1], 1988 р. – 5169 [19, арк. 1], 1989 р. – 3069 [20, арк. 1], 1990 р. – 3073 посади [21, арк. 1]. Отже, пік скорочень номенклатурних посад припав на роки реформи радянської політичної системи. Втрату в кількісних показниках керівництво СРСР та УРСР намагалося компенсувати максимальним покращенням якісних характеристик працівників номенклатури, що на практиці втілилося у деякому «омолодженні», підвищенні освітньо-кваліфікаційного та політичного рівня відповідальних працівників.

Особливий вплив на становище партійно-радянської номенклатури УРСР у 1985–1991 рр. мали неформальні норми та практики, які поряд з формальними, а іноді всупереч ним, утворювали особливий номенклатурний моральний кодекс, «етикет», правила мобільності працівників номенклатури. Стрижнем неформальних практик був патрон-клієнтелізм, який охопив не лише усі рівні номенклатурної ієрархії, але й наближені до функціонерів кола. Однак наявність неформального рівня відносин у працівників номенклатури не варто розцінювати як виключно деструктивний елемент. Він дійсно підривав основи «соціалістичної законності та справедливості» в УРСР, але разом з цим, сприяв гуманізації доволі жорсткої владної системи,

створював стимули ефективної діяльності клієнтів, компенсуючи відсутність матеріальної зацікавленості в результатах праці, перетворював номенклатуру на своєрідну мережеву організацію, здатну вирішувати не лише свої вузькокорпоративні проблеми, але й проблеми місцевого, обласного та республіканського рівнів. Безперервні кадрові перестановки 1986–1991 рр. порушили мережу патрон-клієнтарних відносин в УРСР, що призвело до втрати порозуміння та ефективності взаємодії між різними рівнями номенклатури.

Суспільно-політичні трансформації в УРСР другої половини 80-х – початку 90-х рр. ХХ ст. спричинили еволюцію у взаємовідносинах між номенклатурою та громадськістю. Якщо у перші роки перебудови українське суспільство ще знаходилося у стані анабіозу та вбачало єдиний спосіб впливу на керівництво у написанні скарг, анонімних та відкритих листів до вищих органів влади, редакцій газет та персонально першим особам держави, то політика гласності спонукала і дозволяла громадськості широко обговорювати недоліки правлячого прошарку радянського суспільства. В умовах погіршення матеріального становища пересічних громадян республіки, мусування ЗМІ проблем пільг, привілеїв та зловживань працівників номенклатури сприяло формуванню негативного іміджу представників влади та грало на користь неформального руху, який перейшов до активних форм протестів. Напередодні виборів до ВР УРСР партійне керівництво не лише відкидало будь-яку можливість конструктивного діалогу з лідерами новоутворених громадських об'єднань, але й розробляло тактику боротьби проти них. Суттєво змінилося ставлення керівників ЦК КПУ до діячів НРУ за перебудову. Якщо раніше у діяльності лідерів Руху ЦК вбачало лише загрозу втрати цілісності КПУ, то тепер І. Драч, Д. Павличко, В. Яворівський, Б. Олійник, П. Мовчан та інші діячі Руху сприймалися як серйозні конкуренти на майбутніх виборах до ВР УРСР. Вже відразу після виборів народних депутатів СРСР на засіданні Політбюро В. Щербицький зауважив: «Хочу підкреслити, що на нас чекає серйозна боротьба, в якій вже виявилися реальні противники … Мета цих Драчів та інших опозицій ... – прийти до влади. Причому, вони впевнені, що якщо їм не вдалося на минулих виборах у Верховну Раду пробратися, то вони хочуть взяти реванш в місцеві органи влади» [14, арк. 20]. Проте результати виборів та нова розстановка сил у парламенті та місцевих радах змусили номенклатурну верхівку переглянути свої відносини з ними та стати на шлях пошуку компромісу.

Суттєвих змін зазнала й система матеріально-побутового забезпечення керівних та управлінських кадрів. Постульовані ідеї егалітарності

радянського суспільства розходилися з реальністю, у якій існувала нелегітимна система пільг та привілеїв, що ставило партійно-радянську номенклатуру у значно комфортніші умови життя. Звісно, ця система існувала ще з 20-х рр. XX ст., тобто вона формувалася паралельно зі становленням самої номенклатури [12]. Однак, лише наприкінці 80-х рр. XX ст. інформація про «спец»-обслуговування керівних кадрів стала предметом жвавого обговорення громадськості. Офіційна ліквідація пільг та привілеїв для номенклатурних кадрів у 1990 р., хоча і була сприйнята громадськістю як перемога, насправді не вдарила по матеріальним інтересам партійно-державної верхівки. Адже на той час вже була створена «невидима економіка» і та частина номенклатурних працівників, яка була залучена до її структур або встигла пересісти з партійних у господарські крісла була значно краще готова до впровадження ринкових відносин порівняно з рештою населення. Роздержавлення економіки та приватизація відповідали її інтересам та дали початок «номенклатурному капіталізму». О. Гаман-Голутвіна вдало порівнює номенклатуру кінця радянського періоду з «виїденим яйцем» під оболонкою якого склалися різні угрупування, яким вже було явно тісно у материнській номенклатурній оболонці [3, с. 162–163].Таким чином, найголовнішим привілеєм для номенклатури у цей період виявилася наявність доступу до ресурсів, які на початку 90-х рр. XX ст. були конвертовані у реальну владу чи економічний капітал.

Спроба державного перевороту 19–21 серпня 1991 р. викликала розгубленість та невизначеність у компартійній верхівці України. Слідування багаторічній традиції беззастережного виконання вказівок з Москви перетворило українську партноменклатуру на співучасника подій, який мав забезпечити «сприяння» ДКНС. Однак політична кон'юнктура в державі та збіг інтересів національно-демократичних сил та «прагматичної» частини номенклатури УРСР забезпечили прийняття Верховною Радою 24 серпня 1991 р. Акту проголошення незалежності України.

Немає підстав стверджувати, що із розпадом Радянського Союзу настав кінець номенклатурі. Звісно, в незалежній Україні де-юре номенклатура як перелік найбільш важливих посад, кандидатури на які попередньо розглядаються, рекомендуються і затверджуються відповідним комітетом не існує, але де-факто – як група осіб, кар'єра яких будувалася в радянські часи за номенклатурною висхідною та які перейняли її специфічні ознаки – не лише залишилася при владі, але й зберегла за собою ключові позиції в державі. Це стало можливим завдяки дистанціюванню прагматично налаштованої номенклатури

від союзного Центру, звільненню від партійних та ідеологічних обмежень, використанню гасел національно-демократичного руху та досягненню компромісу з його поміркованою частиною.

Джерел та літератури

1 Бойко, О. Україна в 1985–1991 рр.: основні тенденції суспільно-політичного розвитку : монографія / Олександр Бойко. – К.: ІПіЕНД, 2002. – 306 с.

2 Видрін, Д. Україна на порозі XXI ст.: політичний аспект / Д. Видрін, Д. Табачник– К.: Либідь, 1995. – 296 с.

3 Гаман-Голутвина, О. В. Бюрократия или олигархия? / О. В. Гаман-Голутвина // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. – М.: МВШСЭН, 2000. – С. 162–172.

4 Карабанов, М. Від всевладдя до краху (КПРС–КПУ в 1985–1991 рр.) / Михайло Карабанов. – К.: Освіта, 1993. – 76 с.

5 Касьянов, Г. Україна 1991–2007 рр. : нариси новітньої історії / Георгій Касьянов. – К.: Наш час, 2008. – 432 с.

6 Кривчик, Г. Г. Радянська система управління на останніх етапах існування (1965 – липень 1990 рр.) / Г. Г. Кривчик, С. М. Серьогін // Історія державної служби в Україні : у 5 т. / Відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій ; редкол.: С. В. Кульчицький (кер. авт. кол.) та ін. ; Голов. упр. держ. служби України; Ін-т історії НАН України. – К.: Ніка-Центр, 2009. – Т. 2. – С. 435–470.

7 Кульчицький, С. Закономірності державотворчого процесу у не залежній Україні / НАН України; Ін-т історії України / Станіслав Кульчицький. – К., 2001. – 159 с.

8 Литвин, В. Політична арена України: Дійові особи та виконавці / Володимир Литвин. – К.: Абрис, 1994. – 495 с.

9 Лозицький, В. Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991) / Володимир Лозицький. – К.: Генеза, 2005. – 368 с.

10 Мороко, В. Реконверсія радянської партійно-господарської номенклатури в політичну систему України (1990–2008 рр.) / Владислав Мороко // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Запоріжжя, 2008. – Вип. 24. – С. 245.

11 Мохов, В. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит / Виктор Мохов. – Пермь: ПГТУ, 2000.

12 Мэтьюз, М. Становление системы привилегий в Советском государстве / Мэрвин Мэтьюз // http://www.scepsis.ru/library/id_439.html.

13 Партийное строительство : учеб. пособие. – М.: Политиздат, 1981.

14 Центральний державний архів громадських об’єднань України (далі – ЦДАГО України. – Ф.1, оп.1, спр. 2038.

15 ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 32. – Спр. 2655.

16 ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 67. – Спр. 1243.

17ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 67. – Спр. 1280.
18ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 67. – Спр. 1319.
19ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 67. – Спр. 1338.
20ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 67. – Спр. 1373.
21ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 67. – Спр. 1408.

Yuliya Kuzmenko. **Soviet party nomenclature in the period of social and political transformations of the Ukrainian SSR (1985–1991).** *The article is devoted to the soviet party nomenclature of the Ukrainian SSR in the second half of 1980s–the beginning of 1990s. It has been found out that Ukrainian nomenclature underwent a considerable transformation under the influence of significant changes in the social and political life of the republic as well as alterations in the personnel policy at the time of Perestroika. On the basis of the statistical analysis the dynamics of the quantitative and qualitative changes in the socio-professional structure of the nomenclature have been shown; the role of non-formal institutions and practices in the nomenclature system of selection and interaction of the personnel has been determined; the evolution of relationships between are the nomenclature and non-formal and public organizations have been observed; the welfare provision for the nomenclature has been analyzed and its role in social and economic transformations and state establishment process have been demonstrated.*

УДК39: 008 (476)

Н. Л. Улейчик

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИТОВЦЕВ ГРОДНЕНСКОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ В 1990–2000-Е ГГ.*

В статье раскрывается роль национального образования в этнокультурной идентичности литовцев Гродненского региона Беларуси в 1990–2000-е гг., анализируются этапы и формы национального образования литовцев области. Особое внимание уделяется общеобразовательным школам с литовским языком обучения.

В Республике Беларусь, как и в подавляющем большинстве европейских (и неевропейских) стран структура населения включает этнонациональные общности (поляки, литовцы, татары, русские, украинцы и т. п.), традиционно сосуществующие с белорусами, но отличающиеся

особенностями культуры и сохраняющие свою идентичность, специфические культурные потребности.

Стратегиями этнокультурного развития Республики Беларусь выступают, с одной стороны, консолидация белорусского народа как политического сообщества, с другой – признание его многонационального характера и создание юридических и практических возможностей для удовлетворения культурных потребностей образующих его национальных групп. Эти стратегии имеют как общегосударственное перспективное значение, так и региональную специфику своей реализации, которая наиболее явно проявляется в ареале белорусско-польско-литовского пограничья как наиболее вариативного с точки зрения национальной структуры региона. Роль образовательных институтов национальных групп пограничья заключается в поддержании и воспроизводстве их этнокультурной идентичности, удовлетворении объективных культурных потребностей. Характеризуя этнокультурную функцию национальной школы, следует подчеркнуть, что речь идет о таком содержании учебного процесса, который направлен на формирование устойчивых связей с культурно-исторической традицией своего народа. Этот процесс в качестве одного из базовых компонентов включает обучение на национальном языке, либо изучение национального языка, а также литературы и истории. Помимо этого, в национальной школе практикуются национальные (этнические) традиции включая изучение национальных символов, празднование национальных праздников и т. п. Последнее играет важную роль в формировании эмоциональной составляющей национальной идентичности.

Перед единой государственной системой образования, включающей школу национальных меньшинств, иные институты, удовлетворяющие их образовательные запросы, стоят задачи формирования общегосударственных ценностей, направленных на консолидацию белорусского народа как гражданского сообщества. Это цели служат не только школы с преподаванием на русском языке и белорусские школы, но также польские и литовские школы, языковые факультативы в средних школах, учреждения дополнительного образования (воскресные и иные школы). Как показывает анализ содержания их деятельности и документальная база, эти школы выполняют возложенную на них государственную функцию.

Прежде всего, национальная школа способствует формированию знаний, компетенций и ценностных ориентаций, позволяющих представителям национальных меньшинств, оставаясь собой, интегрироваться в белорусское общество, участвовать в социальной динамике –

изменять место своего жительства без ощущения собственной «чужести», решать вопросы, связанные с карьерным ростом и т. п.

Национальная школа содействует формированию би / мультикультурной личности, способной к продуктивному функционированию как собственной этнокультурной среде, так и к адаптации к инокультурному окружению. Подтверждением тому является развитие литовского национального образования в гродненской области.

Представители литовской диаспоры Гродненской области как белорусско-польско-литовского пограничья обладают устойчивым осознанием своей национальной принадлежности, которое имеет как генетические, так и культурные основания. Региональная идентичность литовцев включает как общенациональные черты, присущие литовцам как нации, так и региональные особенности, обусловленные локализацией литовцев Беларуси и их соседством со славянскими (белорусы, поляки, русские) этносами. В условиях практикуемого трилингвизма литовцев существенным фактором самоидентификации является литовский язык, который выступает в качестве национального символа, средства репрезентации национальной идентичности, является выражением особенности и жизнеспособности литовского народа и остается фактором его культурной преемственности [1, с. 138]. С этим связана позитивная ориентация на литовскоязычное образование.

Литовское национальное образование получило развитие с 1988 г., когда в Вороновском и Островецком районах Гродненской области, стал изучаться литовский язык как предмет. В 1992/1993 учебном году в деревне Пелеса Вороновского района была открыта первая в республике негосударственная общеобразовательная школа с литовским языком обучения. За парты сели первых 8 учеников. По времени это совпало с принятием Закона Республики Беларусь «О национальных меньшинствах» [2]. Появление в Пелесе литовской школы неслучайно. Абсолютное большинство ее жителей – около 80% – литовцы. Остальные – поляки и белорусы. Каждый пятый житель деревни – ребенок [3]. Основателями школы стали Фонд культуры и Министерство просвещения и науки Литовской Республики. Школа полностью финансируется Департаментом национальных меньшинств и эмиграции при Правительстве Литовской республики [4].

В деревне Пелеса расположился культурно-просветительский центр, официально принадлежащий общественному объединению литовцев «Гимтине». Центральным и, бесспорно, самым главным зданием считается школа. Даже ее внешний вид отличается от обычных школ: нетиповое строение со вторым этажом-мансардой и закрытым

внутренним двориком выглядит привлекательно. Здесь есть библиотека, насчитывающая восемь тысяч экземпляров книг, добротный спортивный зал, историко-этнографический музей, экспонаты которого отражают историю, жизнь и быт местного населения.

Среднее количество учащихся в школе в последние годы составляет 80–90 человек, причем из самой Пелесы только шесть человек, а остальные приезжают из ближайших деревень Вороновского района, из Лидского района и г. Лида. Половина списочного состава учащихся проживает в школьном интернате, что дает возможность хорошо организовать воспитательную работу. По национальной принадлежности ученики школы в основном – литовцы. И хотя здесь можно встретить белорусские фамилии, большинство детей родились в смешанных польско-литовских семьях.

Образовательный процесс в школе осуществляют 24 педагога, из них граждане Литовской Республики – 17 чел., граждане Республики Беларусь – 7 чел. Один из выпускников вернулся преподавать в родную школу после того, как окончил Вильнюсский университет.

В настоящее время школа имеет статус ГУО «Пелясская частная средняя общеобразовательная школа с обучением на литовском языке» и ведомственную принадлежность – Министерство образования РБ. Возглавляет школу Иван Станиславович Матюлевич – первый директор школы, который является гражданином Беларуси [5]. Совсем недавно эту должность занимали исключительно граждане Литвы. Учителя, приезжающие из Литвы, зарплату получают в евро, а некоторые учителя преподают в другой, базовой Пелясской и соседней Больтишской школах с белорусским языком обучения, за факультативное преподавание литовского языка получают зарплату в белорусских рублях. Местные учителя ведут полный цикл предметов – белорусский язык и литературу, русский язык, историю, географию Беларуси.

В школах, подобных Пелясской, не только языки, но и образовательные пространства двух стран сближаются. Преподаватели литовской школы всегда приглашаются на совещания методических объединений, секций руководящих кадров отдела образования Вороновского райисполкома и т. д. Здесь они повышают и свою квалификацию.

Пелясская литовская школа участвует в проекте «Обучение двуязычию в Литве», потому что ежедневно сталкивается с общей для двух государств проблемой многоязычия. В самой Литве также действует школы с двумя языками обучения: литовским и польским, литовским и русским. Правительство Литвы через реализацию проекта стремится находить пути к тому, чтобы учащиеся таких образовательных учреждений не ощущали психологического напряжения и спокойно

преодолевали барьер многоязычия. Эту проблему в Пелясской школе стремятся решить уже в начальных классах, но она существует и в старших классах, так как, выпускники литовской школы на централизованном тестировании должны показать знание государственных языков Республики Беларусь. Следует учитывать и тот факт, что с 2013 г. все школьники Литвы сдают единый государственный экзамен по литовскому языку [6, с. 204].

Несмотря на то, что литовская школа имеет статус негосударственной, ее выпускники получают аттестаты установленного в Республике Беларусь образца. С данными документами они могут продолжить учебу и в Литве, и в Беларуси. Не существует и расхождений в оценке знаний, поскольку десятибалльная система, на которую ранее перешла литовская школа, с 2002 г. действует и в Республике Беларусь. Прием в литовские вузы идет по среднему баллу аттестата – выпускные экзамены в Литве приравниваются к вступительным и проходят в виде тестирования, которое, как и в Беларуси, оценивается по 10-бальной системе. По соглашению между литовским Министерством образования и науки и Министерством образования Беларуси, в Литве аттестаты о получении среднего образования в школах Беларуси признаются действительными, и белорусские выпускники принимаются в литовские колледжи и вузы без вступительных экзаменов.

Безусловно, трудно переоценить ту роль, которую играет в этнокультурной идентичности личности родной язык. Учащиеся с помощью языка познают культуру своего народа. Тем не менее, нельзя и абсолютизировать роль этого фактора. Важна и национальная направленность процесса обучения и воспитания – изучение истории, литературы, знание молодежью народной культуры, но особенно знание обрядов, традиций, фольклора, так как они активно формируют элементы национального самосознания.

Если изучение языка, истории, литературы реализуются через систему учебных занятий, то изучение фольклора, традиций, обрядов осуществляется через организацию праздников, вечеров, которые становятся уже традиционными в деятельности национальной школы. В историко-этнографическом музее школы собраны все орудия обработки льна, действует выставка ткацких изделий местных мастериц. Члены краеведческого кружка организовывают посиделки, во время которых приглашённые мастерицы учат детей всем этапам обработки льна, вместе разучивают народные обрядовые песни и танцы. В музее проходят вечера встреч с ткачихами, есть действующий ткацкий станок, на котором ученики учатся ткать. В школе действует ученическая капелла, учительский вокальный коллектив, которые исполняют

традиционные литовские песни, играют на свирели, трещотке, глиняных свистульках, гуслях. Совместно с Пелясским общественным объединением литовцев «Гимтине» отмечается праздник святого Линуса, праздник «Литовский цеппелин», на который готовят национальные литовские блюда. На Рождественские вечера по традиции приходят семьями.

В деревне Рымдюны Гервятского сельского Совета Островецкого района общеобразовательная государственная школа с литовским языком обучения функционирует с 12 октября 1996 г. Содействовал открытию школы с литовским языком обучения председатель клуба «Гервячей» (выходцев из Гервятского края), первый дипломат Литвы в Беларуси Альфонсас Авгулис. Большую помощь Литовской школе оказывала республиканская община белорусских литовцев и Департамент региональных проблем и национальных меньшинств при правительстве Литовской Республики.

Основная задача Литовской школы в Рымдюнах – сохранить и возродить традиции и обычаи литовцев края, где тесно переплелись и взаимодействуют несколько культур, языков и диалектов (по данным переписи 2009 г. в Островецком районе кроме белорусов, 17,5 % от общего количества населения составляли поляки, 4,6 % – русские, 4,2 % – литовцы) [7, с. 90].

Обучение идет по триместрам. Весь учебный процесс в школе строится в соответствии с учебным планом, утвержденным Министерством образования Республики Беларусь и согласованным с Министерством образования и науки Литвы. 70 % дисциплин изучаются на литовском языке, кроме русского и белорусского языков и литературы, географии и истории Беларуси. Литовский язык и литовская литература изучаются по программам Министерства образования и науки Литовской Республики. Кроме литовского языка, факультативно изучают историю, культуру и литературу Литвы, а также краеведение. В четвертом классе изучается предмет «Мая радзіма – Беларусь». Пятиклассники изучают «Историю Беларуси». Таким образом, белорусская государственная программа обучения усваивается на литовском языке и по литовским учебникам, а количество часов, отведенных на государственные языки, делится на три части, потому что изучается ещё и литовский. В образовательном процессе используются учебники, изданные как в Республике Беларусь (на русском языке), так и в Литовской Республике (кроме «исключительно белорусских» предметов – история Беларуси, язык и литература). Перевод белорусских учебников на литовский язык экономически не выгоден.

В 2000-е гг. Рымдзюнская средняя школа с литовским языком обучения продолжает успешно развиваться. В школе работают 19 учителей,

из них 9 – граждане Литвы, остальные – граждане Республики Беларусь. Кадры учителей помогал подбирать Департамент национальных меньшинств Литвы, который ежегодно объявляет конкурс на замещение вакантных мест педагогов. Директором школы является гражданка Республики Беларусь С. В. Лукшене. Рымдюнская школа с литовским языком обучения является той средой, которая объединяет литовскую и белорусскую культуру. Поэтому здесь постоянно проводятся встречи с представителями культуры и науки Литвы.

Выпускники Рымдюнской средней школы поступают, в основном, в Вильнюсский педагогический университет, Вильнюсский технический университет – 67% идут в вузы, остальные в литовские коллегии, т. е. колледжи. С течением времени эта традиция только усиливается. Если в 1998 г. из семи выпускников пятеро остались в Беларуси, то в 2009 г. из 10 выпускников 8 продолжили обучение в Литве.

Дальнейшее развитие Рымдюнской школы с литовским языком обучения зависит, в первую очередь, от численности литовского населения в Островецком районе. В последние годы эти показатели стабильные: ежегодно Рымдюнскую литовскую школу заканчивают 7–10 человек, в первый класс идет столько же учеников. В 2015–2016 учебном году в школе обучаются 60 учащихся. Столько же – и в Рымдюнской школе с белорусским языком обучения, где также изучают литовский язык за счёт школьного компонента. Администрация школ планирует открыть один на две школы музей, установить более тесные связи с белорусской гимназией имени Ф. Скорины в Вильнюсе.

Если бы литовская школа появилась раньше, лет 20 назад, считают директора школ, возможно, их край был бы более заселен литовцами. Когда-то в Гервятах проживало около 50 % литовского населения, теперь – только 25–30 %. В основном это пожилые люди. Молодые литовцы покинули страну [8]. В 2015–2016 учебном году общее количество учащихся в Литовских школах Гродненской области составляет 141 человек. В Рымдюнском детском саду ведется воспитание детей на литовском языке (всего 9 человек) [9].

В течение 1990-х гг. появился ряд воскресных литовских школ при литовских общественных объединениях. В 1991 г. была открыта воскресная литовская школа в Гродно, позже – в г. п. Радунь (1997 г.) и Лиде (2000 г.). Начиная с 1999 г. расширяется преподавание литовского языка в нелитовских школах – в Гервятской средней школе, Пелясской средней русской школе, Гродненской гимназии № 1, где литовский язык изучается факультативно. В Минском педагогическом университете им. Максима Танка открыто отделение литуанистики по подготовке педагогических кадров для литовской школы Беларуси.

Литовские школы Гродненщины выступают в качестве института, опосредующего контакты учащихся с «исторической родиной», с государством своей культуры. Этой цели служат встречи с их представителями, щкольные выездные лагеря, другие мероприятия, подкрепляющие культурную идентичность учащихся и формирующие их национальную идентичность в широком смысле этого слова. Стали практикой встречи руководителей Литвы с представителями литовских общин Беларуси. Одна из таких встреч состоялась накануне Рождества 2013 г. Президент Литовской Республики Даля Грибаускайте встретилась в Беларуси с литовскими учителями и школьниками. По словам представителей литовских общин, литовские школы, функционирующие в Беларуси, способствуют укреплению родного языка в раннем возрасте, стимулируют интерес к литовской истории, культуре и традициям. Президент обещала разностороннюю поддержку литовской школе Беларуси. В рамках акции «Подарим книгу литовским школам Беларуси», проведенной в декабре 2013 г. и апреле 2014 г., Рымдюнской и Пелясской литовским школам было передано более 1000 литовских книг, которые заняли достойное место в школьной библиотеке и максимально задействованы в учебном процессе. Среди подаренных книг – классическая и современная художественная литература, научные и научно-популярные издания.

Таким образом, национальная школа способствует формированию культурно-национальной идентичности, участвует в реализации стратегии поддержания и развития многокультурности белорусского общества.

Список использованных источников и литературы

1 Беспамятных, Н. Н. Белорусско-польско-литовское пограничье: границы, культуры, идентичности. 2-е изд. / Н. Н. Беспамятных ; под науч. ред. проф. М. А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2013. – 244 с.

2 Официальный сайт Вороновского районного исполнительного комитета. Режим доступа: http://voronovo.grodno-region.by/ru/socio/obrazovanie. – Дата доступа 10.03.2014.

3 Закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» // Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1992. – № 35. – С. 1–9.

4 ГУО «Пелясская частная средняя общеобразовательная школа с обучением на литовском языке». – Режим доступа: http://www.pelesosmokykla.lt/ru/4. – Дата доступа: 28.03.2016.

5 Списки учреждений общего среднего образования Гродненской области. – Режим доступа: rimdziunumokykla.com. – Дата доступа: 19.12.2014.

6 Улейчик, Н. Л. Национальная школа как фактор сохранения этнокультурной идентичности национальных меньшинств Гродненского региона

Беларуси / Н. Л. Улейчик, М. Я. Колоцей // Kwesti espisowe a tożsamość etniczno-kulturowa autochtonicznych mniejszości na pograniczach; pod red. S. Jackiewicza. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2012. – S. 195–206.

7 Бюллетень. Национальный состав Гродненской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publica-tions/nationalstructuregrodno.rar. – Дата доступа: 28.09.2015.

8 ГУО «Рымдзюнская средняя школа с литовским языком обучения». – Режим доступа: http://rimdziunu-mokykla.of.by. – Дата доступа: 28.03.2016.

9 Гродненщина многонациональная. – Режим доступа: http://grodno-region.gov.by/dfiles/000198_172579_gr_nac.doc. – Дата доступа: 28.03.2016.

10 Режим доступа: http://www.belta.by/regions/view/bolee-500-litovskih-knig-podareny-peljasskoj-ssh-voronovskogo-rajona-42626-2014.

***Natalla Uleychyk.* The role of education in ethnocultural identity of Lithuanians of the Grodno region of Belarus in 1990–2000-ies.** *The system of education and the National School as its element are the most important factor in the formation of ethno-national and ethno-cultural identity. Various problems, connected with providing educational needs of the Lithuanians, which have a permanent residence on the territory of the Grodno region of Belarus are viewed in the article.*

*Статья подготовлена в рамках выполнения темы ГПНИ «Современные этнокультурные процессы в западном регионе Республики Беларусь» по Государственной программе научных исследований в рамках ГПНИ на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества». Подпрограмма 13.1. История и культура. Научный руководитель темы НИР – кандидат исторических наук, доцент Н. Л. Улейчик.

УДК 94:133.4:614.26(476.2)“19/20”:616-08

У. А. Ганчар

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны

ЛЯЧЭННЕ “ЛЯКУ” Ў ЗНАХАРСКАЙ ПРАКТЫЦЫ БЕЛАРУСКАГА ПАЛЕССЯ Ў XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.

У артыкуле разглядаецца лячэнне “ляку” у знахарскай практыцы Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст. Выяўляюцца варыятаўнасць назваў хваробы, яе сімптаматыка, спосабы дыягностыкі, а таксама прасочваецца эвалюцыя спосабаў лячэння “ляку” ў XX – пачатку XXI ст. Аўтар прыходзіць да высновы аб адноснай устойлівасці комплексу лячэння “ляку” ў знахарскай

практыцы рэгіёна, пры пэўнай тэндэнцыі да скарачэння і спрашчэння спосабаў лячэння гэтай хваробы, а таксама павышэння ролі безкантактных спосабаў у лячэнні “ляку”.

Знахарства Беларускага Палесся ў пачатку XXI ст. з’яўляецца адным з нешматлікіх элементаў традыцыйнай культуры, які працягвае функцыянаваць. Недастатковая даследаванасць гэтай з’явы, а таксама абмежаванасць доступу да знахарскіх ведаў і зместу знахарскай практыкі, стварылі трывалы стэрэатып аб нязменнасці знахарства. Аднак аналіз вялікіх аб’ёмаў этнаграфічных матэрыялаў, якія маюць храналагічную прывязку да пэўнага перыяду, дазваляе выдзеліць заканамернасці ў развіцці знахарства і прасачыць яго развіццё на працягу XX ст. Актуальным у гэтым кантэксце з’яўляецца вывучэнне практыкі лячэння асобных хвароб у знахарстве рэгіёна, паколькі лячэнне людзей традыцыйна з’яўлялася адной з асноўных (і асноўнай у цяперашні час) знахарскіх функцый. Адной з найбольш распаўсю-джаных хвароб у знахарскай практыцы рэгіёну з’яўляецца лячэнне “*ляку*”.

Мэта работы – вывучэнне практыкі лячэння “*ляку*” ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст. Крыніцамі для напісання работы паслужылі матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў канца XIX – пачатку XXI ст., а таксама працы этнографаў і фалькларыстаў дадзенага перыяду.

Традыцыйна “*ляк*” з’яўляецца адной з самых распаўсюджаных хвароб у знахаскай практыцы Беларускага Палесся. Як бачна з яе назвы, асноўнай прычынай “*ляку*” традыцыйна лічылі моцны псіхалагічны стрэс у выніку знешняга ўздзеяння (звычайна нечаканага), якое, аднак, адрознівалася ад іншых падобных хвароб, паколькі апошнія мелі характар звышнатуральнага (матанакірааванага (“*зробленае*”) ці выпадковага (“*урокі*”, “*прыстрэк*”) магічнага ўздзеяння). Матэрыялы пачатку XX ст. прыводзяць такія назвы гэтай хваробы, як “*перапуг*” (Рэчыцкі павет) [1, с. 387], “*пуд*” (в. Дарашэвічы Петрыкаўскага раёна) [2, с. 164 (№ 12)], “*пярэпалах*”: “*Ест такія бабы, каторыя добра ўмеюць качаць перапалах*” (в. Колкі Клецкага раёна) [3, с. 187 (№ 1673)]. Матэрыялы сярэдзіны – другой паловы XX ст. акрамя вышэйзгаданых, прыводзяць і іншыя назвы, якія ў ранейшых крыніцах не былі зафіксаваны: “*зляк*” (в. Новакузнечная Лоеўскага раёнаў) [4, с. 122 (176)], “*ляк*” (в. Верхнія Жары Брагінскага) [4, с. 122 (№ 177)] і як яго варыянт “*ляг*” (в. Жахавічы Мазырскага раёна), “*жах*” (в. Сіманічы Лельчыцкага раёна). Акрамя гэтага, у матэрыялах гэтага часу пачынае фіксавацца слова “*іспуг*” (“*спуг*”) (в. Залатуха Калінкавіцкага раёнаў) [4, с. 121 (№ 175)].

Вынікі сучасных палявых этнаграфічных даследаванняў падцвярджаюць і дапаўняюць гэтую інфармацыю. Назіраецца пэўная рэгіянальная лакалізацыя вышэйпрыведзеных назваў. Так, найбольш пашыраным словам, для абазначэння “*ляку*” ў Беларускім Палессі з’яўляецца ўласна слова “*ляк*”: “*А шчэ я шапчу дзецям як спужаюцца ляк*” (Маркоўская Марыя Пракопаўна, 1920 г.н., в. Маркоўскае Лельчыцкага раёна). Пры гэтым ва ўсходняй частцы рэгіёна (Брагінскі, Лоеўскі, Нараўлянскі, Хойніцкі раёны) для абазначэння дадзенай хваробы пашырана слова “*зляк*”: “*Ну, зляк, дзіця ўжо не спіць, дзёргаецца, вочы не закрывае, павядзеш і к бабе, а яна кажа, што спугаўся*” (Скачок Кацярына Антонаўна, 1935 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1986 г. пражывала ў в. Міхалёўка Брагінскага раёна). У цэнтральнай частцы Беларускага Палесся таксама распаўсюджаны такія словы, як “*пуд*”, “*жах*”. Пры гэтым дадзенае размеркаванне не з’яўляецца абсалютным. Напрыклад, слова “*зляк*” было зафіксавана аўтарам у в. Моталь Іванаўскага раёна. Самі інфарманты часта ведаюць некалькі адпаведнікаў і свабодна карыстаюцца імі ў размове: “*Жах бувае, ляк называецца, ляк*” (Астаповіч Анастасія Уладзіміраўна, 1931 г.н., в. Дуброва Лельчыцкага раёна). Асобнае месца ў абазначэнні “*ляка*” займае слова “*спуг*” (“*іспуг*”). Гэтае слова не фіксуецца ў крыніцах пачатку XX ст. і вельмі мала сустракаецца ў запісах пазнейшага перыяду. Аднак у тэкстах канца XX – пачатку XXI ст. яно з’яўляецца адным з самых пашыраных абазначэнняў “*ляку*”. Гэтыя факты, верагодна, сведчаць аб запазычванні гэтага слова з рускай мовы ў выніку культурных працэсаў XX ст. Падцверджаннем гэтага з’яўляецца, напрыклад, тое, што ў замовах ад “*ляку*” слова “*спуг*” сустракаецца вельмі рэдка. Некаторыя інфарманты прама кажуць аб нехарактэрнасці гэтага слова для мясцовай традыцыі: “*Гаворыцца іспуг, ляк, по нашэму это лякы називаюцца*” (Цярлецкая Валянціна Антонаўна, 1930 г.н., в. Дубое Пінскага раёна).

Як ужо адзначалася вышэй, прычынай “*ляку*” ў народнай традыцыі лічыцца моцнае нечаканае псіхалагічнае ўздзеянне на чалавека. Як адзначае інфармант А. К. Сержпутоўскага: “*Пярэпалах вельмі ліхая хвароба. Яна робіцца з таго, як хто-небудзь спужае. Пярэпалах робіцца раптоўна. От быў здароў, а як спалохаецца, дак адразу й захварэе да так баццэ ўжэ пракачаўса тыдзень ці больш*” [3, с. 224 (№ 2019)]. Сучасныя інфармнты падцярджаюць гэтыя словы: “А ад чаго ляк бывае? – *Од чого? Од чого хочэш злякаецца. Злякаюцца воны ўжэ*” (Кульбеда Ганна Несцераўна, 1923 г.н., в. Моталь Іванаўскага раёна). Сярод сімптомаў “*ляку*” называюцца калачэнне, адсутнасць апетыту, апатыя, у маленькіх дзяцей наадварот – капрызнасць і пастаянны

плач: “*Пярэпалахі бываюьц ат людзей, жыўёла ці абы ат чаго. Хваробу гэтую лёгко пазнаць, бо ў ёй дзіця дражыць, нічого не бярэ ў рот і доўго крычыць і крычыць*” [3, с. 188–189 (1689)]; ці: “*Ну вот як, еслі ён не спіць, і прыходзіць, вот трасе яго, і ён есць не хоча вот, ён знае, шо ён злякаўсь.* […] *Прыводзяць яго ка мне, і вот ён сядзіць, і вот на ём і зубы калоццяцца, і рукі калоцяцца, і ўсе калоціцца, вот ізляк*” (Краўчанка Тамара Ніканораўна, 1937 г.н., в. Чамярысы Брагінскага раёна). Пры гэтым адзначаецца, што “*ляк*” з’яўляецца вельмі небяспечнай хваробай, паколькі, калі яго не лячыць, ён можа што называецца “*ўдаўніцца*” – перайсці ў хранічную стадыю і паспрыяць з’яўленню іншых захворванняў: “*Із-пад спугу любая балезнь падкідаецца, дажэ сахарны дзіябет із-пад спугу падкідаецца*” (Уласенка Наталля Рыгораўна, 1944 г.н., в. Чамярысы Брагінскага раёна); ці: “*Вот это ж спуг. Это болезць сама цяжэлейша, од іспугу. Вона і нервы, вона і на вум вліяе, вона і ногы, вона й на глаза, куды хочэш, і ў сэрэдыне ўсэ вона. І заболееш і на лёгкыі, і на ўсё заболееш, на пэчэнь заболееш. А ўрачы ее не прызнаюць: “Здороў, ты здороў. Чо ты прыдурываешся? Ідзі работай”. А він нэ можэць ходыты*” (Кузьміч Фядора Мартынаўна, 1923 г.н., в. Баландзічы Іванаўскага раёна), і нават стаць прычынай смерці: “*Ты знаеш шо ў нас от спуга дзеўка, ета, маладая, ішла ўвечары на вечоркі гуляць і сабака сарваўся, прыбег яе спужаў, бег за яю, укусіў яе, іззадзі за юбку ўхапіў да парваў. І яна спужалася, ў яе нага забалела, забалела, яна скора ўмерла.* – Ад спуга? – *Ад спуга, да, это сама горша хвароба, спуг*” (Юшкевіч Марыя Андрэеўна, 1927 г.н., в. Сярэднія Печы Лельчыцкага раёна). Традыцыйна лічылі, што на “*ляк*” у большасці хварэюць дзеці: “*Яшчэ часто дзеці хварэюць з пуду ці пярэпалаху*” [3, с. 188 (№ 1689)], аднак часта з гэтай хваробай да знахароў звярталіся і дарослыя: “*А вот і едуць этые хлопцы, каторые в это во, да бывае ж па дарозе йідуць, да нэ дай Бог аварыя. Дык, от одын казав, выйшла якась жэншчына, ну, якась бэзумная, вылезла на дарогу, а він жэ на ее не наехав нішчо, але казав думав вона впала, а він думав, шо він еі пэрэйіхав, так він ужэ без памяці это. То вы знаэтэ, шо він став быто мэшацца ўжэ. Вот это ж спуг*” (Кузьміч Фядора Мартынаўна, 1923 г.н., в. Баландзічы Іванаўскага раёна). Пры гэтым адзначаецца, што “*ляк*” (у адрозненні, напрыклад, ад “*урокаў*”, “*прыстрэку*”) з’яўляецца толькі чалавечай хваробай: “*Не, коровам лякі не, корова мо не лякаецца*” (Амянчук Аляксандра Паўлаўна, 1935 г.н., в. Моладава Іванаўскага раёна. Нарадзілася ў в. Гаравата Іванаўскага раёна).

Адпаведна, дыягностыка “*ляку*” грунтавалася на вышэйпералічаных сімптомах, якія дапаўняліся аповедамі пацыентаў: “*То дэтына*

злякаецца, то й сам злякаецца дэ хто, да прыйдэ: "баба, я нэ можу спаты, мэнэ"... Да я ёй поговору той ляк, шо вона злякаецца. Да вона і... Гэто нэ вэльмі даўно прыходзіла няка да кажэ: "Гэтак шось зробілось, шо нэ можно спаты, нэ можно й ходыты і просто больная". А я помолылася да той ляк. Да кажу: "Як ты, тобе ліпшай ужэ"? – "Добрэ ўжэ стало". Добрэ. Абы помогло" (Кульбеда Ганна Несцераўна, 1923 г.н., в. Моталь Іванаўскага раёна). Але часта сімптомы хворага не дазваляюць паставіць дакладны дыягназпа прычыне існавання ў знахарстве ўяўленняў аб вельмі блізкіх па паходжанню хваробах ("*урокі*", "*паддзіў*", "*прыстрэк*"), якія па сімптаматыцы нагадваюць "*ляк*". У выпадку сумненняў пры пастаноўцы дыягназу распаўсюджана практыка пераказвання вядомых "*шаптухам*" замоў, пакуль "*знаючы*" (у больш рэдкіх выпадках пацыент) не пачынае моцна пазяхаць, што лічыцца знакам таго, што менавіта гэтую хваробу і трэба лячыць: "*А воно зразу, як ты, як ты етого, ў його як вон ляк, чы ўрокі, так ты молышса, молышса і домолышса, от ужэ ляк, і ты так, і тэбе так позяхі бэруць, ты позяхаіш*" (Амянчук Аляксандра Паўлаўна, 1935 г.н., в. Моладава Іванаўскага раёна. Нарадзілася ў в. Гаравата Іванаўскага раёна). Акрамя гэтага, прычына хваробы, яе крыніца і ступень цяжкасці ўдакладняюцца непасрэдна падчас лячэння.

Што тычыцца ўласна спосабаў лячэння "*ляку*", то можна адзначыць значную колькасць вядомых спосабаў лячэння гэтай хваробы, якія існавалі ў рэгіёне. Пры гэтым найбольш распаўсюджаным з'яўлялася "*выкачванне*" ляку з дапамогай яйка ці хлеба. Яшчэ А. К. Сержпутоўскі ў пачатку XX ст. прыводзіць прыклад "*выкачвання*" "*ляку*" з дапамогай хлеба і падкурванне хворага поўсцю жывёлы якая яго спужала (калі тая лічылася крыніцай хваробы): "*Пакуль не ведаюць, з чаго стаў перапалах, та перш усяго яго качаюць, дзеля чаго па жывату хворага качаюць мякішам хлеба, покуль скачаюць галку. Тую галку даюць сабацы. Як той сабака зьесць той хлеб, та дзіцяці будзе лягчэй*" [3, с. 189 (№ 1689)]. У аповядах інфармантаў прыводзяцца і даволі нетыповыя спосабы лячэння, калі хворым займаліся адразу некалькі "*знаючых*", якія выкарыстоўвалі розныя спосабы: "*У мяне брат пас кароў. Дык сеў на пень, а вуж ды ў рубашку яму. Ён спужаўся, пабег. Дык другі пастух паймаў яго. Як прыйшоў дадому, ды як забалеў. Банкамі лячылі, ці што гэта такое. У бальніцу завозім. У бальніцы прызналі востры туберкулёз. Забралі з бальніцы, прывезлі яго. Ён ужо ніякі, у яго пальчыкі паўцягаліся. Прыйходзіць той хлопчык і кажа: "Дзядзя Павел, знаеце што, ваш Іван спужаўся, ета ён вужа", ды давай расказваць як. Дык мы тады скарэй, дзед запрог*

коней і ў Міхалёўку, да дзеда таго Палітавіча. Дык дзед еты і баба яго лячылі. Дык дзед павёў на зоры лячыў, а баба на хлеб на печы лячыла. Вот і к зорам лячыў, увечары. Яны ж знаюць на якія зоры. Знаеце што, не еў ён нічога. Дык туды вялі яго пад ручкі, а назад сам ішоў. Дык дзед сказаў, што колькі ён будзе спаць, столькі хай спіць, не будзіце яго. І прыехаў дадому: "Мама, есць." Дык мамка яму патроху. Дык ачуняў патроху і ў армяю яшчэ пайшоў" (Скачок Лідзія Якаўлеўна, 1926 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1986 г. пражывала ў в. Крукі Брагінскага раёна).

У канцы XX – пачатку XXI ст. працягваюць існаваць такія спосабы, як выкачванне "*ляка*" з дапамомогай хлеба ці яйка. Напрыклад, Міранчук Аляксандра Дзмітрыеўна (1928 г.н., в. Жмурнае Лельчыцкага раёна) можа выкачваць «ляк» і хлебам, і яйкам: "*Выкачваю і хлебом. І яйцом вікачваю. Яечком выкачваю, шапчу і вікачваю, а потом яечко над головою ўжэ трэці раз по…, покачаю, да воды набіраю ў стакан, да туды яечко б'ю, да там ужэ покажэ зразу, ці спуг йе, ці е ляк ці німа, на водзе*". Пры гэтым таму, ці будуць часткі яйка, ўлітага ў шклянку з вадою, цягнуцца да паверхні (так званыя "*галовы*"), вызначаюць ці хворы чалавек (калі так, цягнуцца, то хворы), і па іх колькасці вызначаюць ступень хваробы: "*Вот у тэбэ іспуг тожэ есця. Вот эта выліць трэба. А еслі нэ дай Бог, чы аварыя, чы, сільно прыпугаўса, так повэн стакан аж… Так кіпіло, порвало б стакан*" (Кузьміч Фядора Мартынаўна, 1923 г.н., в. Баландзічы Іванаўскага раёна). Некаторыя інфарманты па форме "*галоў*" вызначаюць і мяркуемую прычыну хваробы: "*А на яйцо, вот вукачаю яйцом сырым, яйцом, і на воду вуллю. І яно тамака стаіць дак ійе такое во, ці мужчына, ці ад трактара, ці ад сабакі, ад сабакі будзе кашлатае такое вада, ну вот такое нізкае. А ак чалавек, дак так вот, стоўбікамі*" (Садчанка Ганна Еўстраф'еўна, 1926 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1984 г. пражывала ў г. Хойнікі Хойніцкага раёна).

Пры гэтым назіраецца тэндэнцыя знікнення часткі спосабаў лячэння (напрыклад, "*выліванне*"), а таксама спрашчэння працэдуры лячэння, калі акцыянальна-прадметны бок працэсу лячэння паступова знікае, пры захаванні і дамінаванні вербальнага кампанента (замовы і малітвы). Напрыклад, частка інфармантаў адзначала, што яны выкарыстоўваюць не поўную працэдуру лячэння, вылючыўшы з яе пэўныя элементы: "*Я й хлебом не… Каталі і хлебом колісь, катала баба Марына*" (Хвацік Ніна Іллінішна, 1926 г.н., в. Сіманічы Лельчыцкага раёна); ці: "*Раньшэй укачывалі яйцом. А я так, пошапчу, дай і помогае*" (Міненка Дар'я Марцьянаўна, 1914 г.н., г.п. Лельчыцы

Лельчыцкага раёна). Аднак да нашага часу ступень захаванасці комплексу спосабаў лячэння “*ляку*” з’яўляецца досыць высокай у параўнанні з большасцю астатніх хвароб. Акрамя таго, паколькі сёння пацыенты часта жывуць далёка ад месца пражывання знахароў, распаўсюджванне атрымалі дыстанцыйныя спосабы лячэння “*ляку*”, калі “*знаючы*” пераказвае неабходную замову на ваду, якую затым перадаюць хвораму.

Такім чынам, лячэнне “*ляку*” ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся дэманструе значную ступень захаванасці ў параўнанні з матэрыяламі першай трэці XX ст. Пры гэтым назіраецца з’яўленне новых назваў хваробы (“*спуг*”), скарачэнне спосабаў лячэння “*ляку*”, якія існуюць у знахарскай практыцы ў канцы XX – пачатку XXI ст., і спрашчэнне тых з іх, што захаваліся. Таксама, ў сувязі з немагчымасцю прамога кантакта знахара з часткай пацыентаў у знахарскай практыцы Беларускага Палесся ўзрастае роля безкантактных спосабаў лячэння.

Крыніцы і літаратура

1 Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Часлаў Пяткевіч ; уклад., прадм. У. Васілевіча ; пер. з пол. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2004. – 670 с. – (Беларускі кнігазбор: БК, Серыя 1, Мастацкая літаратура. Серыя 2, Гісторыка-літаратурныя помнікі).

2 Moszyński, K. Polesie wschodnie: Materjały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu Mozyrskiego oraz z powiatu Rzeczyckiego / K. Moszyński. – Warszawa : Wyd-wo Kasy im. Mianowskiego, 1928. – 304 s.

3 Сержпутоўскі, А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі ; навук. рэд. А. С. Фядосік ; прадм. У. К. Касько]. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

4 Полесские заговоры: в записях 1970–1990-х гг. : сб. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Индрик, 2003. – 751 с.

Uladzimir Hanchar. **Treatment of fright in the healing practice of Belarusian Polesie in 20- beginning 21 century**. *In the article is considered the curing of “fear” – the illness, which allegedly appears as the result of someone was frightened – in witch-doctors’ practice in Belarusian Polesie in the XXth - the beginning of the XXIst century. The variability of illness names, its symptoms, means of its diagnosing and curing are investigated, and evolution of means of “fear” curing in the period under review are traced. Author comes to conclusion about considerable stability of “fear” curing complex in witch-doctors' practice of the region. Meanwhile, he notes the tendency to shortening and simplifying of “fear” curing means, and to growing of significance of contactless ways of its curing.*

УДК 327(438:47+57)]”1991/2015”

К. М. Лайкоў

Інстытут гісторыі НАН Беларусі
Цэнтр гісторыі геапалітыкі

ВЫШАГРАДСКАЯ ГРУПА І РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ: ЭТАПЫ СТАНАЎЛЕННЯ ЎЗАЕМААДНОСІН І ПЕРСПЕКТЫВЫ СУПРАЦОЎНІЦТВА

У работе аналізуецца працэс станаўлення ўзаемаадносін паміж Рэспублікай Беларусь і Вышаградскай групай у палітычнай, эканамічнай і культурных сферах. Вызначаны далейшыя перспектывы развіцця адносін паміж німі. Даследуюцца асаблівасці знешняй палітыкі, робяцца спробы перыядызацыі вызначаннай навуковай праблемы.

15 лютага 2016 года ў г. Празе (Чэшская Рэспубліка) адбылося ўрачыстае пасяджэнне, прысвечанае 25-гадоваму юбілею рэгіянальнай супольнасці Чэхіі, Польшчы, Венгрыі і Славакіі [8]. У сусветнай практыцы саюз дадзеных дзяржаў прынята называць як Вышаградская група (В4).

На сённяшні дзень яна ўяўляе сабой, бадай, найбольш вядомае і стабільнае рэгіянальнае аб’яднанне, якое ўзнікла пасля распаду сацыялістычнага блока ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе.

На працягу 1990-х гг. і ў першае пяцігоддзе XXI стагоддзя асноўныя знешнепалітычныя намаганні В4 былі накіраваны на ўваходжанне ў Еўрапейскі саюз і НАТА. І хоць у рамках гэтых арганізацый самастойныя знешнепалітычныя ініцыятывы краін-удзельніц аб’яднання былі істотна абмежаваныя неабходнасцю узгадненняў сваіх крокаў з афіцыйным Бруселем, тым не менш, яны праводзілі дастаткова актыўную палітыку суседства па ўсім сваім перыметры.

Так, атрымалі сваё развіццё кантакты і сувязі як з Германіяй і Аўстрыяй, так і з стварыўшымі сваю дзяржаўнасць былымі рэспублікамі СССР, уключанымі пазней у палітыку Ўсходняга партнёрства ЕС: Украінай, Грузіяй, Малдовай, Арменіяй, Азербайджанам і надалей Рэспубліка Беларусь.

Цяпер Вышаградская чацвёрка досыць актыўна выступае на шматлікіх пляцоўках, асабліва ў НАТА і ЕС, працягвае пры дапамозе Вышаградскага фонду ажыццяўляць т.зв. «палітыку мяккай сілы» па суседстве ў накірунку былога СССР і Балкан, фінансуючы шэраг адукацыйных праектаў, праграм падтрымкі грамадзянскіх супольнасцяў і сродкаў масавай інфармацыі ў гэтых краінах [7].

У рамках гэтай работы будзе праведзены кароткі аналіз асноўных этапаў станаўлення ўзаемаадносін паміж Рэспублікай Беларусь і Вышаградскай групай у палітычнай, эканамічнай і культурных сферах, а таксама вызначаны далейшыя перспектывы развіцця іх адносін.

У той жа час варта адзначыць, што за перыяд свайго існавання саюз дзяржаў цэнтральна-еўрапейскага рэгіёну так і не інстытуалізаваўся. Да гэтага часу не сфарміраваны апарат альбо цэнтральны сакратарыят. Адзінай створанай у рамках саюза структурай з’яўляецца Вышаградскі фонд. Узгадненне планаў узаемадзеяння на год у аб’яднанні ажыццяўляецца па чарзе Венгрыяй, Польшчай, Славакіяй і Чэхіяй, якія змяняюць адзін аднаго ў канцы чэрвеня кожнага года [11]. Часткова ў планах старшынствуючых краін няма галоўнага – пераемнасці.

За сваю гісторыю палітычныя двухбаковыя ўзаемаадносіны паміж краінамі Вышаградскай групай і Рэспублікай Беларусь прайшлі пэўныя стадыі развіцця.

Так, першым этапам актыўнасці можна лічыць 1990-я гг. Пасля атрымання незалежнасці Беларусь устанавіла дыпламатычныя адносіны з Польшчай (1992), Венгрыя (1992 г.), Чэхіяй (1993 г.) і Славакіяй (1993 г.), якія раней падпісалі дэкларацыю аб стварэнні рэгіянальнага аб’яднання [3].

Адносна беларускага падыходу да Вышаградскай саюзу сведчыць дакумент «Асноўныя напрамкі знешнепалітычнай дзейнасці Рэспублікі Беларусь», распрацаванай у беларускім МЗС ў 1994 г., дзе гаварылася пра тое, што дзяржава будуе шматузроўневую сістэму прыярытэтаў і двухбаковых адносін. Вядучым элементам беларускай знешнепалітычнай стратэгіі на гэты перыяд называліся адносіны з Расійскай Федэрацыяй, затым раўназначна прыярытэтнымі прызнаваліся тры азімута: Украіна, Польшча і дзяржавы Прыбалтыкі. На еўрапейскім кірунку вылучаўся ўзровень – Германія, Венгрыя, Чэхія, Славакія, Балгарыя, Румынія [6, с. 33].

У гэты ж час перад Вышаградскай саюзам як аб'яднаннем таксама не стаяла мэты развіцця адносінаў з асобнымі дзяржавамі і гэта тлумачыцца, перш за ўсё задачамі, выпрацаванымі першымі дэкларатыўнымі дакументамі, і крызісам самой структуры.

Другі этап прыйшоўся на пачатак 2000-х гг. і быў звязаны з першымі крокамі «чацвёркі» у якасці членаў Еўрасаюза. Гэтыя гады былі адзначаны імкненнем дамагчыся раўнапраўя з астатнімі краінамі ЕС, скарэктаваць сваё становішча ў рамках саюза, адыграць магчымасці, упушчаныя пры перамовах аб уступленні.

Менавіта з гэтага моманту «беларускі накірунак» пачынае больш выразна фігураваць у афіцыйных дакументах В4, перш за ўсё, падчас

абмеркавання Еўрапейскай палітыкі суседства. Пачынаючы з чэшскага старшынства ў групе (2003–2004 гг.) пытанні палітычнага ўзаемадзеяння з Беларуссю разглядаліся вельмі вузка і толькі ў рамках міжведамасных кансультацый без прыцягнення беларускага боку. Асноўнымі тэмамі сталі перадача вопыту сацыяльнай трансфармацыі грамадства і пабудова рынкавых асноў эканомікі.

Акрамя гэтага, на ўзроўні ЕС Вышаградскай чацвёркай былі падтрыманы крокі на шэраг абмежаванняў для Беларусі. Намаганні дыпламатыі аб'яднання былі накіраваны на «развіццё свабоды і дэмакратыі».

У той жа час, можна адзначыць і станоўчыя моманты, штогод з пачатку 2006 г. ў афіцыйных дэкларацыях, апублікаваных па выніках сустрэч вышэйшых службовых асоб В4, падкрэсліваліся намаганні ў пытаннях паслаблення візавых абмежаванняў ЕС для шэрагу беларускіх грамадзян (студэнты, навукоўцы і выкладчыкі) [9]. У 2008 г., да прыкладу, было прапанавана прасоўваць ідэю памяншэння візавых збораў для грамадзян і вызваленне ад выплаты візавых збораў для моладзі [12].

Беларуская знешнепалітычная актыўнасць не была накіраваная на групу як адзінае цэлае, прыярытэт быў аддадзены на выбудоўванне прагматычных, канструктыўных і добрасуседскіх адносін толькі з асобнымі ўдзельнікамі.

Трэці этап актыўнасці Вышаградскай групы пачаўся з прыняццем праграмы ЕС «Усходняе партнёрства» ў 2009 г. У сувязі з гэтым у краін В4 з'явіўся агульны інтарэс, здольны іх рэальна зблізіць, надаць асэнсаванасць іх ўзаемадзеянню.

Беларускі бок таксама спачатку з энтузіязмам успрынял Усходняе партнёрства. Аднак, на супрацоўніцтва ў межах «Усходняга партнёрства» сур'ёзна паўплывала агульнае пагаршэнне палітычных адносінаў Мінска і Бруселя [2].

Разам з тым, аналіз дакументаў і дэкларацый, выдадзеных у дадзены перыяд, дэманструе патэнцыял развіцця двухбаковых адносін паміж Беларуссю і «Вышеградам» у гэты перыяд не быў рэалізаваны ў поўнай меры Беларусь да апошняга часу заставалася хутчэй стрыманым назіральнікам, чым актыўным удзельнікам сустрэч як і ў рамках «Усходняга Партнёрства», так і В4.

З-за складанасцяў ў палітычнай сферы першачарговую ўвагу неабходна было сканцэнтраваць на іншых напрамках, у сувязі з гэтым супрацоўніцтва ў эканамічнай вобласці стала больш важным у двухбаковых адносінах паміж краінамі.

З 1990-х гг. вялася работа, накіраваная на развіццё вытворчай кааперацыі паміж Рэспублікай Беларусь і краінамі Вышаградскай

групы, а таксама прыцягненне замежных інвестыцый і крэдытных рэсурсаў, у тым ліку шляхам задзейнічання аддзяленняў буйных кампаній і банкаў рэгіёнаў ЦУЕ, зацікаўленых ва ўкладаннях у рэальны сектар беларускай эканоміцы.

На сёння можна сказаць, што краіны В4 ўваходзяць па аб'ёмах гандлю ў 30 ключавых партнёраў Рэспублікі Беларусі. Перавага тут, безумоўна, ў Польшчы (2014 – 2,4 млдр. даляраў). Для паляпшэння каардынацыі сфармавана шэраг міжурадавых камісіі па гандлёва-эканамічным супрацоўніцтве [3].

Найбольшая ўзаемадзеяння паміж Беларуссю і Вышаградскай групай наладжана ў адукацыйнай і культурнай сферах і звязана яна, перш за ўсё, з дзейнасцю Міжнароднага Вышаградскага фонду, праз які В4 прапануюць беларускай навуковай і культурнай грамадскасці сумесныя праграмы.

З 2009 г. рэалізуецца спецыяльная праграма для Беларусі. Праграма прапануе студэнтам і навукоўцам 60 семестраў навучання ў любым дзяржаўным ці прыватным універсітэце краін-удзельнікаў Вышаградскай групы (Чэхія, Славакія, Венгрыя, Польшча).

У 2011 г. таксама была запушчана спецыяльная праграма для краін «Усходняга партнёрства» (V4EaP), якая імкнецца выкарыстоўваць вопыт краін ЦУЕ ў сацыяльна-эканамічных пераўтварэннях, дэмакратызацыі і рэгіянальнага супрацоўніцтва для рэалізацыі яго ў рамках сумесных ініцыятыў, накіраваных на ўмацаванне сувязяў паміж мясцовымі органамі ўлады, універсітэтамі і асобнымі грамадзянамі [11].

З пачаткам 2016 г. існуе верагоднасць пачатку новага этапу ва ўзаемаадносінах паміж Рэспублікай Беларусь і Вышаградскай групай.

15 лютага 2016 г. Саветам Еўрапейскага саюза было прынята рашэнне аб скасаванні санкцый супраць беларускай дзяржавы і бізнес-супольнасці. Безумоўна, гэты крок пазітыўным чынам уплывае на інвестыцыйны клімат Беларусі, дазваляе на больш шырокім узроўні ўзмацніць кантакты не толькі з асобнымі краінамі ЕС, але і субрэгіянальных супольнасцямі ўнутры дадзенай структуры.

У той жа час, згодна з даследаваннямі, праведзеным колам даследчых структур В4 ў краінах групы больш за 50 % рэспандэнтаў у цэлым не задаволены цяперашнім станам спраў на ўсходнім вектары палітыкі [10]. Як мяркуецца значна зменіцца і вектар ініцыятывы «Ўсходняе Партнёрства», што адзначалася ў выступленні кіраўніка МЗС Польшчы ў пачатку 2016 г. [1].

Аднак, у большасці выпадкаў чакаць істотнага прарыву ў адносінах паміж Беларуссю і Вышаградскай групы чакаць заўчасна. Даследаванне,

якое было адзначана раней, паказвае, што ў найбліжэйшай будучыні Беларусь не ўваходзіць у лік прыярытэтаў знешняй палітыкі В4.

Разам з тым, на наш погляд, беларуская дзяржава здольна ў супрацоўніцтве і пры падтрымцы даволі моцнага рэгіянальнага гульца ў ЕС дасягнуць поспехаў па шэрагу кірунку і, перш за ўсё, у пытаннях візавых бар’ераў.

У эканамічнай сферы перспектывы супрацоўніцтва варта разглядаць шырэй. Патэнцыяльнымі напрамкамі супрацоўніцтва будуць з’яўляцца энергетыка, нафтахімія, фармацэўтыка, харчовая і сельскагаспадарчая прамысловасць, машынабудаванне, будаўніцтва.

Таксама розныя варыянты рэалізацыі рэгіянальнай палітыкі В4 прыводзяць да ўзнікнення унікальнай сітуацыі, калі партнёрамі Беларусі ўсё часцей могуць выступаць не нацыянальныя ўрады, а рэгіянальныя адміністрацыйныя, палітычныя структуры, лабісцкія групы. У многіх выпадках інтарэсы рэгёнаў менш ідэалагізаваны, чым пазіцыя нацыянальных органаў улады гэтых краін. Рэгіёны, як правіла, больш гатовыя да канструктыўнага ўзаемадзеяння з Беларусьсю, чым нацыянальныя органы ўлады і ў сувязі з гэтым значны патэнцыял крыецца ў развіцці гэтага напрамку. Тут паказальны прыклад Чэхіі, дзе ў 2015 г. ажыццёўлены 6 візітаў рэгіянальных уладаў, падпісаны Мемарандум аб супрацоўніцтве паміж Магілёўскай вобласцю і Устэцкім краем, а таксама Пагадненне аб супрацоўніцтве паміж Гродзенскім аддзяленнем БелГПП і Эканамічнай палатай Среднечешскага краю [5]. Акрамя гэтага, дадзены кірунак дазволіць пастуова гарманізаваць нацыянальныя нормы і тэхнічныя стандарты з адпаведнымі крытэрыямі ЕС.

У галіне культуры і адукацыі намечаны далейшыя ключавыя напрамкі ўзаемадзеяння. Так, летам 2015 г. падпісаны мемарандум аб супрацоўніцтве паміж міністэрствамі краін Вышаградскай групы і міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусі, каардынуючым работу ў галіне маладзёжнай палітыкі [5]. У адпаведнасці з ім бакі будуць аказваць садзейнічанне адзін аднаму ў падрыхтоўцы прафесійных кадраў па працы з моладдзю, плануюць абменівацца вопытам працы ў сферы ўзаемадзеяння дзяржструктур і моладзевых грамадскіх аб’яднанняў, праводзіць сумесныя навуковыя даследаванні, семінары, сімпозіумы, канферэнцыі, кансультацыі па розных праблемах маладзёжнай палітыкі і адукацыі.

Такім чынам, на сёння складваецца сітуацыя, якая дасць магчымасць пачаць новы этап у двухбаковых адносінах паміж Беларуссю і Вышаградскай групай у розных сферах. Кантакты беларускай дзяржавы з кожнай з краін паасобку развіваюцца даволі інтэнсіўна:

з пачатку 2000-х гг. назіраецца стабільная тэндэнцыя да павелічэння тавараабароту і інвестыцый, растуць культурны абмен і супрацоўніцтва ў сферах турызму і адукацыі. Пры гэтым, нягледзячы на неэфектыўнасць супрацоўніцтва ў галіне палітыкі, эканоміка і адукацыя здольныя пачаць працэс значнага паляпшэння перспектыў далейшага супрацоўніцтва.

Спіс выкарыстанных крыніц і літаратуры

1 Восточное партнерство закончилось катастрофой [Электронный ресурс] / Радио Польша. – Режим доступа: http://www.radiopolsha.pl/6/137/Artykul/238603. – Дата доступа: 11.02.2016.

2 Мельницов, Д. Беларусь в Восточном партнерстве: Ожидания и реальность [Электронный ресурс] / Д. Мельницов // Belarusian Institute of Strategic Studies. – Режим доступа: http://belinstitute.eu/ru/node/1556. – Дата доступа: 14.02.2016.

3 Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/. – Дата доступа: 20.02.2016.

4 Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edu.gov.by/news-201506.– Дата доступа: 15.02.2016.

5 Посольство Республики Беларусь в Чешской Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://czech.mfa.gov.– Дата доступа: 03.03.2016.

6 Шадурский, В.Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011) / В. Г. Шадурский // Веснік БДУ, Сер. 3. – 2011. – № 3. – С. 31–36.

7 Шишелина, Л. Н. Четверть века в центре Европы [Электронный ресурс] / Л. Н. Шишелина // Сайт «Вишеградская Европа». – Режим доступа: http://visegradeurope.ru/2016/02/13/любовь-шишелина-четверть-века-в-центр. – Дата доступа: 20.02.2016.

8 25th anniversary of foundation of the Visegrad Group [Electronic resource] / Government of the Czech Republik. – Mode of access: http://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/25th-anniversary-of-the-foundation-of-the-visegrad-group--140149/. – Date of access: 12.02.2016.

9 Declaration of the Prime Ministers of the Visegrad Countries Visegrad, Hungary, 10 October 2006 [Electronic resource]/ Visegrad Group. – Mode of access: http://www.visegradgroup.eu/official-statements/documents/declaration-of-the. – Date of access: 24.02.2016.

10 Dostal Vit, Trends of Visegrad foreign policy / Vit Dostal. – Praha: Association for international affairs (AMO), 2015. – 69 c.

11 Joint Statement of the Prime Ministers of the Visegrad Group Countries on the 25th V4 Anniversary [Electronic resource] / Visegrad Group. – Mode

of access: http://www.visegradgroup.eu/calendar/2016/joint-statement-of-the. – Date of access: 02.03.2016.

12 Joint Statement of the Ministers of Foreign Affairs of the Visegrad Group Countries, 23 April 2008, Czech Republic [Electronic resource] / Visegrad Group. – Mode of access: http://www.visegradgroup.eu/2008/joint-statement-of-the. – Date of access: 24.02.2016.

13 Joint Statement on the Enhanced Visegrad Group Activities in the Eastern Partnership V4 Prime Ministers' Summit, Bratislava, 16 June 2011 [Electronic resource]/ Visegrad Group. – Mode of access: http://www.visegradgroup.eu/ 2011/joint-statement-on-the. – Date of access: 04.03.2016.

***Kiryla Laykou.* The Visegrad Group and the Republic of Belarus: stages of relationship and prospects for cooperation**. *The paper analyzes the process of formation of relations between the Republic of Belarus and the Visegrad Group in political, economic and cultural spheres. Identified prospects for further development of relations between them. Additionally researched especially foreign policy, made attempts periodization designated scientific problem.*

УДК 94 (477) : «…/ 1917» : 329.73

О. В. Бобіна

Національний університет кораблебудування
імені адмірала Макарова

НАЦІОНАЛЬНИЙ УКРАЇНСЬКИЙ ПОЛІТИЧНИЙ РУХ: ЕТАПИ, ОСОБЛИВОСТІ, ПОЧАТКИ ДІЯЛЬНОСТІ

Національний український політичний рух має свої особливості. Ці особливості сформувались в другій половині XIX ст. Автор описує основні етапи розвитку національного політичного руху і його характеристики. Особлива увага звертається на умови в яких починали свою діяльність українські політики, організації і партії. Автор робить висновки, що український вплив був присутній у вузькому середовищі української інтелігенції.

В своїх дописах до шанованого наукового збірника ми вже звертались до історії політичного руху в Україні, вказували на його особливості і специфіку. Взагалі, історія національних культурних і політичних рухів залишається в центрі уваги науковців. [1]. Даною розвідкою ми хочемо звернути увагу білоруських колег на основні етапи і особливості національного українського політичного руху. Особлива увага звертається на початки діяльності українських політичних сил. Таке історичне знання дозволяє провести порівняльний

аналіз білоруського і українського політичного руху в їхній історичній ретроспективі і можливих взаємовпливах. Особливу цікавість викликають впливи польських і російських політичних сил на національний білоруський і український політичний рух як в XIX ст., так і пізнішої доби.

Порівнюючи політичні рухи України, Росії, Польщі, Чехії (як найбільш розвинутих політичних спільнот) слід вказати на «молодість» національного українського руху і його, загалом, невеликі впливи на суспільство. Це видно, в тому числі, і при спробі визначити основні етапи історії національних політичних сил. Ми пропонуємо визначити такі етапи історії як: 1) домодерний політичний рух (XVII – перша половина XIX стст.); 2) національний політичний рух доби модернізації (друга половина XIX ст. – 1917 р.); 3) політичний рух доби національно-демократичної революції і революції в Російській і Австро-Угорській імперії (1917–1921/23); 4) політичних рух в поділеній країні (1922/1923–1939); 5) занепад політичний сил (1940 – кінець 50-х рр.); 6) українське дисидентство 60–80-х рр.; 7) український політичний рух доби М. С. Горбачова (1985–1991); 8) Політичний рух в не залежній Україні (1991– ...).

Зауважимо, що ми зупинимось на перших двох етапах які визначили характерні риси, особливості і тенденції які стали притаманні національним політичним силам.

Домодерний політичний рух охоплює XVII – першу половину XIX ст. Він включає в себе етап самоідентифікації українців через боротьбу православних з уніатською і католицькою церквою, через козацько-селянські повстання (1596–1638) і козацько-селянську революцію (1648–1657). Вершиною політичного руху цього часу стали: 1) вимога-прохання Б. Хмельницького і української верхівки створити державу трьох народів: поляків, литовців і українців в межах Речі Посполитої, і 2) спроба створення української держави на чолі з Б. Хмельницьким. Відмовившись від цих ідей польська, магнатсько-шляхетська верхівка отримала новий кордон з Московією і українську автономію (квазідержаву) на Лівобережжі. Домодерний політичний рух охоплює часи Руїни (1658–1687) і Гетьманщини (1687–1781). Це був час контрреволюційної війни, спроби збереження власної ідентифікації, занепад власної політики, освіти, економіки, професійної «високої» культури. Кінець XVIII – початок XIX ст., – початок реформ-змін які згодом (в другій половині XIX ст.) забезпечили модернізацію української спільноти в умовах реформування Австрійської і Російської імперії. Першими відчули реформи західні українці. На відміну від підросійських земель, на українських землях що

відійшли від Польщі до Австрії почались культурно-освітні, церковні, а згодом економічні реформи. Вододілом між «старими і новими часами» в Україні стали утворення і діяльність Кирило-Мефодіївського товариства (1846–1847, Київ, підросійська Україна) і Головної руської ради (1848–1851, Львів, підавстрійська Україна). Як бачимо, хронологія, початки нового політичного руху поділеної України співпадають. Але діяльність цих організацій, і саме головне, умови, наслідки і впливи різнились. Саме тому слід звернути увагу на особливості і умови в яких розгортався політичний рух в різних частинах України.

Розвиваючись в умовах загальноросійського політичного руху та під його впливом, український рух мав свої особливості. На відміну від російського, національний рух не мав стійких історичних традицій. Це призвело до обмеженості політико-ідеологічних, організаційних основ руху. Політичний український рух не мав прошарку професійних революціонерів, які б повністю присвятили себе політичній діяльності. Відчувався брак компетентних людей для політичної діяльності, а згодом і до державницької.

Слід вказати на певну ізольованість східноукраїнського руху від західноєвропейського. Негативне ставлення російських партій до українців призвело до обмеженості ідеологічних доктрин, до механічного перенесення західноєвропейських політичних доктрин на український ґрунт. Не випадково майже півстоліття політичних рух на Наддніпрянській Україні обмежувався культурницькою програмою – започаткуванням шкіл, книгарень, бібліотек, вивченням української мови, історії, культури тощо.

Національний рух розвивався в умовах обмеженої соціальної бази. Національна соціал-демократія не могла знайти опори в національному робітництві. Цього робітництва було надто мало, воно зосереджувалося в тих галузях економіки, які не відігравали вирішального значення в політичній боротьбі − сільське господарство, харчова промисловість. Більша частина українського робітництва була поросійщена, розчинялась в масі руського, польського, єврейського робітництва, яке було домінуючим в добувній, металургійній, машинобудівній промисловості. Саме ці національності складали більшість населення промислових центрів України.

Український ліберально-консервативний рух теж не мав соціальної бази, через відсутність великого прошарку національної фінансово-промислової буржуазії. Більшість національної буржуазії зосереджувалась в сільському господарстві, переробній промисловості, дрібній торгівлі. Вирішальні галузі промисловості були

у власності франко-бельгійського, російського, єврейського капіталу. Таким чином, українські політики не могли користуватись фінансивими можливостями, які мали російські партії: від чорносотенців до більшовиків.

Єдиним прошарком, що становив базу українського політичного руху залишалось селянство. Але для опанування селянської стихії вимагались великі професійні, організаційні, ідеологічні сили, яких не мала нечисленна українська інтелігенція. Потрібен був і історичний час, але його, як відомо, не вистачало.

Національний рух жорстко переслідувався царатом. Ці репресії були направлені в більшій мірі не проти його демократичної революційності, а проти т. зв. малоросійського сепаратизму.

Певні відмінності мав західноукраїнський рух. Політичні реформи в Австрійській імперії, що почалися на два десятиліття раніше, ніж в Росії, сприяли більшому динамізму, більшим успіхам західноукраїнського політичного руху. Так австрійський уряд час від часу використовував діяльність українців на противагу полякам, надаючи українцям певних поступок. Російська імперія також використовувала Західну Україну організуючі москвофільський політичний рух. Великий вплив на політичну діяльність в Галичині мала греко-католицька церква, її діячі. Саме священики очолили політичний рух на Західній Україні, доносили його до селянства, перекладали складні політико-ідеологічні конструкти на звичайну мову, чого не було в підросійській Україні. Західні українці вибирали між Австрією, Росією, а згодом і Польщею.

Формування східних і західних політиків в різних умовах, з різними впливами призвели згодом, в 1918−1920 рр., до фатальних наслідків через непорозуміння в головних питаннях державного будівництва молодої української держави.

Діяльність українців вирізнилась в окремий чинник політичного руху з середини XIX ст., з появою різночинської інтелігенції і виробленням нею свого розуміння національної ідеї. В 1846−1847 рр. в Києві засновується і діє таємне Кирило-Мефодіївське товариство. На його чолі стояли, відомий історик М. Костомаров (1817−1885), чиновник канцелярії Київського генерал-губернатора М. Гулак (1821−1899) і вчитель кадетського корпусу В. Бєлозерський (1823−1899). Пізніше до них приєднались П. Куліш (1819−1897) та Т. Шевченко (1814−1861). Товариство охоплювало 12 постійних членів та приблизно сто співчуваючих − вчителів, викладачів, чиновників, студентів. Програма товариства викладена в праці М. Костомарова «Закон Божий. Книга буття українського народу» та в Статуті. В цих документах

проголошувались антикріпосницькі, антицаристські ідеї, необхідність створення всеслов'янської федерації з вільних слов'янських народів та національного визволення України. Товариству не вдалось розгорнути свою діяльність. Вона обмежилась кількома зборами, де обговорювались різноманітні проблеми, спробою розповсюдження своїх теорій, вироблення проекту про заснування сільських шкіл. Скоро товариство було викрито, а його діячі зазнали репресій. Діяльність Кирило-Мефодіївського товариства свідчила про зростання національної самосвідомості, про початок національного руху, який перебував ще в межах культурно-просвітницької програми.

Важливим кроком у розвитку національного руху стала діяльність Громад − напівлегальних товариств ліберально-демократичної інтелігенції. Перша така Громада створена В. Антоновичем, діяла на початку 60-х рр. в Києві. За її зразком почалось створення таких товариств в інших містах України. Громади діяли в Єлизаветграді, Одесі, Полтаві, Харкові, Чернігові і серед українців Санкт-Петербургу. Метою громадівського руху був розвиток українського культурного життя в усіх його вимірах − видавнича діяльність, народна освіта, літературна діяльність. Деякі з Громад, переживши репресії царату проти українства (Валуєвський – 1863 р. та Емський – 1876 р. укази), зміцнивши внутрішню структуру і склад учасників, збереглись до 90-х рр. XIX ст. Самою відомою стала діяльність т. зв. Київської «Старої громади». Її очолив В. Антонович (1834−1908), а до складу входили такі відомі представники української інтелігенції як М. Драгоманов (1841−1895), П. Житецький (1836−1911), М. Зібер (1844−1888), О. Кистяківський (1833−1885), Т. Рильський (1841−1902), М. Старицький (1840−1904), П. Чубинський (1839−1884). Підсумком діяльності Громад стало утворення в 1897 р. Загальної української безпартійної демократичної організації.

Навіть обмежена культурно-просвітницька діяльність і програма українофілів розглядалась імперським режимом як політичний сепаратизм − тобто спроба відірвати Україну від Росії. Таким чином, український рух опинився на роздоріжжі − культурництво не давало ніяких результатів, а ідеї політичного руху лякали національну інтелігенцію.

Одним з перших, хто проголосив необхідність вести політичну боротьбу став Михайло Драгоманов. Вимушений залишити Батьківщину, М. Драгоманов в Женеві починає видавати перший український соціально-політичний часопис «Громада». В журналі друкуються матеріали присвячені вирішенню національного питання, розвитку України в складі Росії, необхідності вироблення політичної програми

національного руху. Разом з М. Зібером, С. Подолинським (1850−1891) М. Драгоманов звертається до західноєвропейської політичної думки − до соціалізму та марксизму. Намагаючись пристосувати ці доктрини до української дійсності, він відкидає ідеї радикальної боротьби та централізму, натомість пропагує т. зв. етичний соціалізм, громадивський соціалізм, федералізм. Не знайшовши підтримки серед старшого покоління українофілів, М. Драгоманов вимушений був припинити свою активну політичну діяльність за кордоном.

Таким чином, суспільний рух на Наддніпрянській Україні в другій половині XX ст. обмежувався культурно-просвітницькими вимогами. Лише в 90-х рр. українська студентська молодь долучається до політичної боротьби через створення таємних студентських політичних гуртків в Києві, Харкові, Петербурзі (Росія), Дерпті (Росія–Латвія), а згодом Братства Тарасівців (1891–1893).

Революція 1848 р. в Австрійській імперії, проголошення конституційної, парламентської монархії (утворення нової держави – Австро-Угорщини), початок економічних реформ створили більш сприятливі умови для політичної активності західних українців. В умовах революції 1848 р. у Львові утворився перший в історії представницький політичний орган українців в Галичині − Головна руська рада. До неї входили представники нечисленної національної інтелігенції і духовенства. Загалом тридцять чоловік. Головою ради став єпископ Г. Яхимович (1792–1863). Руська рада представляла інтереси українців на слов’янському конгресі в Празі, очолила вибори українців до парламенту у Відні, створила мережу місцевих комітетів, розгорнула культурно-просвітній рух. Головною метою організації стала боротьба за відокремлення Української Галичини (східної) від Польської (західної), та створення на землях першої національної автономії у складі Австрії. Але надії українців на імперську адміністрацію виявились марними, почався період контрреформ і боротьби проти любих виявів національної самостійності. Опинившись перед тиском уряду Головна руська рада саморозпустилася в 1851 р.

Друга половина XIX ст. в Західній Україні пройшла у боротьбі москвофілів, народовців і радикалів. Москвофіли здебільш об’єднували консервативну інтелігенцію та духовенство старшого покоління, яке розчарувалось у австрійській орієнтації, у змозі австрійців вирішити українську проблему. Тому вони звернули свої погляди до правлячих кіл Росії, сподіваючись на її допомогу. Але отримуючи фінансову та моральну підтримку від Російської імперії потрібно було поступитись своїми поглядами. Що і було зроблено. Москвофіли проголосили існування єдиного, т. зв. «панруського» народу від Карпат

до Камчатки, відмовили в існуванні українській мові, натомість проголосили єдність «руського» народу. Москвофіли виступили проти греко-католицької віри, пропагували перехід у православ'я. Критикуючи цю течію, разом з тим, треба зрозуміти, що це була відповідь частини західноукраїнської інтелігенції на процеси полонізації, румунізації та мадяризації. Але молодь не поділяла таких поглядів. Вона виступила з їх критикою і розпочала активну діяльність в культурно-просвітній сфері. Головним аспектом діяльності стала пропаганда української мови, орієнтація на культурні потреби народу. Ось чому прихильники цієї течії обрали назву народовців. Завдяки зусиллям народовців були засновані товариство «Просвіта» (1868 р.), Товариство ім. Шевченка (1873 р.), відкрито велику кількість народних бібліотек. Таким чином діяльність народовців нагадувала культурно-просвітню діяльність східноукраїнських Громад. Звичайно, що наступним кроком суспільного руху в Галичині стало виокремлення з народовців радикальної течії, утворення політичної організації. У 1890 р. була заснована Русько-українська радикальна партія на чолі з І. Франко (1856−1916) та М. Павликом (1853−1915). Програма партії включала в себе боротьбу за громадянські та національні права, вимоги економічні та освітні. Партія проголосила боротьбу за автономію, яка б «поєднувала силу монархії з найкращим культурним та національним розвитком народів». Партія стала в опозицію до уряду і боролась проти «угодовської» політики народовців з поляками та австрійцями у суспільному житті. Русько-українська радикальна партія стала зародком нових політичних організацій. В 1899 р. частина партії стала на соціалістичні позиції і заснувала Українську соціал-демократичну партію на чолі з М. Ганкевичем (1869−1931). В тому ж році інша, ліберально-демократична частина оформилась в Національно-демократичну партію. На чолі партії стали Ю. Романчук (1842–1932), К. Левицький (1859–1941), М. Грушевський (1866–1934). Вона стала найбільш впливовою та представницькою силою західних українців. Програмою максимум була незалежна, об'єднана Україна. Найближчою метою проголошувалось створення української автономії на землях Галичини та Буковини.

Таким чином, в кінці XIX ст. в обох частинах України, формується розуміння необхідності політичної діяльності, політичної боротьби. Політична боротьба в підавстрійській Україні вже велась в легальних умовах. Політичний рух українців в Російській імперії зосереджувався в підпіллі. Характерною рисою, що об'єднував західників і східняків стала ідеологія федералізму і автономії. В Галичині панування цієї ідеології стало результатом особливої, відносно

ліберальної національної політики. В Наддніпрянські українські політики підійшли до революції 1917−1921 рр. з ідеями федералізму і автономії у складі «великих» держав. Незалежність 1918 р. стала «несподіванкою» як для західників, так і східняків. Ідея незалежності залишалась на марйнесі.

Неабияку роль в національному політичному русі відіграла молодь яка не хотіла миритись з поміркованою політикою старшого покоління. Молодь і старше покоління не знаходили спільної мови, що виявилось згодом, в 1917−1921 рр. В національному русі був відсутній «зв'язок поколінь» в ідеях і досвіді боротьби.

Незважаючи на ці, та ряд інших специфічних рис український національний рух перестав бути «забавою і екзотикою» поступово набираючи силу.

Джерела і література

1 Кротов, А. М. Политическая составляющая польских культурно-просветительских интересов в Беларуси во второй трети XIX в. / А. М. Кротов // Беларусь і суседзі : гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 30 верасня − 1 кастрычніка 2010 г. / [рэдкалегія: Р. Р. Лазько (адказны рэдактар), М. М. Мязга, Д. М. Талочка]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2010. – С. 79−86.

2 Гарматный, В. П. Нацыянальна-дэмократычны рух Заходняй Беларусі ў 1921−1939 гг. / В. П. Гарматный // Беларусь і суседзі : гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 30 верасня − 1 кастрычніка 2010 г. / [рэдкалегія: Р. Р. Лазько (адказны рэдактар), М. М. Мязга, Д. М. Талочка]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2010. – С. 246−252.

3 Бобіна, О. В. Особливості політичного руху в Україні, загальноросійські партії в Україні і їх ставлення до українського питання в XIX – на початку XX ст. / О. В. Бобіна // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зборнік навук. артыкулаў. Вып. 3. / рэдкал. : Р. Р. Лазько (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2014. – С. 53–57.

Oleh Bobyna. National Ukrainian political movement: phases, especially the beginning of activities. *The Ukrainian national political movement has its special features. These features were generally formed in the second half of the XIX century. The author describes the main characteristics of the national political movement and the basic steps of its development. The special attention has been paid to the conditions in which the Ukrainian politicians, parties and organizations started their activities. The author has made the conclusion that the Ukrainian influence was present in the narrow circle of the Ukrainian intelligentsia.*

УДК 930.85(476.2-21Гомель)

С. А. Балахонаў
Сярэдняя школа № 24 г. Гомеля

КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНАЯ ПРАСТОРА ГОМЕЛЯ І ПАМЯЦЬ ГОРАДА (ПАСТАНОЎКА ПРАБЛЕМЫ)

У артыкуле разглядаецца асаблівы від сацыяльнай памяці, выражаны паняццем памяць горада як асновасяжнай з'явы культурна-гістарычнай прасторы. На матэрыялах пераважна XVI – пачатку XXI ст. акрэслены шэраг вузлавых пытанняў фарміравання, развіцця і функцыянавання ў Гомелі памяці горада як сацыяльнага інстытута і інфармацыйнай сістэмы. Пастаўлена праблема аб прычынах функцыянальнага збою, у выніку якога інстытуалізаваныя формы памяці горада выяўляюцца няздольнымі да рэтрансляцыі назапашанага і даследаванага гомельскага наратыва на шырокае кола гараджан.

Пад культурна-гістарычнай прасторай варта разумець сукупнасць спароджаных ці справакаваных дадзеным горадам культурных і гістарычных феноменаў, якія характарызуюцца рознай ступенню актуальнасці ў канкрэтны перыяд гісторыі. Магчымасці культурна-гістарычнай прасторы звязаны з сацыяльнай памяццю, якая ў дачыненні да горада можа быць вызначана як *памяць горада*. З аднаго боку яна ўяўляе сабой сацыяльны інстытут, які ўключае ў сябе ўстановы культуры, музеі, архівы і іншыя інстытуцыянальныя формы арганізацыі, якія рэгулююць прастору гарадской культуры і яе суб'ектаў. З іншага боку – гэта складаная інфармацыйная сістэма, у якой дзейнічаюць асаблівыя заканамернасці захавання, пераасэнсавання і аднаўлення (рэтрансляцыі) інфармацыі аб мінулым. У ёй ствараюцца мнеманічныя праграмы інфармацыйнай дзейнасці, якія пэўным чынам суадносяцца з мнеманічным зместам вербальных (вусных і пісьмовых) і невербальных (напр., помнікаў архітэктуры і горадабудаўніцтва) тэкстаў [14].

Горад Гомель валодае сваёй адметнай культурна-гістарычнай прасторай, фарміраванне, развіццё, трансфармацыя і сучасны стан якога ў цэлым звязана з асаблівасцямі яго гістарычнага лёсу і сучаснасці. *Памяць горада* як сацыяльны інстытут у Гомелі склалася даволі позна. Можна меркаваць, што ў XI–XVIII стст. функцыі адпаведных установаў часткова выконвалі храмы і рэзідэнцыі гарадскіх уладароў, дзе захоўвалася разнастайная дакументацыя (“листы к твердости славное и святое памяти Королей Их милости”, “скрыни с правами тыми церковными”, “книги замку Гомелского”, “выписы” з іх),

маглі існаваць скрыпторыі і, тэарэтычна, нават школы [6, с. 58, 200–201; 5, с. 54; 1, с. 42–45]. Пад кантролем царкоўных і свецкіх улад магло ажыццяўляцца складанне мясцовых летапісаў, але выразных указанняў на гэта ў гістарычных крыніцах пакуль не выяўлена. У кожным разе нават з наяўнай інфармацыі цяжка меркаваць аб спосабах рэтрансляцыі звестак з гісторыі Гомеля на розныя катэгорыі яго жыхароў і аб факце падобнай рэтрансляцыі як такой.

Відавочна, што напрацаваны на пэўных этапах існавання Гомеля гарадскі наратыў на працягу азначанага перыяду неаднойчы змяняў свой змест па прычыне войнаў, прыродных і іншых катаклізмаў (напр., пажараў у мірны час), эпідэмій. Гарадская традыцыя адрознівалася перарывістасцю. Пры такім раскладзе праблематычным выглядае пытанне, ці з’яўляліся арганічным элементам *памяці горада* веды гамяльчан другой паловы XVIII ст. (паваротны момант гомельскай гісторыі) пра радзімічаў, найбуйнейшым горадам племяннога саюза якіх у свой час быў Гомель. Звесткі пра радзімічаў утрымліваюцца ў розных рэдакцыях і спісах “Аповесці мінулых гадоў”, блытана сустракаюцца ў хроніцы М. Стрыйкоўскага, працы А. Нарушэвіча. Зрэшты, ці былі носьбіты гэтай інфармацыі ў Гомелі, невядома. Як невядома, ці існавалі ў *гарадской памяці* Гомеля таго ж часу звесткі пра “печать местьскую з гербом крыжа”, якую горад атрымаў 1560 г. прывілеям вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста, або пра яе гомельскія жыхары забыліся задоўга да сярэдзіны XVIII ст. Пытанне застаецца без адказу, арыгінал выявы герба дагэтуль не знойдзены, а сама падзея адсутнічае ў сучаснай гомельскай гарадской свядомасці.

У XIX – пачатку XX ст. у Гомелі адбывалася інстытуалізацыя культуры як такой, што знайшло сваё праяўленне ў адкрыцці і працы на розных адрэзках часу навучальных устаноў (ланкастэрская школа, прагімназіі, гімназіі, вучылішчы) і ўстаноў культуры (тэатр, бібліятэкі). Аднак без дадатковых даследаванняў цяжка сказаць, ці спрыялі яны інстытуалізацыі *памяці горада*, бо невядома, у якой ступені навучэнцы адукацыйных устаноў, карыстальнікі бібліятэк, наведвальнікі тэатра маглі там пачарпнуць веды з гісторыі Гомеля ці яго тагачаснага жыцця. Больш выразныя рысы інстытуалізацыі *гарадской памяці* назіраюцца ў дзейнасці беларускага асяродка т.зв. “Румянцаўскага гуртка” як праобраза навукова-даследчай установы, спецыялізаванай на краёвай (рэгіянальнай), але не выключна гомельскай, гісторыі [4, с. 146]. Так, у выданнях І. Грыгаровіча сярод крыніцаў па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага былі апублікаваны дакументы, якія маюць дачыненне і да Гомеля, а сярод фальклорных запісаў, зробленых З. Даленгам-Хадакоўскім, пэўная частка мае гомельскае паходжанне.

Гомель, яго гісторыя і актуальная на той час прастора паступова становяцца аб'ектамі рэфлексіі – публіцыстычнай і навуковай. У 1848 г. у часопісе "Иллюстрация" быў змешчаны артыкул В. Шабякіна "Несколько слов о местечке Гомле", дзе аўтар паспрабаваў ахарактарызаваць Гомель таго часу і вызначыць адметнасці яго гістарычнага шляху. На мяжы стагоддзяў з'явілася кніга Л. Вінаградава, якая стала першай вядомай у сваім родзе спробай асэнсаваць лёс горада ад старажытных часоў да канца XIX ст. У той самы час актыўную збіральніцкую і даследчую дзейнасць вёў і Е. Раманаў. Вывучаючы з пункта гледжання археалогіі, гісторыі, этнаграфіі і фальклору беларускія губерні, ён немалую ўвагу надаў Гомелю з яго тагачаснымі ваколіцамі. Можна дапусціць, што вытокі іх даследчай актыўнасці звязаны з пачаткамі інстытуалізацыі *гарадской памяці* Гомеля. Разам з тым застаецца адкрытым пытанне аб шырыні ахопу гараджан, здабытымі навукоўцамі ведамі. Пра гэта маглі б часткова сведчыць звесткі пра распаўсюджанне тыражоў іх выданняў сярод жыхароў Гомеля і Гомельскага павета. Папярэдне ж можна выказаць меркаванне, што сам факт збору Е. Раманавым краёвых матэрыялаў, мог даваць імпульс для рэфлексіі (*"роздуму аб гомельскім"*) яго памочнікам, рэспандэнтам і іх асяродкам.

Далейшае станаўленне гомельскай *памяці горада* як сацыяльнага інстытута звязана з навейшай гісторыяй. З 1919 па 1941 г. у Гомелі ці не ўпершыню з'явіўся комплекс спецыялізаваных устаноў, якія мелі магчымасць вывучаць, захоўваць і рэтрансляваць гарадскую гісторыю (краязнаўчы музей, абласная бібліятэка, педагагічны інстытут, тэатр, радыёстанцыя, рэдакцыі газет). Аднак спецыфіка таго часу, звязаная з разгортваннем культурнай рэвалюцыі і насаджэннем бальшавіцкай ідэалогіі, відавочна адбівалася на змесце *памяці горада*, уплывала на стан культурна-гістарычнай прасторы Гомеля. Гэта здзяйснялася ў рамках барацьбы з перажыткамі "старога рэжыму", рэлігіяй і нават у сувязі з перабудовай часткі горада, якая суправаджалася адпаведнай ідэалагічнай рыторыкай. Так, у 1937 г. быў закрыты, а ў 1940 г. зруйнаваны касцёл Унебаўзняцця Найсвяцейшай Панны Марыі [2, с. 102–104]. Узведзены ў 1929–1931 гг. на месцы гарадскіх сядзіб дом-камуна абвяшчаўся будынкам новай формы арганізацыі жылля і побыта працоўных [5, с. 221]. Застаецца адкрытым пытанне, ці знаходзіліся ў той час сярод удзельнікаў інстытуалізаваных форм *памяці горада* людзі, якія выказваліся за захаванне тых ці іншых гарадскіх аб'ектаў.

Віхура Другой сусветнай вайны сур'ёзна закранула культурна-гістарычную прастору Гомеля і *памяць горада*. Але ў пасляваенныя гады ў Гомелі ўзніклі дзясяткі новых устаноў культуры, у дзейнасці

якіх у той ці іншай ступені прысутнічаў рэгіянальны кампанент. Даследаванне гісторыі, этнаграфіі, фальклору, літаратуры Гомеля і Гомельшчыны ўзмацнілася, дзякуючы рэарганізацыі ранейшага педагагічнага інстытута ў Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт (1969 г.). Працай многіх навукоўцаў гэтай установы да нашага часу назапашаны вялікі масіў адпаведных ведаў. Аднак большасць дасягненняў па шматбаковым вывучэнні Гомеля застаюцца замкнутымі ў межах акадэмічнага асяроддзя, уплываючы пераважна на спецыялістаў і даволі вузкія колы зацікаўленых асоб па-за названым асяроддзем. Уплыў на масавую аўдыторыю гараджан практычна не заўважаецца.

Адным з яскравых прыкладаў таму з’яўляецца надзвычайна нізкая колькасць помнікаў гістарычным асобам і дзеячам культуры, звязаных з Гомелем. У Гомелі не святкуецца ні вызваленне горада вялікім князем Альгердам ад мангола-татараў, ні вяртанне горада ў склад БССР у выніку т. зв. “другога ўзбуйнення”. Сведчаннем слабасці ўплыву акадэмічнага асяроддзя на паўсядзённае разуменне гамяльчанамі свайго горада могуць служыць таксама ступень і характар прысутнасці гістарычнай тэматыкі ў сучасных песнях, прысвечаных Гомелю, змест якіх часта зводзіцца да стэрэатыпнага набору са спрошчанай схемы гомельскай гісторыі [9]. Аўтары канвертуюць у сваёй творчасці пэўны *інфармацыйны згустак*, што існуе навокал, узнікшы ў выніку пастаяннай шырокай рэтрансляцыі нейкай сукупнасці фактаў, вобразаў, стэрэатыпаў.

Як бачым наяўнасць інстытуалізаваных форм *памяці горада* не гарантуе апанавання масавай свядомасцю гараджан. Можна сцвярджаць, што гомельскі гарадскі наратыў у *памяці горада* як інфармацыйнай сістэме прысутнічае ў недастатковай ступені. Мноства вусных гарадскіх паданняў і легенд, якія ўмоўна можна абазначыць як сучасныя, дагэтуль не сабраны ў адзіны комплекс і не зведалі класіфікацыі. Гэта паданні пра незайздросны лёс дома, збудаванага з выкарыстаннем цэглы разбуранага касцёла, пра скульптурную кампазіцыю фантана, дзе фігуры пры поглядзе зверху ўтваралі свастыку, пра дэмантаж у парку фігуры Сталіна з помніка, дзе прысутнічала фігура Леніна і інш. [8]. Часта гэты пласт фальклору існуе ў невялікіх групах носьбітаў, не ахопліваючы агульнагарадскую свядомасць. Самымі вядомымі ў маштабе горада з’яўляюцца легенда пра паходжанне Гомеля (“Го! Го! Го! Мель!”) і паданні пра падземныя хады пад паркам і ракой Сож. Верагодна, што ў абодвух выпадках мы маем справу з вуснымі тэкстамі, якія сягаюць у часы не ранейшыя за “румянцаўскую эпоху”.

Ці існавалі больш архаічныя легенды пра заснаванне Гомеля, дакладнай інфармацыі няма. Краязнавец А. Рогалеў узгадвае “асколак”

падання пра разбойніка Гома як легендарнага заснавальніка горада [12, с. 46]. Мы ж лічым, што легенды, якія маглі існаваць да канца XVIII ст., у XIX ст. паступова сцерліся з *памяці горада* і ўжо ў часы даследчай актыўнасці Е. Раманава гамяльчанам былі невядомыя. Гэты даследчык, збіраючы фальклор у Гомелі і наваколлі, падобнай легенды не зафіксаваў, толькі ў лісце да гісторыка літаратуры А. М. Весялоўскага перадаў змест “смутного предания” пра вёску Валатава (зараз – у межах Гомеля) і волатаў [3, с. 246]. З іншага ж боку легенды і паданні, звязаныя з горадам, маглі існаваць не толькі ў беларусаў і старавераў Гомеля і Гомельскага павета (асноўныя рэспандэнты Раманава і яго памочнікаў), але і ў яўрэйскім асяроддзі. Аднак, нягледзячы на тое, што колькасць яўрэяў (па роднай мове) паводле перапісу 1897 г. у Гомелі складала 10 435 чалавек (59 % ад усіх гамяльчан) [7, с. 254–255] іх культурная спадчына дагэтуль не зведала шырокага комплекснага даследавання, у т. л. і на наяўнасць гарадскіх легенд.

Разам з легендамі забываюцца і колішнія афіцыйныя і неафіцыйныя мікратапонімы. Назвы Каўказ, Амерыка, Свісток і некаторыя іншыя ў наш час хоць і не ўжываюцца для абазначэння гарадскіх тэрыторый, дзе яны бытавалі ў канцы XIX – пачатку XX стст., але пра іх нярэдка ўзгадваюць краязнаўцы, публіцысты, яны рэгулярна фігуруюць у краязнаўчых конкурсах для школьнікаў. Такія ж назвы як Багуслаўскі фальварак, Гецьманка, Бэркаў хутар, Лібаўскі гарадок, Красная Грыва ў масавай гарадской свядомасці адсутнічаюць. Зрэшты, паралельна працэсам забыцця адных мікратапонімаў адбываецца з’яўленне іншых: Стары Аэрадром, Кітайская Сцяна, Пентагон, Лінія. Пры гэтым узровень самарэфлексіі жыхароў Гомеля як гараджан даволі нізкі, пра што сведчаць безыменнасць многіх гарадскіх аб’ектаў (напр., мастоў, вострава на р. Сож), наяўнасць вялікай колькасці безаблічных нумарных назваў мікраараёнаў (напр., 17-ы, 104-ы), адсутнасць ходкіх жартаўлівых найменняў для помнікаў і іншых славутасцяў горада.

Пераважная большасць пісьмовых вербальных тэкстаў, звязаных з Гомелем, у інфармацыйнай сістэме *памяці горада* прысутнічае ў нязначнай ступені. Літаратурныя творы пра Гомель, якія б лічыліся знакавымі для гамяльчан, у гарадской свядомасці адсутнічаюць. Гэта тычыцца рамана Ільі Эрэнбурга “Бурнае жыццё Лазіка Ройтшванеца” (1927), частка дзеяння якога разгортваецца ў Гомелі часоў нэпа, некаторых твораў Івана Шамякіна – напр., “Сэрца на далоні” (1964), “Атланты і карыятыды” (1974), дзе пазнаюцца пэўныя гомельскія рэаліі 1960–1970-х гг. Названыя творы маглі б стаць своеасаблівай літаратурнай візітоўкай Гомеля, адпраўным пунктам для насычэння культурнагістарычнай прасторы горада новымі цікавосткамі (помнікамі па

матывах сюжэтаў, экскурсійнымі маршрутамі, тэматычнымі кавярнямі), аднак іх актуалізацыяй на сёння займаюцца выключна энтузіясты.

Варта аддаць належнае навукоўцам і краязнаўцам, якія імкнуцца данесці розныя пласты гомельскай гісторыі да гараджан праз кніжныя і газетныя публікацыі, інтэрв'ю, публічныя выступы (А. Макушнікаў, А. Яшчанка, В. Марозаў, В. Лебедзева, Ю. Глушакоў, Я. Малікаў і інш.). Аднак разам з тым дагэтуль няма навукова-папулярнага выдання, якое ў фармаце падручніка расказвала б пра гісторыю Гомеля ад старажытных часоў да нашых дзён. Адсутнічае таксама і кніга, дзе былі б сабраны займальныя выпадкі з гомельскай гісторыі розных перыядаў.

Што тычыцца невербальных тэкстаў у *гарадской памяці* Гомеля, то і тут прысутнічаюць пэўныя асаблівасці. Заснаванне горада ў лясной зоне, знаходжанне па-за галоўнымі гандлёвымі шляхамі на доўгі час прадвызначылі спецыфіку яго архітэктурнага аблічча – асноўным матэрыялам на працягу, прынамсі, васьмі стагоддзяў тут была драўніна. І хаця ёсць археалагічныя сведчанні пра існаванне ў Гомелі на розных этапах гісторыі каменных ці каменна-цагляных забудоў (храмы), аж да другой паловы XVIII ст. нават рэзідэнцыі уладароў узводзіліся з дрэва (напр., перабудаваны дубовы замак князя Міхала Чартарыйскага). Улічваючы фізічныя ўласцівасці дадзенага матэрыялу і гістарычны кантэкст, у якім існаваў Гомель, верагоднасць захавання да нашых дзён будынкаў эпохі сярэднявечча ці першага перыяду Новага часу выявілася немагчымай. Адзіным выключэннем стала драўляная Ільінская царква 1793 г. Верагодна, што ў выніку перабудовы Гомеля пры Румянцавых, а таксама з прычыны пажару ў 1856 г. будынкаў, узведзеных раней канца XVIII ст., у Гомелі не захавалася. Тая ж Ільінская царкава ў 1898 г. лічылася сярод культавых пабудоў Гомеля найстарэйшай [13, с. 69].

Атрымліваецца, што архітэктурны кампанент культурна-гістарычнай прасторы Гомеля (нават у сённяшніх яго граніцах) вядзе свой адлік у лепшым выпадку з канца XVIII – пачатку XIX ст. Будынкі канца XVIII – першай паловы XX ст. пры ўмове іх захаванасці маглі б скласці архітэктурнае ядро гомельскай культурна-гістарычнай прасторы, якое здолела б адной сваёй прысутнасцю ўздзейнічаць на гараджан, а значыць выконваць ролю рэтранслятара ў інфармацыйнай сістэме *памяці горада*. Мусім пагадзіцца з расійскім даследчыкам Дз. Равінскім, які адзначыў, што "любы чалавек, апынуўшыся ў горадзе, зведвае ўздзеянні, якія, не ўспрымаючыся рацыянальна, афарбоўваюць усё ў спецыфічныя таны. Гравітацыйна-тэктанічнае ўздзеянне архітэктурных пабудоў, унутраная пульсацыя горада спрычыняецца да фарміравання асаблівых уласцівасцяў гараджан" [11, с. 411–412]. Аднак тое, што магло пры лепшым гістарычным раскладзе стаць такім ядром,

да нашага часу дайшло ў надзвычай перафарматаваным выглядзе з прычыны войнаў, антырэлігійнай барацьбы, практыкі бяздумных разбурэнняў і перабудоў. Цяжка сказаць, якое гравітацыйна-тэктанічнае ўздзеянне робяць на гараджан гмахі "Гіпражыўмашу" і "Белтэлекаму", узведзеныя ў гістарычным цэнтры (адпаведна ў 1974 г. і 1981 г.) за кошт зруйнавання гарадскіх сядзіб і іншых будынкаў канца XIX – пачатку XX ст. На жаль, практыка вызвалення тэрыторыі ад гістарычнай забудовы працягваецца і ў нашы дні. Зносяцца ці непазнавальна рамантуюцца дамы пачатку XX ст., адметныя сваім драўляным дэкорам. Праекты музейных кварталаў (скансенаў) застаюцца дыскусійнымі [10].

Такім чынам, нават абеглы агляд феномена *памяці горада* ў кантэксце культурна-гістарычнай прасторы Гомеля выяўляе шэраг праблемных момантаў, для раскрыцця якіх патрабуецца глыбокая даследчыцкая праца. Асобнае месца сярод іншых займае праблема функцыянальнага збою механізмаў рэтрансляцыі гарадскога наратыва. Яе вырашэнне ўяўляе не толькі даследчыцкі інтарэс, але і мае практычнае значэнне для далейшага функцыянавання і развіцця культурна-гістарычнай прасторы Гомеля.

Спіс выкарыстанных крыніц і літаратуры

1 Белорусский архив древних грамот : [сборник]. – М.: Типография С. Селивановского, 1824. – 148 с.

2 Васькоў, У. І. Каталікі на абшарах Панізоўя і Севершчыны : Гісторыя гомельскага дэканата / У. І. Васькоў ; навук. рэд. А. В. Белы, В. С. Пазнякоў. – Мінск: Про Хрысто, 2011. – 360 с.

3 Веселовский, А. Мелкие заметки к былинам / А. Веселовский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1896. – Ч. CCCVI. – С. 235–277.

4 Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2008. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.

5 Гомель : Энцикл. справ. / редкол.: И. П. Шамякин [и др.]. – Минск: БелСЭ, 1990. – 527 с.

6 Макушников, О. А. Гомель с древнейших времён до конца XVIII в. Историко-краеведческий очерк / О. А. Макушников. – Гомель: РУП «Центр научно-технической и деловой информации», 2002. – 244 с.

7 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под. ред. Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : Типография АО «Слово», 1903. – Вып. XIII : Могилевская губерния. – 276 с.

8 Пошукі старога Гомеля [Відэазапіс] : дакум. фільм / М. Булавінская, С. Ляпін ; навук. кансульт. Ю. Панкоў, Я. Малікаў, У. Васькоў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://www.youtube.com/watch?v=1WcWE7pM1tQ. – Дата доступу: 11.03.2016.

9 Прахарэнка, І. Стэрэатыпны вобраз Гомеля ў сучаснай песні / І. Прахарэнка, Н. Сідоранка ; навук. кір. С. А. Балахонаў, А. Н. Назаранка [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: http://www.mazdzalina.org/stereatypny-vobraz-homiela-u-sucasnaj-piesni. – Дата доступу: 25.02.2016.

10 Пригодич, Н. Не потерять бы лицо : В чем уникальность Гомеля? [интервью с Е. Маликовым и С. Кривошеевым] / Н. Пригодич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gp.by/category/society/news15542.html. – Дата доступа: 10.03.2016.

11 Равинский, Д. К. Городская мифология / Д. К. Равинский // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 409–419.

12 Рогалев, А. Ф. Гомель. Страницы истории, формирование улиц, местные тайны и загадки / А. Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2014. – 248 с.

13 Романов, Е. Две надписи в церквах Гомельского уезда / Е. Романов // Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей» / под ред. Е. Р. Романова. – Могилев–Губернский, 1900. – Вып. 1. – С. 69–71.

14 Устьянцев, В. Б. Культурно-историческое пространство крупного города: исходные структуры / В. Б. Устьянцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.comk.ru/HTML/ustyancev_doc.htm. – Дата доступа: 25.09.2015.

Siarhei Balakhonau. Cultural and historical space of Homieĺ (Gomel) and urban memory (problem statement). *The article studies the special type of social memory named urban memory being a fundamental phenomenon of cultural and historical space. A row of key-questions of formation, development and functioning of urban memory in Homieĺ as a social institute and an information system is preferentially contoured on materials of the period between the XVIth and XXIst centuries. The issue about reasons of the functional failure resulted in the incapability of the institutionalized forms of urban memory to retranslate the accumulated and researched Homieĺ narrative to a wide range of citizens is raised.*

УДК 94:352.075.1 (476.2-37) «189»

Г. А. Аляксейчанка

Гомельскі дзяржаўны універсітэт імя Ф. Скарыны

МУНІЦЫПАЛЬНАЯ РЭФОРМА 1890-Х ГГ. У ПАВЯТОВЫХ ЦЭНТРАХ ПАЎДНЕВА-УСХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

У артыкуле разглядаюцца пытанні, звязаныя з асаблівасцямі перабудовы муніцыпальнай сістэмы кіравання ў павятовых цэнтрах паўднева-усходняй Беларусі ў выніку пераходу на Гарадавое палажэнне 1892 г. Асаблівая ўвага надаецца зместу арганізацыйным прынцыпам і галоўным напрамкам муніцыпальнай палітыкі, яе накіраванасці на развіццё гарадоў.

У айчыннай гістарычнай урбаністыцы апошнім часам назіраецца пашырэнне даследаванняў па гісторыі гарадскіх рэформ XIX ст. і выкліканых імі працэсаў фарміравання і дзейнасці органаў муніцыпальнай улады. У навейшых публікацыях гэтая праблематыка разглядаецца не толькі в агульным фармаце [1–4], але і на рэгіянальным узроўні [5–6]: пры гэтым закранаюцца мала даследаваныя раней аспекты дзейнасці гарадскога самакіравання (адукацыя, камунальная гаспадарка) [7–8]. Аднак у агульным полі гістарыяграфіі праблемы па ранейшаму застаецца недастаткова распрацаванай гісторыя муніцыпальнай сістэмы ў малях і сярэдніх павятовых цэнтрах [5, с. 36; 6, с. 118].

Прапанаваны артыкул з'яўляецца працягам спецыяльнага даследавання гісторыі муніцыпальных рэформ у павятовых цэнтрах паўднева-усходняй Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. [Гл.: 5].

Агульнае асэнсаванне спецыфікі правядзення муніцыпальнай рэформы 1890-х гг. у Беларусі павінна ўлічваць фактар "спазнення" папярэдняй гарадской рэформы [9, с. 178], а таксама – расцягнуты ў часе механізм яе паэтапнай рэалізацыі. На гэтым плане варта нагадаць, што з пераходам на Гарадавое палаженне 1870 г. у беларускіх губернях толькі ў канцы 1870-х – пачатку 1880-х гг. разгарнуўся складаны працэс фарміравання арганізацыйнай структуры і кадравага складу муніцыпальнай сістэмы кіравання, яе нарматворчых прэрагатыў, асноўных напрамкаў і механізмаў дзейнасці. Для такіх невялікіх паўаграрных гарадоў, як Мазыр, Рэчыца, Рагачоў этап станаўлення новай муніцыпальнай улады стаў сапраўдным выпрабаваннем:складанасці фарміравання фінансава-бюджэтнай базы, адсутнасць кваліфікаваных кадраў, дэфіцыт вопыту ў вызначэнні канкрэтных напрамкаў, задач і метадаў рэфармавання гарадскога жыцця [4, с. 39]. Тым не меньш гэтыя першыя крокі былі зроблены: на памежжы 1880-х – 1890-х гг. у павятовых цэнтрах азначанага рэгіену назіралася стабілізацыя электаральных працэдур і механізма фарміравання выбарных распарадчых органаў (гарадскіх дум) і іх выканаўчых структур (гарадскіх ўпраў), у асноўным акрэсліўся агульны фармат муніцыпальнай палітыкі, яе прыярытэты і шляхі рэалізацыі [Гл.: 10, с. 261–262; 11, с. 33–35; 12, с. 86]. У гэтым сэнсе цалкам слушным уяўляецца рэзюме да вынікаў муніцыпальнай рэформы 1870-х гг., прадстаўленае аўтарамі абагульняйчай гісторыі Беларусі: "Гарады адміністрацыйных цэнтраў паступова сталі ператварацца ў цэнтры гаспадарчай дзейнасці" [9, с. 174], што закладвала падмурак для іх далейшага развіцця і мадэрнізацыі.

Прыняцце на урадавым узроўні новага Гарадавога палажэння 1892 г. па сутнасці застала муніцыпальным рэформы ў беларускіх губернях

у фазе іх разгортвання і практычгай рэалізацыі. Але гэтая “тэхналагічная нестыкоўка” цыклаў рэформ не стала адзінай праблемнай зонай. Істотныя карэктывы ўносіў у муніцыпальную сістэму сам змест і агульная накіраванасць Гарадавога палажэння 1892 г.

Замена існаваўшага з 1870 г. паняцця “городское общество” на “городское поселение” сутнасна рэдуцыравала трактоўку суб’екта самакіравання, зводзячы яго да статуса тэрытарыяльна-адміністрацыйнай адзінкі. Гэты падыход быў замацаваны ў артыкуле 7 Гарадавога палажэння 1892 г., дзе гарадское самакіраванне страціла зафіксіраваны ў папярэднім палажэнні 1870 г. статус “общественного”, а таксама – у артыкуле 137, які аднaзначна разглядаў муніцыпальныя органы ў якасці аднаго з “административных мест и лиц” у губернскай сістэме дзяржаўнай улады.

Усе гэтыя меры дапаўняў артыкул 22, які для тых гарадскіх пасяленняў, дзе было недастаткова гарадскіх сродкаў, паўаграрны характар занятасці насельніцтва і адносна невысокі ўзровень развіцця гандлю і промыслаў, прадугледжваў пераход на т. зв. “спрошчанае гарадское грамадскае кіраванне” [10].

Нарматыўнай дакументацыяй замест існаваўшых раней гарадскіх дум у гэтых цэнтрах уводзіліся сходы гарадскіх упаўнаважаных. Гэты выбарны калегіяльны орган па колькаснаму складу стаў на парадак меньшым у параўнанні з корпусам думскіх гласных 70-х – пачатку 90-х гг. XIX ст. і па закону не мог перавышаць максімум у 15 абраных дэпутатаў-упаўнаважных [11, арк. 3].

У гарадах мяжы пры неабходнасці “рэзервіраваць” у гарадскіх сходах адно–два месцы для асоб іудзейскага веравызнання, якія дапускаліся адміністрацыяй “да выканання абавязкаў гарадскіх гласных або ўпаўнаважаных”. Замест гарадскога галавы пры спрошчаным кіраванні ўводзілася пасада гарадскога старасты, які разам з адным ці двумя намеснікамі выбіраўся сходам упаўнаважаных і спалучаў выканаўчыя функцыі і абавязкі старшыні на пасяджэннях сходаў гарадскіх упаўнаважаных. Асноўныя паўнамоцтвы і сферы кампетэнцыі муніцыпальных органаў захоўваліся, але пры сістэме спрошчанага гарадскога кіравання яны пазбаўляліся права прымаць абавязковыя пастановы, самастойна складаць планы гарадоў у іх змены, весці нагляд за гандлем. Істотна ўзрастала падкантрольнасць выбарных муніцыпальных органаў губернскай адміністрацыі па важнейшым гаспадарчых і перад усім – па фінансава-бюджэтных пытаннях [4, с. 54–56].

У азначаным адміністрацыйна-прававым фармаце ішла з сярэдзіны 90-х гг. XIX ст. перабудова гарадскога самакіравання ў Мазыры

і Рэчыцы, якія ў складзе большасці (2/3) павятовых цэнтраў Беларусі былі пераведзены на сістэму спрошчанага гарадскога кіравання. Гомель і Рагачоў увайшлі ў групу губернскіх і павятовых цэнтраў, у якіх Гарадавое палажэнне 1892 г. уводзілася ў "поўным аб'ёме".

Новые органы самакіравання тым не меньш здолелі распрацаваць узгоднены курс муніцыпальнай палітыкі і наладзіць сталае і ў цэлым даволі эфектыўнае ўзаемадзеянне паміж спецыяльнымі (мэтавымі) камісіямі гарадскіх упаўнаважаных і апаратам выканаўчай улады горада.

Важнейшай задачай новага курса муніцыпальнай палітыкі стала упарадкаванне, стабілізацыя і пошук шляхоў далейшага развіцця гарадской фінансава-бюджэтнай сістэмы. Па звестках губернскага статыстычнага камітэта апошні значны дэфіцыт гарадскога бюджэту ў Рэчыцы зафіксаваны ў 1903 г. у перыяд згаданага муніцыпальнага крызісу на памежжы стагодзяў. Гэты дэфіцыт у 3 тысячы рублёў быў пакрыты за кошт гарадскіх рэзервных сродкаў (з запасного капіталу "на патрэбы горада"). У далейшым гарадскія бюджэты Рэчыцы выконваліся як бездэфіцытныя. Аналізуючы структуру гэтых бюджэтаў, варта адзначыць устойлівы рост іх даходнай часткі, што з'яўлялася вынікам пашырэння базы, а таксама – удасканалення метадаў фінансавага кантроля і фіскальнага інструментарыя. У першую чаргу муніцыпальныя ўлады здолелі забяспечыць стабільны рост паступлен-няў ад ацэначных збораў з дамоў і нерухомасці гараджан. Паводле фінансавых справаздач гарадскога самакіравання Рэчыцы ў 1910–1913 гг. Гэтыя сумы ў параўнанні з канцом 80-х гг. XIX ст., калі былі ўведзены ацэначныя зборы, выраслі больш чым у 10 разоў, у Гомелі – у 6 разоў. Пасля завяршэння пераацэнкі пляцавых і сядзібных участкаў (1905 г.) павялічыўся аб'ём выкупных сум, якія накіроўваліся ў запасны капітал "на патрэбы горада", працэнты з якога штогод паралічваліся ў даходныя часткі бюджэаў гарадоў. Ад пачатку XX ст. у Рэчыцы, Мазыры і Рагачове сталы характар набыла практыка рэгулянага афармлення спецыяльнымі арэндными дагаворамі здачы пад склады лесаматэрыялаў гарадскіх прыстаняў і прылягаўшай да іх тэрыторыі [12, с. 14–15]. Дастаткова стабільны, але адносна невялікі прырост даходнай часткі гарадскога бюджэту давалі асобныя аб'екты гарадской маёмасці (паромная пераправа на р. Днепр, гандлёвыя лаўкі на базарнай плошчы), а таксама спецыяльныя зборы з гарадскіх рамізнікаў, плата за гарадскія "рыбныя лоўлі" і інш.

Расходныя часткі гарадскіх бюджэтаў у адпаведнасці зартыкулам 138 Гарадавога палажэння 1892 г. былі зарыентаваны на першачарговае забеспячэнне "абавязковых расходаў", якія ў пераважнай большасці былі звязаны з утрыманнем і забеспячэннем мясцовага апарата паліцыі,

жандармерыі, турэмных устаноў і часткова-ваенных) у тым выпадку, калі яны размяшчаліся ў межах гарадской тэрыторыі.

Доля абавязковых расходаў у бюджэтах павятовых гарадоў пачатку XX ст. была надзвычай вялікай. Па нышых падліках у Рэчыцы яны забіралі ў 1902 г. каля 50 %, у 1908 г. – блізка да 40 % гарадскіх даходаў, а ў "рэкордным" 1910 г. абавязковыя расходы дасягнулі 19 тыс. 541 руб. Пры агульнай суме бюджэтных паступленняў у 23 тыс. 684 руб. [15, с. 146].

Аднак нават у такіх складаных фінансава-бюджэтных умовах гарадскія ўлады імкнуліся рэалізаваць галоўныя напрамкі муніцыпальнай палітыкі. Следам за Гомелем, дзе яшчэ ў 1880-я гг. у цэнтры горада быў пабудаваны новы гасцінны двор, а таксама абсталяваныя спецыялізаваныя гандлевыя плошчы-спадарожнікі (конны базар і інш.), з другой паловы 1890-х гг. у Рэчыцы і Мазыры аднаўляюцца работы па рэканструкцыі і далейшай забудове гандлёвых ліній на гарадскіх базарных плошчах. У 1911 г. гарадскія ўлады набываюць і ўстанаўліваюць тут высокаякасныя вялікія "соценныя" вагі, адначасова ўдасканальваюцца водазабеспячэнне і санітарна-гігіенічная інфраструктура цэнтральных базараў. З пачатку XX ст. у гарадском прамысловам комплексе Гомеля, Мазыря і Рэчыцы з'явіліся добра абсталяваныя бойні з навейшым тэхналагічным забеспячэннем.

Пачынаецца новы этап будаўніцтва і добраўпарадкавання гарадоў. З 1901 г. паслядоўна ўводзяцца дадатковыя лініі асвятлення гарадоў, а з 1903 г. у Гомелі, Рэчыцы, Мазыры былі ўведзены ў эксплуатацыю больш дасканалыя газава-калільныя ліхтары.

Важнай асаблівасцю гэтага часу з'яўляецца паварот да комплексных праграм развіцця гарадской структуры кантралюемых муніцыпальнымі органамі, якія ўключалі адасабленне прамысловых зон, рэгулярную забудову ўскраін з адначасовай мадэрнізацыяй культурна-прасторавага асяроддзя цэнтраў Мазыря, Рэчыцы і звязанных з ім месцаў адпачынку гараджан – гарадскіх бульвараў, набярэжных рэк, лодачных станцый, купален і інш. Бясспрэчным рэгіянальным лідарам у гэтай справе з'являўся Гомель, дзе пасля пріняцця новага генплана з другой паловы 1880-х гг. пачынаецца паэтапная рэалізацыя 9 пунктаў муніцыпальнай праграмы, прапанаванай гарадскім галавой С. І. Нолькеным. У выніку горад атрымаў значную сетку брукаваных маставых і тратуараў, упарадкаваныя скверы (сады) і зяленыя зоны. Гістарычный цэнтр горада атрымаў новыя культурна-спартыўныя аб'екты – летні і зімовы тэатры, музычныя пляцоўкі, трэк і інш. [13, с. 34–35].

Важным вектарам муніцыпальнай палітыкі павятовых цэнтраў рэгіёнаў з'ўлялася развіцце адукацыйна-асветніцкай сістэмы. Найбольш

дынамічнай у гэты час выглядала адукацыйная палітыка Рэчыцы якая пасля страты ў пачатку 1880-х гг. павятовага вучылішча, мела востры дэфіцыт у пачатковых і асабліва сярэдніх навучальных установах [5, с. 39].

З 1901 г. гарадскія актывісты на чале з інспектарам народных вучылішч Ф. В. Лукашэвічам зрабілі сапраўдны прарыў у развіцці пачатковай і сярэдняй адукацыі горада: была ўмацавана вучэбна-матэрыяльная база асноўных пачатковых школ і вучылішч [16, арк. 137–138; 17, арк 102–109].

Адначасова муніцыпальная ўлада прыняла двухгадовы план развіцця прафесійнай адукацыі ў горадзе і павеце з фінансаваннем ў аб’еме 65 тыс. рублеў. План адпачатку быў скаардынаваны з рэчыцкім павятовым земствам. Гарадскі сход Рэчыцы падтрымаў ініцыятыву педагагічнай грамадскасці па стварэнню ў горадзе настаўніцкай семінарыі, а ў снежні 1910 г. выступіў с хадайніцтвам перад міністэрствам народнай асветы аб адкрыцці ў горадзе мужчынскай гімназіі [18, арк. 21–21 зв.]. На жаль, рэалізацыі гэтых перспектыў перашкоділа сусветная вайна. Гарадскія ўлады Гомеля і Мазыра да пачатку XX ст. здолелі рэалізаваць галоўную задачу, якая была вызначана на працягу 1870–1880-х гг., у гэтых гарадах былі створаны поўныя мужчынскія і жаночыя гімназіі

Адначасова развівалася сістэма пачатковай і спецыяльнай адукацыі, усталяваліся трывалыя сувязі муніцыпальных органаў з прыватнымі гімназіямі і іншымі навучальнымі установамі [19, арк. 198–200 зв.]. Гэтыя здабыткі былі вынікам эфектыўнага выкарыстання практычных напрацовак і захадаў гарадскіх улад папярэдняга часу, а таксама – пераваг, якія давала малым і сярэднім гарадам праграма пераходу да новай адукацыйнай сістэмы.

На фоне выразна акрэсленай адукацыйнай дамінанты ў муніцыпальнай палітыцы павятовых гарадоў рэгіёну рэзкім кантрастам выглядае адставанне іншых асветніцкіх асяродкаў (публічных бібліятэк, музейных устаноў і г. д.). Існавалі праблемы ў развіцці устаноў аховы здароў’я, забеспячэння насельніцтва медыкаментамі, шераг невырашаных пытанняў у галіне камунальнай гаспадаркі. Вырашэнне гэтых задач гарадскія ўлады павятовых цэнтраў паўднева-усходняй Беларусі звязвалі з перспектывмі кардынальнага рэфармавання муніцыпальнай сістэмы Расійскай імперыі, якія актыўна абмярковаліся на шэрагу прадстаўнічых нарад па пытаннях гарадскога самакіравання і гаспадаркі ў 1910–1912 гг. [Гл.: 20, с. 20–26]. На жаль, целы блок канструктыўных прапаноў, выказаных на гэтых форумах, так і не быў рэалізаваны на практыце.

Спіс выкарыстанных крыніц і літаратуры

1 Атрушкевич, М. М. Городские реформы Российской империи 1870 г. / М. М. Атрушкевич // Пытанні гісторыі Беларусі: зборнік навуковых прац. – Мінск: БДУ імя Танка, 1998. – С. 52–61.

2 Грыбко, І. Л. Рэфармаванне гарадскога кіравання Беларусі у 70–80-я гг. XIX ст. / І. Л. Грыбко // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. 29 лістапада 1999 г. – Мінск: Выд. БДУ, 2000. – С. 91–95.

3 Грыбко, І. Выбары ў гарадскія думы ў Беларусі ў другой палове 70-х – пачатку 90-х гадоў XIX ст. / І Грыбко // Беларускі гістарычны часопіс. – 2002. – № 6. – С. 23 –27.

4 Юрочкин, М. А. Реформа городского самоуправления в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. / М. А. Юрочкин. – Гомель: Белницэкология, 2002. – 152 с.

5 Аляксейчанка, Г. А. Муніцыпальная рэформа 1870–1880-х гг. у павятовых цэнтрах паўднева-усходняй Беларусі // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях: праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця. – Зб. навуковых артыкулаў. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 35–41.

6 Терещенко, А. А. Формирование органов самоуправления в городах Центрального Черноземья в 70–90-е годы XIX века / А. А. Терещенко // Вопросы истории. – 2003. – № 9. – С. 118–125.

7 Моторова, Н. С. Участие органов самоуправления Беларуси в организации противопожарной охраны городов (1875–1914) / Н. С. Моторова // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы. Зб. навуковых артыкулаў : у 2 ч. Ч. 1. – Гомель: УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2009. – С. 60–67.

8 Моторова, Н. С. Деятельность органов городского самоуправления по развитию системы средних учебных заведений (1875–1914 гг.) / Н. С. Моторова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5. – С. 78–84.

9 Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII– пачатак XX ст.). – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 519 с.

10 Городовое положение 11 июня 1892 г. // ПСЗРИ. Собрание третье. – Т. XII. – № 8708. – С. 430–456.

11 Инструкция об организации городских упрощенных управлений 30 мая 1893 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Фонд 299. – Воп. 1. – Спр. 78.

12 Аляксейчанка, Г. А. Рэчыца ў другой палове XIX ст.: муніцыпальнае самакіраванне і развіцце горада / Г. А. Аляксейчанка // Пятыя Міжнародныя Доўнарскія чытанні (Рэчыца, 22–23 верасня 2005 г.). – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2005. – С. 255–262.

13 Аляксейчанка, Г. А. Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст.: муніцыпальная палітыка і развіцце горада / Г. А. Аляксейчанка // Гомель:

старонкі гісторыі (да 870-годдзя першай сгадкі ў летапісе) : Зб. навуковых артыкулаў. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2012. – С. 31–37.

14 Аляксейчанка, Г. А. Муніцыпальная рэформа 1870–1880-х гг. і гарадское самакіраванне г. Мазыра / Г. А. Аляксейчанка // Мазыршчына: людзі, падзеі, час. Матэрыялы II Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. – Мазыр, 25–26 мая 2012 года. – Мазыр, 2012. – С. 82–86.

15 Аляксейчанка, Г. А. Гарадское самокіраванне, муніцыпальная палітыка і развіцце Рэчыцы ў канцы XIX–пачатку XX ст. / Г. А. Аляксейчанка // Шостыя Міжнародныя Доўнароўскія чытанні : у 2 ч. – Ч.2. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – С. 142–148.

16 Журнал заседаний Речицкого городского собрания (1901 г.) // НГАБ. – Фонд 22. – Воп. 1. –Спр. 654.

17 Журнал заседаний Речицкого городского собрания (1908 г.) // НГАБ. – Фонд 22. – Воп. 1. – Спр. 998.

18 Журнал заседаний Речицкого городского собрания (1910 г.) // НГАБ. – Фонд 22. – Воп. 1. –Спр. 1041.

19 Журнал заседаний Мозырского городского управления (1908 г.) // НГАБ. – Фонд 22. – Воп. 1. –Спр. 996.

20 Совещание деятелей по городскому хозяйству в Санкт-Петербурге, 1–7 декабря 1912 г. – б/м, 1913. – 27 с.

Gennady Alyakseychanka. **Municipal reform of the 1890s in the county centers of Southeast Belarus.** *The article deals with questions related to the peculiarities of the municipal governance restructuring in the district center of southeastern Belarus as a result of the transition to the policemen palazhenne 1892 Particular attention is paid to the content of the organizational principles and the main focus of municipal policy and its focus on the development of cities.*

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Аляксейчанка Генадзь Аляксандравіч	загадчык кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Бабіна Алег Валер'евіч	загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Нацыянальнага ўніверсітэта караблебудавання імя адмірала Макарава (г. Нікалаеў, Украіна), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Багданава Ганна Паўлаўна	аспірантка Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, магістр гістарычных навук
Балахонаў Сяргей Аляксандравіч	настаўнік гісторыі вышэйшай катэгорыі сярэдняй школы № 24 г. Гомеля
Барсук Алена Яўгеньеўна	дацэнт Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, кандыдат гістарычных навук
Барташэвіч Андрэй Юр'евіч	выкладчык кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы), магістр гістарычных навук
Брыгадзін Дзяніс Пятровіч	начальнік аддзела міжнародных сувязяў Дзяржаўнага інстытута кіравання і сацыяльных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Высовень Аксана Іванаўна	дацэнт кафедры гісторыі і культуры Украіны Переяслаў-Хмяльніцкага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Г. Скаварады, кандидат гістарычных навук, дацэнт
Высоцкая Кацярына Ігараўна	аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Ганчар Уладзімір Алегавіч	дацэнт кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, кандыдат гістарычных навук
Дуброўка Алена Мікалаеўна	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, кандыдат гістарычных навук
Зубко Вольга Яўгеньеўна	спецыяліст аддзела міжнародных сувязей і дзейнасцей Вінніцкага нацыянальнага аграрнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук

Казімір Вера Анатольеўна	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Інстытута гісторыі, этналогіі і правазнаўства імя Лазарэўскага Чарнігаўскага нацыянальнага педагагічнага ўніверсітэта імя Т. Г. Шаўчэнкі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Кандрацьеў Ігар Віктаравіч	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Інстытута гісторыі, этналогіі і правазнаўства імя Лазарэўскага Чарнігаўскага нацыянальнага педагагічнага ўніверсітэта імя Т. Г. Шаўчэнкі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Кір'янава Алёна Леанідаўна	старшы выкладчык кафедры выдавецкай справы і рэдагавання Выдавецка-паліграфічнага інстытута Нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта Ўкраіны "Кіеўскі палітэхнічны інстытут"
Кузьменка Юлія Уладзіміраўна	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і міжнародных адносін Нежынскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Мікалая Гогаля, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Лайкоў Кірыл Міхайлавіч	малодшы навуковы супрацоўнік цэнтра гісторыі геапалітыкі Інстытута гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі
Лебедзеў Андрэй Дзмітрыевіч	дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Лебедзева Юлія Аляксандраўна	старшы навуковы супрацоўнік аддзелу філасофіі і геапалітыкі Навукова-даследчага інстытута украіназнаўства Міністэрства асветы і навукі Украіны, кандыдат гістарычных навук
Маслоўскі Яўген Валер'евіч	аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Маторава Надзея Сяргееўна	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Панкоў Юрый Уладзіміравіч	малодшы навуковы супрацоўнік Гомельскага палацава-паркавага ансамбля, магістр гістарычных навук
Пушкін Ігар Аляксандравіч	дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Райчонак Аляксандр Аляксандравіч	дацэнт Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага універсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Сідарава Святлана Алегаўна	аспірантка Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, магістр гістарычных навук
Склярава Алена Міхайлаўна	навуковы супрацоўнік Навукова-даследчага інстытута ўкраіназнаўства
Талочка Дзмітрый Міхайлавіч	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Тучынскі Віталь Анатольевіч	дацэнт Вінніцага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Кацюбінскага (г. Вінніца, Украіна), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Улейчык Наталля Леанідаўна	дацэнт кафедры ўсеагульнай і славянскай гісторыі Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Хайнак Станіслаў Уладзіслававіч	магістрант кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны
Чаропка Станіслаў Аляксандравіч	загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Шыляеў Антон Паўлавіч	асістэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, магістр гістарычных навук
Ярашынскі Алег Багданавіч	вядучы навуковы супрацоўнік аддзела гістарычнага навучання Навукова-даследчага інстытута ўкраіназнаўства Міністэрства асветы і навукі Украіны
Ярошова Эльвіра Барысаўна	прафесар кафедры гуманітарных дысцыплін Маскоўскага дзяржаўнага фінансава-юрыдычнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук, прафесар

SUMMARY

Lebedeva Yuliya, Ph.D.

Geopolitical outline development of Ukrainian lands in the late XIII–XIV in the XVIII century. The article attempts to consider features of the Lithuanian expansion to Ukrainian lands at the end XIII–XIV century. It is proved that at the time the Grand principality of Lithuania was one of the largest state formations in Central and Eastern Europe. Proved that the Lithuanian state as a result of the conquest of large parts of Belarus and Ukraine, exhausted feudal system and the Horde attacks, was a union of separate land. Argued that during the Lithuanian enslavement Ukrainian statehood existed in the form of territorial authorities. 14

Anton Shyliayeu, M.A.

Hetman's power in the GDL's army in the end of 16th – beginning of the 17th century. In the present article deals with the powers of Hetman ON in the GDL's army after the military reforms of King Stefan Batory , and before coming to power Władysław IV. Emphasis is placed on the direct obligations of Hetman army management, as well as various judicial and economic powers and servants Hetman, who helped them in the performance of various duties. We consider the procedure for appointing the great hetman and dipole hetman and their interaction. 21

Uladzislau Khainak, M.A.

South vector of the foreign policy in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the reign of Sigismund III Vasa. The article discusses foreign political activity of the Commonwealth to the south direction at the last quarter XVI – the first third of the XVII century was aimed at strengthening its political and economic influence in the Danube region. The foreign policy of the Commonwealth has the task of creating a buffer zone on the southern borders of the country from the Danubian principalities involved in the sphere of its interests. Active protection of the interests of the Commonwealth from the claims of the Ottoman Empire was the main character. 28

Навуковае выданне

ГІСТАРЫЧНЫЯ ШЛЯХІ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА І СУСЕДЗЯЎ:

УЗАЕМАДЗЕЯННЕ І ЎЗАЕМАЎПЛЫВЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Падпісана да друку 06.09.2016. Фармат 60х84 1/8.
Папера афсетная. Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 7,4.
Улік.-выд. арк. 8,1. Тыраж 45 экз. Заказ 491.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі
“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013.
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013.
Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель.